

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН  
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ  
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**ОБРАЗ ГУМАНИТАРНЫХ  
И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
В XXI ВЕКЕ**

МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ  
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ  
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск  
2004

**ББК 87**  
**УДК 303.01**

**Образ гуманитарных и социальных исследований в XXI веке.** Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. 194с.

**ISBN 5-94356-191-9**

В сборнике публикуются доклады участников региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Образ гуманитарных и социальных исследований в XXI веке».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН

*Сборник издан по решению  
Ученого совета  
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент  
д-р филос. наук, проф В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы  
канд. филос. наук А. М. Аблажей  
канд. филос. наук Н. В. Головкин*

**ISBN 5-94356-191-9**

© Коллектив авторов, 2004  
© ИФПР СО РАН, 2004  
© Новосибирский государственный университет, 2004

## Содержание

### Раздел I. Социальные исследования ..... 10

*Аблажей А. М.* ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ  
УЧЕНОГО В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ  
НАУКЕ ..... 10

*Вертгейм Ю. Б.* СИБИРЬ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ  
СОЦИОЛОГИИ (16-21 ВВ.) ..... 13

*Ерохина Е. А.* ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ  
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ..... 15

*Виноградова М. С.* МОЛОДЕЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ  
ОРГАНИЗАЦИИ: АНАЛИЗ 2 ТЕНДЕНЦИЙ – ТОЛЕРАНТНОСТЬ  
И НАЦИОНАЛИЗМ (НА МАТЕРИАЛАХ НЕСКОЛЬКИХ ГАЗЕТ  
Г. НОВОСИБИРСКА 2000 -2004) ..... 19

*Кузнецов А. И.* НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АЛКОГОЛЯ В  
СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ПЕРИОДА НЭПА КАК  
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-  
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ..... 20

*Иванова С. А.* ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ И СТЕРЕОТИПЫ У  
МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В  
РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ) ..... 22

*Солодова Г. С.* СОВРЕМЕННЫЕ ПОДРОСТКИ: ИНТЕРЕС К  
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ОЦЕНКА  
МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ..... 24

### Раздел II. Философские исследования ..... 27

|                                                                                                                                                                     |           |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------|
| <i>Философия и методология науки .....</i>                                                                                                                          | <i>27</i> |
| <b>Головко Н. В. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ<br/>ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМЕ И ВНЕЭМПИРИЧЕСКОМ<br/>ОБОСНОВАНИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ .....</b>                                    | <b>27</b> |
| <b>Сторожук А. Ю. ПОНЯТИЕ ПОЛНОТЫ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ .....</b>                                                                                                          | <b>34</b> |
| <b>Соколов Ф. С. О ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ОГРАНИЧЕННОСТИ<br/>ПОЗНАНИЯ СОЗНАНИЯ.....</b>                                                                                     | <b>40</b> |
| <b>Якушин А. В. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ<br/>СОЗНАНИЯ .....</b>                                                                                            | <b>41</b> |
| <b>Скрыпка А. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ<br/>КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ САМООРГАНИЗУЮЩЕЙСЯ<br/>СИСТЕМЫ .....</b>                                                        | <b>42</b> |
| <b>Подшибякина Л. В. КРИЗИС НАУКИ В СВЕТЕ НОВЫХ КУЛЬТОВ<br/>СОВРЕМЕННОСТИ .....</b>                                                                                 | <b>44</b> |
| <b>Лапина Т. В. ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА<br/>В ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ НАУКИ .....</b>                                                                    | <b>46</b> |
| <b>Савостьянов А. Н. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ<br/>ИССЛЕДОВАНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И<br/>МЕТОДОЛОГИЯ .....</b>                                               | <b>49</b> |
| <i>История философии в новом интеллектуальном контексте ....</i>                                                                                                    | <i>55</i> |
| <b>Вольф М. Н., Берестов И. В. ПРОБЛЕМНЫЙ ПОДХОД К<br/>ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ .....</b>                                                                  | <b>55</b> |
| <b>Берестов И. В. КЛАССИФИКАЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ<br/>ПРОБЛЕМ У ДОСОКРАТИКОВ КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ<br/>ПРОБЛЕМНОГО ПОДХОДА К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ<br/>ФИЛОСОФИИ .....</b> | <b>61</b> |

|                                                                                                                                            |           |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------|
| <b>Вольф М. Н. ГНОСЕОЛОГИЯ ЯВНОГО И НЕЯВНОГО<br/>У ГЕРАКЛИТА .....</b>                                                                     | <b>66</b> |
| <b>Ионайтис О. Б. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДМИТРИЯ<br/>РОСТОВСКОГО .....</b>                                                                 | <b>69</b> |
| <b>Немцев М. Ю. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ФИЛОСОФИИ<br/>А. М. ПЯТИГОРСКОГО .....</b>                                                                 | <b>71</b> |
| <b>Осокина А. Н. ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ<br/>УЧЕНИЯ КИРКЕГОРА .....</b>                                                         | <b>76</b> |
| <b><i>Социально-философские исследования .....</i></b>                                                                                     | <b>77</b> |
| <b>Вертгейм Ю. Б. ПРОБЛЕМА «КОНЦА ИСТОРИИ» В КОНТЕКСТЕ<br/>СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ .....</b>                                                  | <b>77</b> |
| <b>Чистанов М. Н. СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ГОРИЗОНТ<br/>ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ .....</b>                                    | <b>79</b> |
| <b>Арапова Ю. Г. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО И<br/>ОБЪЕКТИВНОГО В РАМКАХ ИНТЕРПРЕТИВНОЙ ЛИНИИ<br/>СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ .....</b> | <b>82</b> |
| <b>Костов С. В. ТЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОМУ<br/>ИССЛЕДОВАНИЮ .....</b>                                                            | <b>84</b> |
| <b>Микичур Е. А. КРИТИКА ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА<br/>Г. МАРКУЗЕ, КАК ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ<br/>СОВРЕМЕННОГО АНТИГЛОБАЛИЗМА .....</b>   | <b>85</b> |
| <b>Рыжененков Е. В. ГЛОБАЛИЗМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ<br/>О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ .....</b>                                              | <b>87</b> |
| <b>Аникина Е. В. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ<br/>ГЛОБАЛИЗАЦИИ .....</b>                                                                       | <b>89</b> |

|                                                                                                                                      |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Артемова И. В.</i> К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ РУССКОГО БОЛЬШИНСТВА .....                                           | 91  |
| <i>Литвинов С. В.</i> ФЕНОМЕН ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ НАУКЕ .....                                             | 93  |
| <i>Бердникова И. А.</i> ТЕМАТИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ В РАБОТАХ М. ХОРКХАЙМЕРА .....                            | 96  |
| <i>Братющенко С. В.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА) .....                     | 98  |
| <i>Воеводина Ю. А.</i> СВЯЗЬ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ (АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА) .....                                                  | 105 |
| <i>Кергенская Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА .....                                | 107 |
| <i>Киютин Т. Н., Туман-Никифоров А. А., Туман-Никифорова И. О.</i> СОЦИАЛЬНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ОБЩЕСТВЕ .....             | 108 |
| <i>Руди А. Ш.</i> ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛ ДЕЙСТВИЙ ЧЕЛОВЕКА В ПРОГРЕССИВНОМ ОБЩЕСТВЕ .....                                        | 110 |
| <i>Грицкевич Т. И.</i> К ВОПРОСУ О СРЕДСТВЕ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ .....                                                   | 112 |
| <i>Зайцева О. В.</i> РОЛЬ ПРОГРАММЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ .....                     | 116 |
| <i>Старков В. Н.</i> ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ..... | 118 |

|                                                                                                                                               |            |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <b>Кубанов А. А. ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДМЕТА<br/>ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ .....</b>                                                         | <b>124</b> |
| <i>Философские вопросы образования, творчества и культуры ...</i> 129                                                                         |            |
| <b>Лехциер В. Л. СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ<br/>И АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИФФЕРЕНЦИИ .....</b>                                      | <b>129</b> |
| <b>Кютина Т. Н., Туман-Никифоров А. А.,<br/>Туман-Никифорова И. О. ГУМАНОЛОГИЯ КАК СИНТЕТИЧЕСКОЕ<br/>ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ .....</b> | <b>134</b> |
| <b>Романова И. М. ПОНИМАНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ В<br/>КОНЦЕПЦИЯХ ДИСКРЕТНОГО РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ .....</b>                                         | <b>136</b> |
| <b>Манихина Е. В. СИМВОЛ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО<br/>ОСМЫСЛЕНИЯ .....</b>                                                                     | <b>138</b> |
| <b>Бабак М. В. ФИЛОСОФИЯ КАК АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ<br/>ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ<br/>ФИЛОСОФИИ И. КАНТА) .....</b>                   | <b>140</b> |
| <b>Сычева В. ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ МОРАЛИ .....</b>                                                                                           | <b>142</b> |
| <b>Пак О. ДИСКУРС ТЕЛЕСНОСТИ В СТРУКТУРЕ<br/>ЭТНОДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИХ ПРАКТИК .....</b>                                                           | <b>144</b> |
| <b>Бадулина А. Н. СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСТВА В СРЕДЕ<br/>ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ .....</b>                                                     | <b>145</b> |
| <b>Максимов Д. В. О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАР-<br/>НОСТИ В РАЗВИТИИ ИСТОРИОГРАФИИ .....</b>                                                | <b>147</b> |
| <b>Афанасьевский В. Л. МЕТАФИЗИКА КОММУНИКАЦИИ (К<br/>ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) .....</b>                                                          | <b>148</b> |
| <b>Лукьянова Н. А. МЕЧТА КАК ПРООБРАЗ ЦЕЛИ В ГОРИЗОНТАХ<br/>СОЗНАНИЯ .....</b>                                                                | <b>150</b> |

|                                                                                                                                                 |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Грозина Н. А.</i> РОЛЬ ДИСКУРСА ОБРАЗОВАНИЯ<br>В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ .....                                                  | 152 |
| <i>Петров В. В.</i> ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ<br>В РАМКАХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ<br>КУРСОВ .....                          | 154 |
| <i>Сергеев В. К.</i> ГУМАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО<br>ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК<br>МУЛЬТИАСПЕКТНАЯ МЕГАТЕНДЕНЦИЯ (К ПОСТАНОВКЕ<br>ПРОБЛЕМЫ) ..... | 156 |
| <i>Шелудченко О.</i> КРИЗИС РЕЛИГИИ И ДУХОВНОСТИ<br>В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ .....                                                                    | 158 |
| <br>Раздел III. Теоретические проблемы права .....                                                                                              | 160 |
| <i>Дидикин А. Б.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ<br>ОХРАНЫ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА.....                                              | 160 |
| <i>Зыков С. В.</i> КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ<br>НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ .....                                                  | 163 |
| <i>Коршунов И. А.</i> ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ<br>ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ .....                                                          | 166 |
| <i>Костяев С. С.</i> ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО<br>РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА В США ДЛЯ РОССИЙСКОГО<br>ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА .....                  | 170 |
| <i>Никуличева Н. Ю.</i> СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДЕЛОВОЙ<br>РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА.....                                                    | 172 |
| <i>Попов А. А.</i> ПРАВОСПОСОБНОСТЬ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО<br>ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА .....                                                                 | 175 |
| <i>Смирнов В. В.</i> ДОСУДЕБНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ<br>НОТАРИУСОМ В РАМКАХ ГПК РФ И АПК РФ .....                                          | 178 |



|                                                                                                                                    |            |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <b>Смирнов В. В. ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ<br/>ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СЕТИ<br/>ИНТЕРНЕТ .....</b>        | <b>179</b> |
| <b>Кусаинова А. ПРАВОВЫЕ ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ .....</b>                                                                                 | <b>182</b> |
| <b>Лабузов Д. А. ДОГОВОР НОРМАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ КАК<br/>ИСТОЧНИК ПРАВА .....</b>                                                  | <b>184</b> |
| <b>Морозов М. Э. ПРОБЛЕМЫ ОСПАРИВАНИЯ АКТОВ<br/>ТРЕТЕЙСКОГО СУДА .....</b>                                                         | <b>186</b> |
| <b>Музюкин Д. В. КАТЕГОРИИ «РАБОТА» И «УСЛУГА» В<br/>ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ<br/>ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ .....</b> | <b>188</b> |
| <b>Туменбаев С. А. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ВИНЫ: ИСТОРИКО-<br/>ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ .....</b>                                             | <b>191</b> |

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ  
УЧЕНОГО В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ  
В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ**

**А. М. Аблажей**

Институт философии и права СО РАН

Вопросы воспроизводства российской науки, усиление различий в ценностных ориентациях представителей различных возрастных групп отечественных исследователей, выдвинулись в последнее время в число наиболее острых и обсуждаемых проблем российского научного сообщества. По мнению президента, «в науке наметилась реальная опасность утраты преемственности поколений» [3, с.1]; с этим согласно и руководство Академии наук [4, с.1]. В настоящем докладе для изучения данных вопросов использовались результаты массового социологического исследования, проведенного в 2002 – 2003 гг. в региональных научных центрах Сибири (Красноярском, Томском, Омском и Кемеровском). Были выделены две возрастные группы: исследователи до 35 лет и старше 50 лет, и проведен сравнительный анализ их мнений по целому ряду значимых явлений и процессов, происходящих в российской науке.

При характеристике современного состояния российской науки для представителей обеих групп характерен явный перекос в сторону негативной оценки ситуации: «нормальным» его посчитали лишь 3,4% молодых и менее одного процента представителей старшего поколения ученых; с другой стороны, положение следует признать «критическим» по мнению более чем 10% молодых ученых и 16% их коллег старше 50 лет. В целом же более трети молодых и около 40% их старших коллег крайне негативно оценивают современное положение науки (по их мнению, оно «тяжелое и без положительных тенденций» или, более того, «критическое»). Вместе с тем большинство участников опроса выбрали более нейтральные варианты ответов («нестабильное» - в среднем около 35% по обеим группам; «тяжелое, но с положительными тенденциями» - около 25% по той и другой группе респондентов). В целом подобные оценки совпадают с данными аналогичных исследований [6, с.1], которые выявляют, как правило, преобладание умеренно-пессимистических оценок современного положения науки во взглядах российских ученых.

Большой интерес представляла оценка респондентами мероприятий по реорганизации российской науки, предпринятых в последнее десятилетие. Что касается повышения самостоятельности региональных отделений и центров, то большинство участников опроса выбрали либо ответ «частично» (около 32% в среднем по двум группам), либо затруднились с определенным ответом (48% в среднем по обеим группам). Существенная разница была получена лишь при выборе варианта ответа «не удалось»: против 1,5% у молодых - более чем 9% для старшего поколения ученых.

Меньшая степень информированности отчасти сказалась и при оценке такой меры, как введение выборности директоров институтов, хотя в целом это нововведение оказалось гораздо более знакомым всем группам респондентов. Затруднились ответить чуть более 22% исследователей старше 50 лет и 32% тех, кто не достиг 35-летнего возраста. Одновременно более 66% респондентов из старшей группы отметили, что эта мера удалась или удалась частично, тогда как среди молодежи

жи таковых лишь 57%. Примерно одинаковое количество (около 11%) в обеих группах посчитали, что эту меру осуществить не удалось.

Достаточно высокой оказалась степень информированности респондентов о деятельности российских научных фондов. Менее 1/3 опрошенных по всем возрастным группам затруднились при ответе (немногим более 33% из числа молодежи, и около 26% из старшей группы). Можно предположить, что именно таково количество исследователей, которые пока никак не участвовали в реализации проектов, поддержанных грантами РФФИ или РГНФ. Негативную оценку («эта мера не удалась») деятельности фондов поставили в среднем около 9% опрошенных нами респондентов по обеим группам. Наконец, 58% из числа молодых исследователей и около 64% из числа их старших коллег в целом положительно оценили деятельность российских научных фондов.

В целом перечисленные выше меры безоговорочно положительно оценили лишь немногим более 2% респондентов из обеих возрастных групп; помимо этого, чуть более 27% из числа молодежи и около 24% из членов старшей группы решили, что их влияние «скорее положительное». В то же время оценки «скорее не удалась» и безоговорочное «не удалась» характерны для 40,6% молодых ученых и 54,2% их старших коллег.

Исследование выявило определенную идеализацию молодежи в глазах старшего поколения ученых. Отвечая на вопрос о том, какие факторы привлекают молодых в науку, более 40% научных сотрудников старше 50 лет наивысшую оценку дали такому фактору, как «тяга к познанию, стремление к творчеству», тогда как среди молодежи тех, кто с этим согласен, почти на 10% меньше. Старшее поколение не только склонно переоценивать влияние родительского авторитета на решение детей заниматься наукой, но и более решительно настаивает на том, что молодых привлекает в науку возможность использовать ее в качестве канала утечки за рубеж. Их младшие коллеги гораздо чаще говорят о важности внеаучных мотивов (желание избежать службы в армии, жилье и т.д.). Мнение относительно других факторов («желание работать в творческом коллективе», «вера в будущее науки и ее рост ее престижа в обществе») отличается по возрастным группам не столь существенно.

Относительно успешно, по мнению ученых, развивается процесс интеграции науки и высшей школы. Участники обследования из обеих рассматриваемых групп высоко оценивают усилия ведущих университетов Томска, Красноярска, Кемерово, Омска по подготовке кадров для науки (более чем по 75% респондентов из той и другой группы оценили их роль как «заметную» или «определяющую»)

Одним из важнейших элементов реформирования российской науки остается внедрение грантовой системы финансирования научных исследований. При ответе на вопрос о том, как они оценивают эту систему, мнения респондентов обеих групп практически совпали по таким позициям, как «эта система отвечает долгосрочным интересам нашей науки» (в среднем около 13% ответов) и фонды «обеспечивают цели ситуативного выживания науки» (в среднем более 60% ответов). Противоположная ситуация наблюдается при выборе последнего из предложенных вариантов: «эта система не нужна, необходимо бюджетное финансирование». В то время как среди старшего поколения ученых доля подобных скептиков составляет 14%, среди молодых таких лишь около 3,5%.

Существенная разница между респондентами проявилась и при выборе первого из предложенных вариантов ответа – «затрудняюсь ответить». Если среди ученых старше 50 лет подобная оценка характерна лишь для 9,6% ответивших, то среди молодежи таких уже 22%. Подобная разница позволяет предположить, что почти пятая часть молодых ученых пока еще не имеет опыта работы по грантам, как ин-

дивидуальным, так и коллективным. Подобные оценки можно считать в известной мере неожиданными, поскольку целый ряд отечественных авторов, напротив, утверждает, что именно молодежь является той группой российского научного сообщества, на которую в первую очередь направлена деятельность как отечественных, так и, в еще большей мере, зарубежных научных фондов [1, с.75].

Тем не менее адаптация научного сообщества к новым формам финансирования науки, прежде всего к новой стратегии поиска средств на научные исследования, пусть медленно, но все же идет, в чем нас убеждает сравнение результатов исследования, о котором идет речь в настоящей статье, с материалами опроса ученых Новосибирского научного центра, проведенного в 2000 г. Тогда доля молодых исследователей, которые настаивали на том, что наука должна финансироваться исключительно из государственного бюджета, составляла 7,4%, а среди их старших коллег - около 19% [5, с.51].

Любопытные данные получены при сравнении мнений двух категорий ученых по такому показателю, как оценка ими уровня научных результатов, полученных подразделением (лабораторией), где они работают. В целом полученные оценки очень высокие: в среднем около 75% респондентов уверены, что имеющиеся фундаментальные работы соответствуют мировому уровню; при этом молодые ученые чуть более оптимистичны. Разница во мнениях гораздо более существенна, когда речь идет о прикладных разработках - молодежь менее склонна, по сравнению со старшими коллегами, оценивать их уровень как «высокий».

Одной из наиболее обсуждаемых сегодня тем стала проблема мобильности российских ученых. Респондентам задавался вопрос о том, согласились бы они уехать на работу за рубеж, если бы такая возможность была им сейчас предоставлена. Как и следовало ожидать, молодежь оказалась потенциально гораздо более мобильной: 80% респондентов моложе 35 лет заявили, что они согласились бы поработать за границей от полугода до 2-х лет; среди исследователей старше 50 лет таких гораздо меньше - 50%; лишь 6,9% молодых и 3,5% согласились бы уехать за границу навсегда. На наш взгляд, подобные оценки, с одной стороны, говорят о том, что российское научное сообщество, как на уровне столичных, так и региональных научных центров, постепенно становится частью мировой науки, поскольку «в современной науке мобильность ученого – одно из необходимых условий его успешной карьеры» [2, с.1), с другой – именно в этой сфере становятся особенно заметны возрастные различия между молодыми учеными и их старшими коллегами. В стремлении поработать за границей «...ученые старшего возраста уступают не только представителям средней возрастной группы, но и молодым, которые в целом ощутимо мобильнее и «космополитичнее» представителей старшего поколения». [5, с.1) Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что на эту сторону процесса социализации молодых ученых большое влияние оказывает не столько непосредственно передаваемый опыт их старших коллег (почти 80% которых заявили, что никогда не работали за рубежом), сколько информация о положении зарубежной науки, полученная из других источников.

\* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 04-03-00462а

#### *Литература*

1. Дежина И. Г. Молодежь в науке // Социологический журнал, 2003, №1
2. Егоров С. Диалоги с диаспорой // Отечественные записки, 2002, №7 (Взято: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=405>)

3. Путин В.В. Выступление на заседании Совета по науке и высоким технологиям 9 февраля 2004 г. // Наука в Сибири, 13 февраля 2004 г.
4. Садовничий В. Выступление на заседании Совета по науке и высоким технологиям 9 февраля 2004 г. // Наука в Сибири, 13 февраля 2004 г.
5. Состояние и тенденции развития академического сообщества ННЦ 2000 г. Материалы социологического исследования. – Новосибирск, 2001
6. Юревич А.В. «Местники» и «космополиты» // Независимая газета, 2004, 10 марта
7. Юревич А.В. Умеренные пессимисты жаждут перемен // Независимая газета, 2003, 10 августа

## **СИБИРЬ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (16-21 ВВ.)**

**Ю. Б. Вертгейм**

Новосибирский государственный университет

Цель работы: обозначить тенденции развития сибирского региона по основным аспектам макросоциологии (геополитика, геоэкономика, геокультура).

*Геополитика.* Наиболее значимые периоды: присоединение к России; гражданская война 1918-1920-е гг.; перестройка и реформы (кон. 1980-х – 1990-е гг.). Включение в монгольскую империю; ее распад, включение в московское царство; дальнейшая динамика определяется волнами расширения/сверхрасширения/сжатия российской империи.

I. Присоединение. Соперники на геополитической арене:

1. Сибирское ханство. Нет легитимности и устойчивости правления: династические споры. В сер. 16 в. экспансия Московского царства на восток; Едигер согласился платить дань Ивану Грозному; убит; Кучум разорвал вассальные отношения с Москвой. В 1564 г. Строгановы получили земли в Пермском крае; набеги Кучума на их владения; Строгановы набрали казаков. 1582 г. - поход Ермака; разгром Кучума; покоренные ханты и манси перестали признавать власть Кучума; 1586 г. - новое войско; разгром Сибирского ханства.

Классическая картина сверхрасширения: попытка Кучума контролировать территории на Урале при отсутствии прочной базы в основном регионе; восстание этнополитических меньшинств; успех окраинного завоевателя – московского царства.

2. Южная Сибирь - енисейские киргизы; разгром.

Фактор – преимущество в ресурсах; центральное положение киргизов относительно московского царства и государства джунгар.

3. Приамурье - Китай.

Сер. 17 в. манчжуры захватили Северный Китай; 10 тыс. манчжурская армия в Приамурье; в 1689 г. заключен Нерчинский договор (Приамурье – Китаю). В кон. 17 в. манчжуры захватили Южный Китай.

Преимущество в ресурсах у манчжур, но они завоевывают центр своей основной территории и не заинтересованы в экспансии на периферии. Совпадение периодов смены политического режима: Сибирь слабо контролируется, но и Китай переживает «эпоху перемен» (то же верно и для 1918-1920 гг.).

II. Гражданская война. Факторы – распад гражданской власти, отсутствие легитимности и устойчивости; отсутствие на территории ресурсной базы для экономической самодостаточности.

Сент. 1918 г. – кризис власти; ноя. 1918 г. – переворот Колчака; янв. 1920 г. –

поражение Колчака.

III. Современность (1990-е гг.). Особенность – экономический («бюджетный» сепаратизм). Не требования отделения, а внутренняя геополитика на уровне отношений центр-регионы. Яркий пример – Якутия.

*Геоэкономика.* Основной вопрос: «периферия в квадрате» или «полупериферия в квадрате» (Россия в мире и Сибирь в России). Особенности Сибири как периферии и полупериферии:

I. Черты периферии:

1. Включение в миросистему через периферизацию как источник стратегического геоэкономического ресурса (в современную миросистему и в российскую / советскую мир-империю: потребители пушнины в 17 в. и нефти в 20 в. – европейцы).

2. Смещение стратегического геоэкономического ресурса: пушнина; серебро; золото; нефть и газ.

2.1. Пушнина. В России (17 в.) используются медные деньги; ведется перечеканка иностранного серебра, которое приходит в страну в обмен на сибирские меха. Кон. 17 в. – упадок сибирской соболиной охоты и переход в Европе на хлопчатобумажные ткани.

2.2. Серебро. В 1704 г. – Забайкалье; в нач. 1740-х гг. обнаружены залежи серебряной руды на Алтае; Алтайские и Нерчинские заводы были основными поставщиками серебра в России. Первая половина 19 в. – истощение запасов легкоплавких руд; спад.

2.3. Золото. В 1828 г. обнаружено в Марининской тайге; затем – Алтай, Енисейская губ., Забайкалье, бассейн Лены. В 1841-1850 гг. доля Сибири составляет примерно 40% мировой золотодобычи и 80% российской.

2.4. Нефть. В нач. 1930-х гг. академик Губкин делает прогноз о нефти в Западной Сибири; сент. 1953 г. – найден газ у села Березово; май 1960 г. – нефть у р. Конда; в 1973 г. Сибирь заняла первое место в СССР по добыче нефти. Планы развития добычи: из Западной Сибири в Мурманск; из Восточной Сибири в Дацин; из Восточной Сибири в Находку (до Японии и АТР).

3. Квазициклическая динамика.

Цикл смены стратегического геоэкономического ресурса (содержательно может быть рассмотрен для стран ядра). «Квазицикл», поскольку источники динамики находятся за пределами региона и существенную роль играет фактор случайности: при каждой смене ресурса регион может оказаться за пределами динамики (наличие пушнины не гарантирует успешного обнаружения золота). Характерное время цикла составляет около ста лет.

II. Черты полупериферии: наука, образование; перерабатывающая промышленность и ВПК; географический ресурс – участие в транспортных системах (сер. 18 в. – Сибирский тракт; 1891 г. – строительство Транссиба; глобализация транспортных систем: путь из АТР в Европу, кроссполярные авиаперелеты); наличие собственных источников роста и развития (проекты развития через ведущий сектор: наукоемкие, информационные технологии; успех предприятий пищевой промышленности и сетей розничной торговли).

*Геокультура.* Полупериферия в России и периферия в мире.

1. Не реализован шанс «магического реализма» по образцу латиноамериканского как синтез с традиционной культурой.

2. Основная модель, реализованная в культуре: главный герой – носитель архаики; трагедия как результат распада архаичного мировосприятия и жизненного уклада (В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин; «Сибириада» А. Михалкова-Кончаловского).

3. Кризис и неполнота выражения региональной идентичности: нет синтеза русской культуры и локальных традиционных культур (важный шаг – перевод традиционного наследия на язык европейской науки в серии работ этнологов); не освоено наследие монгольской империи; на уровне символики отсутствуют город и горожане.

### *Литература*

Долголюк А.А., Тимошенко А.И. Формирование концепции создания ТПК в Сибири / Сибирь: проекты 20 в. Н-ск, 2000.

Зуев А.С. Сибирь: вехи истории. Н-ск, 1998.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Н-ск, 1990.

Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.

## **ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ**

**Е. А. Ерохина**

Институт философии и права СО РАН

Проблема исторического самоопределения народов постсоветской России остается одной из самых дискуссионных. Если оценивать степень научной обоснованности концепций национальной истории, возникших в последнее десятилетие, то следует выделить чрезвычайно широкий спектр позиций, включающих, с одной стороны, квазиисторические мифы (поиск «пазырыкских» предков современного алтайского этноса, «арийская» версия этногенеза славян), с другой — вполне добротные академические исследования (дискуссии о происхождении российской государственности и характере модернизационных процессов в России). Однако общим местом остается осмысление опыта, сопряженного с участием в событиях, значимых для истории России.

Историческая память — не только хранилище событий и фактов. Это — прежде всего интерпретация прошлого. Если ученый, деятельность которого имеет целью получение нового знания, обязан ориентироваться в своих интерпретациях в первую очередь на теоретические и методологические основания научного анализа, то «профан» в своих исторических реконструкциях, как правило, руководствуется, прежде всего, заимствованными из СМИ, художественной или научно-популярной литературы стереотипами и собственными ценностными представлениями. Обыватель реконструирует прошлое для того, чтобы, с одной стороны, понять настоящее и связанные с ним интересы, с другой — на основе этих интерпретаций выдвигать планы на будущее. Теоретико-методологические основания таких реконструкций либо бессистемны, либо вовсе отсутствуют. Учитывая то обстоятельство, что любая историческая ретроспекция является искусственной конструкцией, упрощающую гораздо более сложную историческую реальность, на уровне обывденного сознания она существует чаще всего в форме либо мифов, либо стереотипизированных представлений.

Однако в повседневной деятельности именно такие представления чаще всего становятся мотивами поведения. Кризис национальной идеологии, ориентация на индивидуальные стратегии достижения целей как более выигрышные в повседневной деятельности, приоритет краткосрочного перспективного планирования над

долгосрочным — таковы черты современного российского общества, фиксирующие преобладание дифференциационных по характеру социальных процессов над интеграционными.

Поиск идентичности, способной консолидировать общество — процесс, характерный не только для современной России. Эта проблема остро стоит перед населением бывших стран Восточной Европы, вступивших в Европейский Союз. Пересмотр концепций национальной истории под углом причастности прошлого той или иной страны общеевропейской истории значим не только как часть процесса геополитических изменений, но так же с точки зрения инструмента, призванного воспитать в людях самоуважение, сплотить их и наделить творческой энергией преодоления кризиса. Таким образом, общеевропейский национализм становится средством повышения своего статуса в собственных глазах для тех народов Восточной Европы, которые переживают переходный период. В некотором смысле можно утверждать, что для населения тех государств, которые вступили в Европейский Союз 1 мая 2004 г., переходный этап уже завершен.

Тезис о том, что «мы живем в век национализма», стал сегодня общим местом многих научных публикаций. На вопрос о том, что такое национализм и какова его природа, нет одного ответа. В общественных науках доперестроечных времен доминировала негативная оценка национализма. Само понимание данного феномена ограничивалось представлением о нем как о некоем принципе идеологии и политики, выражающемся в идеях о национальной исключительности, превосходстве одних народов над другими. Национализм характеризовался прежде всего как результат экономического неравенства. Однако сильные стороны анализа данной проблемы нивелировались двойными стандартами. Создавались парные понятия, описывающие одни и те же явления у «нас» и у «них», но имеющие неотъемлемый антонимичный оценочный оттенок, например, «патриотизм — национализм», «интернационализм — космополитизм».

Девяностые годы, благодаря переводной литературе, обогатили наше представление о национализме новым пониманием. Новый для нас подход исходил из посылки, что причиной национализма является стремление народов к сохранению собственной культурной уникальности, которая оказалась под угрозой вследствие развития НТР и порожденной ею культурной унификации. Научное сообщество признало, что в любом националистическом дискурсе присутствуют две тенденции: этническая и гражданская.

В России 90-х гг. в науке и практической политике явно преобладала этническая тенденция. Новое понимание позволило «облагородить» национализм, перевести его в противоположную оценочную категорию. Это обстоятельство вполне соответствовало «духу» времени, особенно если вспомнить парад суверенитетов, декларации о «возрождении» этнических культур в начале 90-х гг. и т. п.

В практической политике идея «возрождения» народов приобрела контур этнополитического самоопределения. Региональные элиты, используя лексику этнически ориентированного национализма, выступали с требованием экономических, властных и статусных привилегий в рамках федерального государства. Для обоснования притязаний усилиями интеллектуальных элит переписывалась этническая история. Собственный народ описывался как невинно пострадавшая жертва, достойная лучшей участи, что служило основанием для требования статусных привилегий.

Понятие патриотизма в это время утрачивает гражданские коннотации и приобретает идеологические. С начала 90-х гг. и до недавнего времени слово «патриот» в СМИ чаще всего употреблялось с приставкой «национал» и по смыслу обозначало представителя противоположного либеральному крыла политического



спектра современной российской политики. Более того, представители либерального направления политического дискурса фактически отказались от патриотической аргументации как непрестижной, что облегчило коммунистам узурпацию патриотической позиции.

«Усиление вертикали власти» остановило «парад суверенитетов». Понятие патриотизма утрачивает идеологические и постепенно возвращает изначально присущие ей гражданские смыслы. На смену идеологии этнического возрождения приходит идея нациестроительства. В выступлениях политиков и публикациях ученых последних лет возобладала риторика националистического дискурса гражданской ориентации.

В связи с перспективой его развития нельзя обойти вниманием теоретическое обоснование национализма, с которым научная общественность познакомилась благодаря работе Э. Геллнера «Нации и национализм» и ряду других переводных публикаций. Нация понимается при таком подходе как сообщество граждан одного государства, а национализм — как стремление политическими средствами обеспечить культурное единство этого сообщества. При этом культурность — это не фиксация этнической идентичности в паспорте по кровному принципу «национальности», а принадлежность к определенному коммуникативному пространству, однородность которого достигается благодаря общей системе образования.

Формальное образование является одним из каналов формирования национальной идентичности. Изучение истории, наряду с другими гуманитарными дисциплинами школьной программы, стимулирует осознание принадлежности к нации, единству, основанному не только на общности экономической жизни и политической системы, но и на силе воображения. Такой подход, в первом приближении кажущийся гипертрофированным, в последнее время все более пробивает себе дорогу в отечественной науке благодаря переводам классических трудов теоретиков национализма (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Смит). Их авторы, обобщая громадный эмпирический материал по истории создания и распада государств в Новое и Новейшее время, приходят к выводу, что фактором, формирующим национальное государство, является национальное самосознание.

Б.Андерсон, размышляя об истоках национализма, пишет так: «у современной культуры нет более захватывающего символа, чем могила Неизвестного солдата. Публичное церемониальное благоговение, с которым относятся в силу того, что либо они намеренно остаются пустынными, либо никто не знает, кто в них лежит, не имеет прецедентов в прежней истории. Чтобы почувствовать силу этой современности, достаточно представить реакцию окружающих на любознательного эрудита, который бы раскрыл имя Неизвестного солдата» (1).

Культурное значение таких памятников становится ясным, если представить себе, скажем, Могилу Неизвестного марксиста или Памятник павшим либералам. Можно ли избежать в этом случае ощущения абсурдности? Дело в том, что эволюционно-прогрессистские стили мышления не слишком-то озабочены проблемой смерти и бессмертия. На смысложизненные вопросы человеческого существования они отвечают раздраженным молчанием. И если мы обнаруживаем духовное родство с религиозным воображением, то это родство не случайно и очень важно для понимания национализма. Такое понимание связывает национальное самоопределение не с политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, из которых и в противовес которым оно рождается. И если национальное государство можно принять как «новое» в глазах историка, или субъективно древнее в глазах националиста, то нации, которым государство дает жизнь, «как бы выплывают из незапамятного прошлого и, что еще более важно, ускользают в бесконечное буду-

щее». Фатальность принадлежности к нации, субъективно переживаемая ее членом, освящает это членство наподобие родственных уз (2).

Строго говоря, все большие группы людей, которые, за невозможностью личного контакта между ними, солидаризированы унифицированным воображением, в некоторой степени являются воображенными. Сила национализма в его ценностном, почти религиозном характере связи пространства, времени и человеческой солидарности, благодаря которой нация осознается как горизонтальное товарищество, несмотря на неравенство и эксплуатацию, которые существуют в любом обществе. Нация появляется, по мнению Б. Андерсона, как сознание горизонтального товарищества. «Почему мы... здесь... вместе?», — этот вопрос задают герои его книги «Воображаемые сообщества» (3).

Эти выводы позволяют посмотреть на патриотизм как на форму солидарности, основанную на воображаемом членстве. Право на членство приобретается от рождения. Однако патриотизм как позиция формируется только в результате осознания ценности той связи, которая существует между человеком и объектом патриотического чувства. Объект патриотического чувства — Родина, ценностно-нагруженный символ связи человека с пространством (территорией), на которой он родился или проживает и со временем (через память о тех, кто некогда жил на этой земле, и заботы о тех, кто будет жить в будущем).

Символ «Родина» имеет этнические (связанные с этничностью), региональные (связанные с территорией проживания), гражданские (связанные с представлением о стране) и государственные (связанные с представлением о государстве) коннотации. Это дает нам основание находить, как минимум, три субстрата национального самосознания: этнический, региональный и государственный, которым соответствуют три типа самоопределения — этнический (русский, татарин), региональный (сибиряк, житель Югры), гражданский (россиянин, француз).

Этнический тип самоопределения, диахронный по характеру (ориентирован на связь ныне живущих поколений с предками), обладает чертами устойчивости и консервативности. Этничность в философии и науке имеет двойной статус: онтологический и феноменологический. Этнос в примордиалистском смысле, это способ адаптации к ландшафту, способ культурной пристройки над биологическим субстратом. С конструктивистской точки зрения справедливо будет охарактеризовать этнос как референтную группу, основанную на социальной категоризации. Синтезируя обе позиции, можно охарактеризовать этнос как общность, основанную на единстве языка и культуры, исторически сложившуюся в результате совместной деятельности по освоению определенной территории и сохраняющую себя стабильной группой посредством символического маркирования культурных различий.

Региональный тип самоопределения, синхронный по характеру, ориентирован на связь ныне живущих на этой территории, в этом пространстве людей. Обращение к такому типу самоопределения обусловлено текущими потребностями. Региональный тип дискурса чувствителен к сиюминутной ситуации. Его востребованность порождена высоким темпом социальных изменений. Для фиксации общности, основанной на территориально-административном единстве, вполне допустимо использование термина «население».

Поскольку и этнос, и народонаселение, и нация — продукт истории, сами представления об этничности и гражданстве, отчасти это касается и региональной составляющей самосознания, имеют исторический характер, связаны на уровне быденного сознания с мифологизацией прошлого, удревнением истории (золотой век), нарушением справедливого порядка либо в недавнем прошлом, либо в настоящем, надеждами на восстановление этого порядка в будущем. Оппозиция

«время-вечность» имеет организующее значение, по крайней мере, для двух типов самоопределения (этнического и гражданского). Категория исторического времени становится подчиненной в оппозиции «время – вечность», которая приобретает значение «случайность–фатальность». Последовательность событий преобразуется мышлением в целенаправленный безальтернативный процесс, закономерный характер которого не может быть подвергнут сомнению. Последнее в меньшей мере относится к региональному аспекту самоопределения, обращенному к инструментально-прагматическим актуальным вопросам.

Интересно, что и этнос, и народ, и нация как гражданское сообщество опираются на представление о членстве в обществе, представители которого никогда не будут знать своих собратьев. Это фактор обладает такой же реальной скрепляющей силой, как общность языка и культуры для этноса, экономические интересы и административную принадлежность для народонаселения на данной территории, общность экономической жизни и политической системы для страны.

Характер этой воображаемой связи, как показывает история государств в Новое и Новейшее время, способен преодолевать объективно существующее социальное неравенство. Коммуникативное (синхронное) единство нации-сообщества достигается благодаря печатному капитализму (средствам массовой коммуникации) и деятельности унифицированной системы образования. Озабоченность человеком как родовым существом, сродни религиозному чувству, открывает перспективу в будущее. Наконец, субъективная древность нации в глазах националиста открывает ретроспективу в прошлое (даже если она входит в противоречие с объективной современностью наций в глазах историка).

#### *Примечания*

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С.33.
2. Там же. С. 33-34.
3. Там же. С. 79.

### **МОЛОДЕЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: АНАЛИЗ 2 ТЕНДЕНЦИЙ – ТОЛЕРАНТНОСТЬ И НАЦИОНАЛИЗМ (НА МАТЕРИАЛАХ НЕСКОЛЬКИХ ГАЗЕТ Г. НОВОСИБИРСКА 2000 -2004) М. С. Виноградова**

Новосибирский государственный университет

1. Одной из актуальных проблем во все времена является проблема выбора молодежью (либо её предпочтения в отношении) стратегии политического развития родной страны и мира в целом. И важным здесь является и всеобщий интерес, и абсолютное равнодушие к ней. Основными проблемами при изучении этого явления можно назвать существование одновременно многополярной концепции подхода к её изучению как явления *массовой культуры*, и, с другой стороны, узкоспециальный анализ - как отражения общей картины молодежной психологии в *поведении конкретной личности или группы*. Другой проблемой является то, что эта концепция формируется в пересечении политики государства с настроениями конкретной инертной прослойки общества, молодежи, подверженной более всего сиюминутным настроениям, в наши дни нередко формирующимся под влиянием масс – медиа.

2. Прежде всего необходимо рассматриваемых в исследование понятий ориентации политических концепций, и таким образом показать актуальность выбранной постановки вопроса, т. е. противопоставления толерантность-национализм. Оба понятия являются спорными поэтому следует попытаться сформулировать их определение, как отражение традиции с преломлением в современности.

3. Такая постановка вопроса выводит нас на уровень анализа конкретного материала. А следовательно и попытку показать ориентацию новосибирской молодежи на:

1) Материалы о новосибирских общественно-политических и молодежных организациях.

2) Публикация в газетах статей о истории политических движений, их руководителей и (возможное) положение в современной России;

3) Соотношение политической, социальной и религиозной компонент при характеристике того или иного объединения.

4) Анализ степени зависимости молодежи от этих публикаций.

4. Можно сказать, проведенный анализ позволяет построить не только картину современного отношения молодых новосибирцев на политическое и общественное устройство России и мира (с обращением к материалам 2000-2003 г.г.), но и прогнозировать некоторые моменты:

1) Вцелом незаинтересованность газет в молодежных политических организациях, в их истории и роли в современности;

2) Не заинтересованность молодежи в политике и ориентация её на гражданские объединения, т.е. о постепенном становление в России системы самоорганизации молодежного досуга, условно брошенной гос. властью на произвол судьбы, но

3) Последнее указывает на важную проблему – условно независимые объединения зависимы от многих факторов, анализ которых и соотношения могут быть выявлены специальными исследованиями.

5. Таким образом поставленный во главу исследование противопоставление является конструктором масс медиа – вымышленной концепцией гос. идеологии, которая на реальном материале опровергается, тем не менее анализ этой концепции показывает и то, что необходимо провести более масштабную работу в других регионах, имеющих свою специфику для разоблачения мифа о существование 2 противопоставляющих друг другу концепциях национальной вражды и нац. терпимости, из-за отсутствия такой сформировавшейся позиции и ориентированности молодежи на решение проблем несвязанных с гос. и полит устройством..

## **НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АЛКОГОЛЯ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ПЕРИОДА НЭПА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**А. И. Кузнецов**

Новосибирский государственный университет

Особенностью исторической науки на современном этапе является повышенное внимание к истории повседневной жизни общества, и, в свою очередь, появление новых, весьма неожиданных ракурсов рассмотрения вышеуказанной проблематики.

Немаловажное место в пространстве российской повседневности традиционно занимала (и занимает) сфера алкогольного потребления. Это сложная система,

включающая в себя множество аспектов. При таком подходе историческое изучение алкогольной проблематики предполагает междисциплинарный подход, привлечение методов и подходов целого ряда дисциплин

Важность изучения истории алкогольного потребления в период нэпа обуславливается тем, что в это время в «советской» деревне функционировала особая модель алкогольного потребления, основу которой составляли суррогаты алкоголя, полученные путем массового и систематического самогонварения. Целью данной работы является рассмотрение методологических вопросов изучения сельского самогонварения как социально-исторического феномена, характерного для «нэповской» деревни, определение основных ракурсов исследования вышеназванного явления с позиций междисциплинарности. Ключевыми аспектами, на наш взгляд, являются следующие.

1) Социально-экономический аспект. Самогонварение представляло собой сложное социально-экономическое явление. На его масштабы, динамику и социально-экономическую структуру непосредственное воздействие оказывала совокупность экономических факторов, соотношение которых в каждый конкретный отрезок времени характеризовалось сложной динамикой и зависимостью от государственной политики. На наш взгляд, можно говорить о том, что рассматриваемый феномен представлял собой разновидность так называемых «внесистемных», или, если применить терминологию Т. Шанина, «эксплоярных» форм хозяйственной деятельности. Более того, самогонварение, как форму экономической деятельности вне легально разрешенных форм (раскрытие которой вело к уголовной ответственности в течение большей части рассматриваемого периода), можно считать и разновидностью «теневой» экономики.

2) Социологический и социально-медицинский аспекты. Основная задача здесь – это изучение воздействия самогонварения на алкоголизацию крестьянства, прежде всего – определение реального уровня потребления алкоголя. При определении этого показателя следует исходить из положения, в соответствии с которым рост потребления алкоголя в период нэпа означал не «рост пьянства» как таковой, а являлся долговременным последствием введения в 1914 г. «формальной трезвости», стихийным процессом восстановления традиционного баланса спиртных напитков в деревне, движением к той норме потребления, которая существовала в довоенный период.

В ряду проблем, связанных с воздействием самогонварения на алкоголизацию крестьянства, следует назвать также воздействие самогонварения на половозрастную динамику алкогольного потребления, а также взаимосвязь психофизического здоровья крестьянства с учетом низкого качества самогона, повышенного содержания вредных веществ и недостаточного питания.

По мнению современных медицинских специалистов, опьянение от самогона возникает быстрее и длится дольше, в сравнении с более качественными напитками промышленного производства. Наличие вредных веществ в самогоне резко усиливает его психотропное воздействие и усиливает вероятность алкогольного психоза. Как представляется, применительно к нэповской деревне такая ситуация имела и определенные психосоциальные последствия.

3) Психосоциальный аспект. На Западе уже проводились исследования роли неврозов в возникновении фашизма. В свою очередь, ряд современных отечественных авторов, затронув тему «Октябрьская революция и алкоголь», обратили внимание на тот факт, что психическое состояние и действия людей, совершавших бесчеловечные насилия по отношению к себе подобным в немалой степени обуславливались систематическим отравлением плохо очищенным алкоголем. Видимо, в период нэпа медико-биологические последствия потребления самогона стали

одним из факторов, способствующих всплеску крайних форм хулиганства и насилия в деревне.

4) Юридический аспект. В этом контексте дискуссионным является прежде всего вопрос о том, следует ли рассматривать противодействие правоохранительных органов самогоноварению как борьбу с преступностью или же как проявление подавления государством экономической активности общества.

5) Политический аспект. Самогоноварение достаточно быстро преодолело границы собственно повседневной жизни крестьянства и приобрело свое политическое измерение, стало важным источником напряженности во взаимоотношениях крестьянства и власти. Сущностные черты самогоноварения предопределили несовместимость этого феномена с политическими приоритетами большевистского режима. Самогоноварение, во-первых, представляло собой массовую форму деятельности населения, не поддающуюся какому-либо контролю со стороны государства; во-вторых, приводило к непроизводительным затратам значительных масс столь необходимого государству хлеба; в-третьих, стало серьезным конкурентом казенной водке (продажа которой была возобновлена в 1925 г.). Таким образом, самогоноварение, по своей сути, явилось своеобразным вызовом большевистскому режиму «снизу».

6) Социокультурный аспект. Самогоноварение являлось характерным отражением социокультурного облика крестьянства. С одной стороны, возможность производить «самосидку» ассоциировалась у крестьян с естественным правом на распоряжение своим хлебом. В то же массовое самогоноварение являлось яркой характеристикой политической культуры крестьянства, его отношения к власти и закону, идущей еще со времен гражданской войны «анархической тенденции».

Таким образом, самогоноварение следует рассматривать как явление, которое оказывало всеобъемлющее воздействие на жизнь российской деревни периода нэпа. В нем сплелись в тугой узел и опосредованно проявились многие социально-экономические, политические и социально-психологические традиции и тенденции.

## ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ И СТЕРЕОТИПЫ У МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ)

С. А. Иванова

Института философии и права СО РАН

Гендерные исследования как самостоятельная область научных интересов появилась сравнительно недавно, в начале 70–х годов XX века. Само слово заимствованно из англоязычной исследовательской литературы: *gender* отличает «социальный пол» от *sex* «биологического пола». «Следует, далее, провести еще одно важное разграничение между **полом** и **гендером**. Если пол имеет отношение к физическим, телесным различиям между мужчиной и женщиной, то понятие «гендер» затрагивает их *психологические, социальные и культурные особенности*» [1]. Гендер конституируется чрез определенную систему социализации, разделение труда и принятые в обществе культурные нормы, роли и стереотипы, которые в некоторой степени определяют психологические качества, способности (через стереотипы), виды деятельности, профессии людей в зависимости от их биологического пола. Принципиален сам момент *осознания* себя в той или иной гендерной роли приписанной человеку социумом в целом и его семьей в частности. Анализ семьи как института имеет свою специфику, т. к. исследователей гендерного аспекта ин-

тересуют, прежде всего, образцы мужского и женского семейного поведения, установившиеся роли в семье, особенности формальных и неформальных норм и санкций в сфере брачно-семейных отношений.

Помимо самосознания в структуру гендера обычно включается еще две группы характеристик: поло-ролевые нормы и поло-ролевые (гендерные) стереотипы. Норма – такое предписание, в соответствии с которым должны совершаться определенные действия для достижения той или иной цели. В качестве нормы может выступать лишь то предписание, которое принимает форму безличного, всеобщего, социально необходимого и обязательного требования, являющегося всеобщим принципом поведения. Следовательно, к поло-ролевым нормам относятся такие нормы поведения, которые общество *ожидает* от мужчины и женщины. Определителями внешних знаков и показателей гендерных норм могут являться одежда, прически, украшения, особенности поведения, речи. Без них повседневное взаимодействие мужчины или женщины с обществом, либо друг с другом, затрудняется, т. к., «приписывание к полу» является фоном при общении во всех социальных сферах. Кроме того, во взрослой жизни основанием гендерных норм являются роли, которые отражают межполовое разделение труда. Так мужчины склонны исполнять роли, требующие демонстрации социальной и физической силы, а женщины более тяготеют к исполнению ролей, в которых можно проявить заботу и внимание к окружающим. Таким образом, представители каждого пола склонны изображать то поведение в социальной сфере, которого от них ждут, и в результате они оттачивают свои навыки, свое искусство именно в этой роли.

Стереотипы – это некие представления человека о мире, которые экономят его усилия при восприятии социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. К стереотипам относятся также устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения. Гендерные исследования занимаются определенными стереотипами восприятия людей и межличностных отношений, стереотипами формирования собственной модели поведения и оценки, стереотипами конструирования идеала с точки зрения принадлежности к определенному полу. Это и есть гендерные стереотипы. Гендерные стереотипы усваиваются очень рано, и используются детьми еще до возникновения собственного мнения о тех группах, к которым они относятся [2]. Одним из наиболее значимых гендерных стереотипов поведения является материнство. Женская психология отличается от мужской, потому что женщины больше, чем мужчины, склонны к материнству. Материнство означает не деторождение, а (в социальном смысле) вскармливание и непосредственную физическую заботу о детях. Отметим безусловное влияние общества (в частности, семьи) на возникновение тех или иных гендерных стереотипов [3]. Существует определенная согласованность гендерных стереотипов во многих культурах. Мужчины воспринимаются как агрессивные, авторитарные, дерзкие, доминирующие, изобретательные, сильные, независимые, грубые. Женщины – как эмоциональные, мечтательные, чувствительные, покорные и суеверные.

Теоретическая структура гендера (самоидентификация, гендерные нормы и стереотипы) и межполовых взаимоотношений на ее основе получила подтверждение в ходе социологического исследования в школах Усть-Коксинского района Республики Алтай в апреле 2004 года. В рамках совместного международного проекта «Социальное самочувствие молодежи Сибири» [4] исследовался широкий круг вопросов, в числе которых стояли вопросы об обозначении гендерных ролей, которые позволили посредством групповых интервью выявить некоторый набор гендерных стереотипов среди парней и девушек в возрасте 14-17 лет.

В частности можно говорить о реальном распространении гендерного стереотипа материнства, так как практически все опрошенные заявляли, что воспитанием

ребенка должна заниматься в первую очередь женщина, мать (лишь одна девушка заявила, что воспитанием дочери должен заниматься отец, мотивировав это тем, что в ее семье происходит именно так). При этом чаще всего мысль развивается следующим образом: «А муж в это время должен зарабатывать деньги, чтобы материально обеспечить своего ребенка», то есть уже здесь происходит первичное означивание ролей, заданное гендерными стереотипами: мужчина - добытчик и кормилец, женщина - мать и хранительница очага. При развертывании данной темы выявляются такие гендерные нормы поведения: парни больше склонны к авторитарности, склонны исполнять роли, требующие демонстрации социальной и физической силы, а девушки более тяготеют к исполнению ролей, в которых можно проявить заботу и внимание к окружающим, мягкость. Это проявляется уже в их представлениях о должном распределении обязанностей внутри семьи. Как девушки, так и парни признают, что работу по дому должна совершать женщина (стирка, уборка, приготовление пищи), и девушки говорят, что даже если мы будем работать, это все равно ложится на наши плечи, но при этом «Мужскую работу должен делать мужчина. Даже обычный гвоздь должен мужчина забивать». (Юля, 11 кл.).

Интересно, что при ответе на вопросы о представлениях о будущей семье, об идеальном супруге, девушки большее значение придают психологическому микроклимату в семье, рассуждая о необходимости взаимопонимания и уважения, как базисной основы благополучной семьи, тогда как для парней первостепенное значение приобретает устройство быта, способность девушки приготовить пищу и поддерживать чистоту в доме. И в представлениях о дальнейшей семейной жизни девушки более склонны к уступчивости, тогда как парни - склонны к проявлению авторитарности, которая выражается уже в такого рода штампах, как «Мужчина должен быть главой в семье», «не мужское это дело», «Муж сказал - жена сделала».

Таким образом, на основании данных интервью можно делать предварительные выводы о том, что гендерные стереотипы распространены среди опрошенной молодежи, и свое поведение и межполовые отношения они выстраивают на основании первичного, неосознанного означивания гендерных ролей.

#### *Примечания*

1. Введение в гендерные исследования. М., 2000. С.7.
2. См. Введение в гендерные исследования. Харьков, 2001. С. 339.
3. См., напр., Пол. Секс. Человек. М., 1993. С. 19.
4. Проект осуществляется кафедрой социологии Абердинского университета и сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН под руководством Э. Глендиннинга и Ю.Попкова при поддержке Совета экономических и социальных исследований Великобритании (Грант UK ESRC R000223988, 2003-2004, а также Сибирского Отделения Российской Академии Наук (Экспедиционный грант 2004).

### **СОВРЕМЕННЫЕ ПОДРОСТКИ: ИНТЕРЕС К ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ОЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

**Г. С. Солодова**

Институт философии и права СО РАН



Информационной базой предлагаемых материалов послужили результаты многолетних эмпирических исследований представлений и установок молодежи, проводимых под руководством Л.Г. Борисовой. В состав исследовательской группы помимо автора также входила И.И. Харченко. Исследования 1999, 2000, 2002 и 2003 гг. были поддержаны Российским гуманитарным научным фондом.

Данные Всероссийских исследований до середины 90-х гг. характеризовали современное молодое поколение как политически индифферентное, мало включенное в общественную и политическую жизнь общества<sup>1</sup>. Действительно, для опрашиваемых нами подростков политика - не самая интересная и актуальная тема. По данным нашего исследования 1997 года, только 25% старшеклассников участвовали в тех или иных молодежных объединениях, клубах, организациях — формальных и неформальных. К концу 90-х годов ситуация принципиально не изменилась. Тем не менее, говорить о том, что подростки не проявляют интереса к общественно-политической жизни, было бы неверным.

Определенная компетентность в вопросах социально-политической жизни общества является одной из компонент общей и гражданской культуры индивида. Внимание к общественно-политической жизни может рассматриваться как показатель гражданской ответственности, предпосылка для вдумчивого и заинтересованного отношения к событиям в своей стране. В данной работе оценка интереса к общественно-политическим событиям носила служебный, вспомогательный характер. Основной целью было получение, хотя бы косвенным образом, представления о заинтересованности и общей компетентности подростков в социально-экономической сфере.

На протяжении всего анализируемого периода к общественно-политическим событиям молодые люди проявляли умеренный интерес. Динамика социально-политической заинтересованности учащихся дневных общеобразовательных школ носит "всплескообразный" характер с усилением интереса в 1999 и 2000 гг.. В 1997 году, так и в 2002 г. доли интересующихся и тех, для кого эта тема не актуальна, практически одинаковы.

Обращение к связи типа учебного заведения и степени заинтересованности общественно-политической жизнью страны показало, что в наибольшей степени интерес к общественно-политической жизни выражен у студентов вузов. Среди них, определенно интересующихся политикой 28,4%, среди старшеклассников дневных школ - 27,9%, студентов ССУЗов - 24,3%. Наиболее индифферентными оказались учащиеся вечерних школ и профессиональных училищ. Среди них больше всего тех, кого события общественно-политической жизни не интересуют, соответственно, 35,8% и 39,7%.

Рассмотрение степени интереса к общественно-политической жизни в зависимости от употребления наркотиков не показало существенных различий. Число интересующихся среди употребляющих и среди отвергающих наркопотребление примерно одинаково. Среди учащихся школ, профессиональных училищ и средних специальных учебных заведений оно было 22,7% и 24,7%. Среди студентов вузов, соответственно, 32,2% и 27,8%. Вместе с тем, исследование 2000 года выявило, что среди подростков, приобщившихся к наркотикам, больше тех, для кого социальная жизнь общества не представляет интереса в принципе (35,9%).

Обращение к основным источникам социально-экономической информации (1999 г.) показало, что главный источник - это телевидение и радио (92,7%), далее — газеты (53,9%), жизненные наблюдения (45,9%); для 38,3% молодых людей источником информации служат разговоры в семье. К числу менее значимых информационных источников можно отнести уроки в школе (24,3%), общение со сверстниками (21,2%).

В целом, исследования показали, что городские подростки политикой интересуются больше, чем сельские. Юноши, вне зависимости от места жительства, общественно-политические события в круг своих интересов включают чаще, чем девушки. Помимо места жительства и пола, интерес подростков к общественно-политической жизни, видимо, определяется и другими факторами, среди которых образование, профессия, реальная занятость и достаток родителей, их политические симпатии и интерес к политике в общем. Однако детально это не изучалось.

Заметим, что вне зависимости от места жительства и пола основным источником получения социально-политической и социально-экономической информации стали средства массовой информации – телевидение, радио, печать.

Данные не позволяют говорить ни о политизированности подростков, ни об их полном безразличии к проблемам общества. Речь, видимо, должна идти об очень умеренном, возможно, где-то даже "вялом" интересе к общественно-политической жизни общества, что частично может объясняться общей стабилизацией ситуации по сравнению с предыдущими годами.

Оценка экономического положения России и материального достатка своих семей. Экономическая несостоятельность общества как целого влияет на его отдельные элементы. Состояние социума не может не отражаться на положении его отдельных граждан. Падение жизненного уровня, неуверенность не только в завтрашнем, но и в сегодняшнем дне – социальная проблема, в начале реформ затронувшая практически все слои населения. Полученные результаты показали – неудовлетворенность экономическим положением страны, своим личным материальным достатком носила массовый, практически сплошной характер. В 1997 г. выпускников, вполне удовлетворенных экономическим положением России, было менее 2%, в 1999 г. еще меньше (0,3%). Это не сопоставимо с числом тех, кого оно совсем не устраивает, таковых по нашим данным, соответственно, 77,8% и 87,8 %. Заметим, что эти оценки практически не зависят ни от места жительства, ни от пола участвовавших в опросе школьников, т.е. носят общий характер.

Анализ ответов выпускников школ о степени удовлетворенности экономическим положением семьи, выявил более благополучную картину, по сравнению с оценкой экономического положения России. Более того, наблюдается положительная динамика, так, если в 1995 году вполне удовлетворенных экономическим положением своей семьи году было двадцати процентов, то в 1999г. – 26,2%. Число совсем не удовлетворенных уменьшилось, соответственно, с 28% до 20,0%.

Более детальный анализ материального положения семей опрошенных, подтвердил – реальность такова, что основная часть населения – более шестидесяти процентов (62,7%) жила в рамках постоянного недостатка средств — "денег хватает лишь на самое необходимое", еще 7,9% выпускников отметили — "денег не хватает даже на самое необходимое".

### *Примечания*

1. Молодежь: будущее России / НИЦ при Институте молодежи. М., 1995; Положение молодежи в Российской Федерации: 1995 год / Доклад Государственного комитета Российской Федерации по делам молодежи правительству Российской Федерации. М., 1996.

## **Раздел II**

### **Философские исследования**

#### *Философия и методология науки*

### **К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМЕ И ВНЕЭМПИРИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ\***

**Н. В. Головко**

Институт философии и права СО РАН

Развитие современных научных теорий особенно в таких фундаментальных областях физики как космология, физика высоких энергий, теории суперструн и т.д. нарушает сложившиеся представления о господстве наблюдения и эксперимента как достаточных оснований для обоснования истинности наших вер в адекватность теоретического знания, описывающего реальность в науке. Теоретический анализ, как правило связанный с анализом адекватности и обоснованием применимости новых теоретических объектов, получить какую-либо эмпирическую информацию о которых представляется затруднительным, в этих областях знания чувствует себя достаточно мощным для того, чтобы противостоять требованиям эмпирической наглядности результатов и становится все более и более самообеспечивающимся. Данное явление возможно подразумевает более драматическое изменение научной парадигмы чем это было в случае принятия научным сообществом за основу рассмотрения в наиболее фундаментальных научных теориях ненаблюдаемых теоретических объектов в кон. XIX – сер. XX вв (электронов, кварков, генов и т.д.). Происходит изменения о принципиальной наглядности теоретических объектов фундаментальных научных теорий, на смену которому приходит представления о косвенном подтверждении существования теоретических объектов. Впрочем, пока (! – Н.Г.) эти изменения не отрицают принципиального первенства эмпирического способа обоснования или подтверждения истинности или заключения о реальности того или иного объекта или свойства. Однако, современные фундаментальные теории действительно уменьшают обосновывающую роль эксперимента и поэтому затрагивают одну из основных характеристик науки, являющуюся определяющей в науке со времен Галилея и Бекона – ее эмпирический характер. Развитие современных научных теорий уже не делает позицию эмпиризма окончательным судьей в вопросах обоснования научных теорий. Данное утверждается может подкрепляться процветанием науки в некоторых областях знания, как правило связанных с фундаментальными исследованиями, практически без экспериментальной поддержки. Современная фундаментальная наука может делать адекватные утверждения о реальном мире на исключительно теоретических основаниях. Например, руководствуясь идеей о принципиальной возможности объединения всех имеющихся фундаментальных физических взаимодействий в единый формализм, что в свое время привело к возникновению таких теорий, как теория суперструн или другие варианты теорий объединения. Современная ситуация говорит о том, что эксперимент по-прежнему остается важен для обоснования теории, однако, в случае если мы не можем (по ряду причин) выполнить экспериментальную проверку теоретического результата, то логика развития научного знания в настоящее время все более определенно подталкивает нас к тому, чтобы, по крайней мере, ослабить или даже отказаться (в ряде случаев) от этого требования.

Один из основных вопросов философско-методологического содержания, которые могут возникнуть при анализе сложившейся ситуации – способны ли мы обеспечить

обоснованность истинности наших вер в адекватность научного знания в условиях, когда традиционный вариант эмпирического обоснования научного знания, связывающий как верификацию, так и фальсификацию научной теории с процедурой прямой эмпирической проверки, претерпевает изменения?

В настоящее время, в таких фундаментальных областях физики как космология или физика высоких энергий, потребность в обосновании адекватности, например, дополнения сложившихся научных представлений новыми гипотезами, равно как и к обоснованию существующих теоретических понятий и концепций, приводит к проблеме, которую можно назвать проблемой внеэмпирического обоснования научного знания. Недостаток эмпирических данных для проверки обоснованности введения в науку новых абстракций (теоретических объектов – который могут являться «ненаблюдаемыми» на современном уровне развития экспериментальной техники, таких, например, как кварки или темная материя) которыми мы описываем Мир, может вызывать сомнения в существовании твердых удовлетворительных эпистемологических оснований сложившегося хорошо обоснованного научного знания, описывающего наиболее фундаментальные уровни реальности.

Традиционно, связь между теорией и эмпирическими данными в ходе развития теории ведет к детализации (доопределению) информации об исследуемом теоретическом объекте. В условиях недостаточности эмпирических данных мы попадаем в ситуацию, когда мы вынуждены использовать интерпретацию экспериментальных данных с позиции альтернативной теории, описывающей тот же теоретический объект. Мы можем назвать такую интерпретацию теоретического объекта – косвенным подтверждением одной из альтернативных теорий (гипотез) [Головкин, 2002]. Ситуация может осложняться тем, что между проверяемой теорией и той теорией, эмпирические данные которой мы принимаем может быть еще несколько существенных допущений теоретического характера (последовательность теорий). Например, кварковая гипотеза – теория строения бозонов – стандартная модель или стандартная модель – E8xE8 гетеротическая теория струн – М-теория. На наш взгляд, методологический анализ адекватности теорий, с позиции анализа представлений об общем характере развития научного знания (в данной работе мы остановимся на анализе одного из элементов схем развития научного знания, выдвинутых К. Поппером и И. Лакатосом – фальсификационизме), в этом случае может сопровождаться анализом теорий с позиции ряда философских подходов связанных, во-первых, с построением систем методологических принципов научного знания [Симанов, 2001], либо с развитием представлений о методологической роли теоретических (ненаблюдаемых) объектов в рамках программы научного реализма.

В качестве методологической фальсификации научной теории (или их последовательности) в данном случае мы можем рассматривать процесс внеэмпирической фиксации пределов развития (применимости) научной теории посредством фиксации противоречия между использованием методологического принципа и описания фактов в анализируемой альтернативе с позиции теории обоснованность которой не вызывает сомнений. В качестве хорошо обоснованной теории мы можем принимать такую научную теорию область ограниченности (принципиальная возможность описывать определенный круг явлений) которой уже определена и фиксирована интерпретациями эмпирических данных с ее собственных позиций. Как методологические принципы в этом случае мы можем рассматривать не только теоретические принципы, которые, как правило, имеют форму запрета, описывающие развитие научного знания (принципы причинности, симметрии, постоянства, сохранения, соответствия, и т.д.), но также и теоретические объекты в рамках конкретных научных теорий эмпирическая интерпретация которых не совсем ясна (например, волновая функция, черная дыра, кварк и т.д.). В по-

следнем случае результатом методологической фальсификации будет являться заключение об адекватном использовании данного конкретного теоретического объекта внутри теории, а не о теории в целом [Головко, 2002].

Попперианская стратегия развития научного знания будет оставаться адекватной и в данном случае, однако набор потенциальных фальсификаторов теории будет пополняться неэмпирическими утверждениями.

В свете вышесказанного, может возникнуть вопрос – можно ли вообще рассматривать описанный выше процесс как фальсификацию?

И да и нет. Да, поскольку, обращаясь к анализу подхода методологии научно-исследовательских программ, развиваемого И. Лакатосом [Lakatos, 1970], данный подход может рассматриваться как фальсификация [Головко, 2002]. Нет, потому что пополняя набор потенциальных фальсификаторов теории внеэмпирическими утверждениями мы изменяем главную идею метода фальсификации – его эмпирический характер. Однако, по нашему мнению эта неприятность может быть преодолена в рамках программы научного реализма (хотя этот подход не лишен и некоторых других возникающих в связи с этим проблем). Мы рассматриваем научный реализм как наиболее близкую нам позицию по сути при ответе на один вопрос – могут ли теоретические утверждения (объекты) представлять собой хорошо обоснованное утверждение по поводу предметов на которые они указывают и которые не являются наблюдаемыми вовсе (несмотря на то, что как правило утверждается что теоретические объекты должны иметь экспериментально наблюдаемые референты для того, чтобы быть значащими)? В контексте анализа современных научных теорий данный вопрос касается круга проблем касающихся статуса теоретических понятий, которые не относятся (по крайней мере в настоящий момент) ни к каким непосредственно наблюдаемым объектам. В данной работе мы выступаем против антиреалистической позиции.

Несколько исключительно теоретически обоснованных гипотез (альтернатив), которые базируются на одном наборе эмпирических данных – типичная ситуация для современной фундаментальной науки. Эти теории могут предсказывать хорошие математические и физические (в теоретическом плане) результаты, но мы не можем (не в состоянии) выбрать наиболее адекватную из них, потому что мы не имеем достаточной эмпирической информации, чтобы удовлетворить традиционному критерию адекватности (в то время как традиция требует, чтобы мы указали только одну удовлетворительную теорию). Основной вопрос в данном случае (за исключением вопроса о подтверждении этой проверенной альтернативы) – вопрос об эпистемологическом статусе эмпирической информации которой мы стремимся обосновать (оправдать) выбор одной из альтернатив. Примечательно, что в соответствии со сложившимся стереотипом от нас требуют, чтобы ответ должен быть дан с позиции общепринятого подхода эмпирического обоснования научного знания. Каков характер обоснования знания, которое будет являться (считаться) обоснованным на основе интерпретаций эмпирических данных, взятых из альтернативной теории?

В качестве примера (подтверждая то, что рассматриваемая ситуация обоснования научного знания не является исключительно плодом воображения философа-теоретика) мы можем рассмотреть ситуацию с регистрацией барионного резонанса [Nakano, T. и др. 2003] не предсказанного стандартной моделью взаимодействия элементарных частиц, однако, хорошо интерпретируется с позиции солитонной модели элементарных частиц, которая в настоящий момент рассматривается в качестве одной из наиболее жизнеспособных альтернатив стандартной модели [Копелиович, 2003]. Полученные в ходе эксперимента эмпирические данные можно рассматривать, с одной стороны, как косвенное подтверждение солитонной модели, а с другой – как косвенная проверка стандартной модели, связанная с указанием ее области применимости (указанием на

пределы применимости). Что же происходит с обоснованием теорий или с обоснованием их принятия в данном случае? Одна из альтернатив в итоге получает косвенное подтверждение, на наш взгляд существенным является то, что область применимости теоретического объекта, который использовался (рассматривался) в обеих альтернативах (протон, в упомянутом эксперименте) изменилась [Головки, 2002]. Что это означает? Это означает, что область применимости теоретического объекта (которая и была прояснена в ходе косвенного подтверждения одной из альтернатив) сама по себе устанавливает пределы применимости теории в целом (одной из альтернатив, подтвержденной) посредством установки адекватности использования (применения) теоретического объекта для описания явлений через интерпретацию этого же теоретического объекта в другой альтернативе. Эмпирические данные, полученные в ходе эксперимента [Nakano, T. и др. 2003] были проинтерпретированы как подтверждение солитонной модели, однако, даже в ходе этой интерпретации мы можем сказать, что были установлены определенные условия на интерпретацию теоретического объекта (протона) также и в рамках стандартной модели. Отметим, что все эти заключения были сделаны на фоне общепринятого мнения о принципиальной удовлетворительности стандартной модели (ее принципиальном отличии, причем последнее заключение связано исключительно с хорошей верификацией стандартной модели) в качестве общепринятой теории взаимодействия элементарных частиц. На наш взгляд, привлечение концепции научного реализма для разработки вопросов об эпистемологическом статусе эмпирических данных в ходе косвенной подтверждаемости теорий может быть полезным ввиду доктрины манипуляции теоретическими объектами, развитой в этом направлении философии.

Другой пример, мы можем быть полностью уверены, что теория Супергравитации (М-теория), которая объединит все известные фундаментальные физические взаимодействия (если она когда-нибудь будет построена), никогда не будет непосредственно проверяться эмпирическими данными (в лучшем случае, она будет получать косвенное подтверждение). Более того, мы можем сказать, что любая фундаментальная физическая теория не будет являться непосредственно проверяемой в будущем. Но тогда возникает следующий вопрос – как мы сможем обосновать прогрессивность развития науки, показать прогрессивность новых теорий по отношению к старым?

Лакатосовское представление о прогрессивном сдвиге научно-исследовательской программы позволяет нам разделить естественное (прогрессивное) развитие научного знания от “уловок от опровержения” [Lacatos 1970]. Предлагаемая нами интерпретация лакатосовского подхода призывает к контролю за адекватностью конструктивного или спекулятивного использования теоретических объектов или методологических принципов. Обе интерпретации исходят из того, что “фальсификация представляет собой поиск процедуры опровержения, которая оказалась бы установлением пределов применимости существующей теорий и переходом к новой”. Особенность развиваемого нами подхода в том, что сам этот переход к новой теории в результате предлагаемой фальсификации никогда не произойдет, произойдет лишь установление пределов применимости существующей теорий. Несмотря на то, что мы в ходе предлагаемой фальсификации достигаем указания на пределы применимости первой теории, фиксируя интерпретацию методологического принципа (или область применимости теоретического объекта) в ходе косвенной проверки альтернативы и сравниваем ее (интерпретацию или область применимости) с интерпретацией в другой альтернативе. Однако, именно в силу косвенного (не прямого) характера проведенного подтверждения мы не имеем достаточных эпистемологических оснований назвать изменение (переход к новой теории) прогрессивным до тех пор, пока мы не найдем метода, который непосредственно на основании эмпирических данных будет являться подтверждением прогрессивности

предлагаемого сдвига (мы принимаем эмпиризм в самом общем смысле как способ обоснования научного знания).

Адекватность предлагаемой нами интерпретации методологической фальсификации научных теорий может быть подчеркнута действительно существующей характерной чертой развития научного знания – одна из целей нового знания состоит в том, чтобы определить пределы применимости старого знания. Например, пределы применимости принципов и понятий Ньютонской классической механики ограничены проблемами описания движений с высокими скоростями.

Остановимся на ряде преимуществ, которые может обеспечить рассматриваемый подход. Во-первых, лакатосовский подход способен давать только ретроспективные заключения о проверяемой теории (более плодотворная теория должна быть уже представлена). Наша интерпретация в некоторых случаях свободна от этого. Например, с позиции синтетического дискретно-непрерывного подхода к анализу структуры пространства-времени [Корухов, В.В. и др.] синтез дискретных и непрерывных представлений о структуре пространства возможен благодаря представлению об инвариантном характере фундаментальной (планковской) длины. Эта фундаментальная длина является конечной отличной от нуля длиной, которая одновременно с этим имеет все свойства минимального инвариантного элемента длины в рамках специальной теории относительности (СТО), который является нулем. Методологический принцип инвариантности в том смысле в котором он проинтерпретирован в модели структуры пространства-времени в рамках СТО требует, чтобы минимальный инвариантный элемент длины был нулем. Рассмотренная ситуация (теоретически обоснованное представление о существовании конечного минимального инвариантного элемента длины) может быть проинтерпретирована как методологическая фальсификация СТО, а также других концепций, абсолютизирующих дискретные и непрерывные свойства структуры пространства с позиции методологического принципа инвариантности. Введение в рассмотрение конечного минимального инвариантного элемента длины позволяет нам сделать заключение о принципиальной ограниченности и применимости модели структуры пространства СТО [Головкин, 2002]. Таким образом, мы можем попытаться определить прогрессивный сдвиг научного знания, но не можем окончательно обосновать переход к новой теории. Например, та же теория дискретно-непрерывной структуры пространства-времени фактически еще не вышла за рамки гипотезы, в настоящий момент в научном сообществе идет отбраковка различных возникающих гипотез по мере развития знания, что существенно отличается от ситуации отбраковки различных теорий в ходе развития научно-исследовательской парадигмы.

Во-вторых, рассмотрим ситуацию анализа адекватности теоретического объекта, а не интерпретации методологического принципа. Любое косвенное подтверждение альтернативы является утверждением только о ненаблюдаемых теоретических объектах, а не о теориях в целом. Таким образом, прогрессивный сдвиг, который определен предлагаемым типом фальсификации не связан с той интерпретацией эмпирических данных которая может быть полезной для обоснования прогрессивного сдвига в моделях фальсификации К. Поппера и И. Лакатоса. Поскольку в нашем случае мы можем делать заключения о прогрессивном сдвиге только воспользовавшись той полной эмпирической информацией, которая предоставляется ее интерпретацией с позиции другой теории (альтернативы). Данное заключение может являться обоснованием того результата, что в случае косвенной подтверждаемости одной из альтернатив, мы не имеем никакого хорошего резона доказывать преимущество эмпирических данных перед теоретическими вычислениями в процессе обоснования знания. Парадоксально? Не совсем. С одной стороны, данное утверждение может быть проинтерпретировано как еще одно подтверждение доктрины независимости эксперимента от теории [Radder, 2003]. С дру-

гой стороны, данное утверждение может быть проинтерпретировано как то, что видимый прогресс современных фундаментальных научных теорий типа теории суперструн и т.д. подтверждает широкое философское подозрение, что полномасштабный эмпиризм, впрочем, так же как и полномасштабный реализм являются несколько необоснованными [Dawid, 2003].

Вернемся к вопросу о том, способны ли мы обеспечить обоснованность наших вер в адекватность научного знания в условиях косвенного подтверждения альтернатив? Освещаемый подход пока в целом не дает четкого утвердительного ответа, однако, мы вполне обоснованно можем говорить, что он может служить подтверждением приемлемости (адекватности) вводимой новой гипотезы, а также могут служить обоснованием новой интерпретации фальсификационизма (со всеми вытекающими преимуществами и недостатками) для случая косвенной подтверждаемости научных теорий. Останемся на выводах.

Как правило, общее мнение относительно косвенного подтверждения альтернатив состоит в том, что косвенно подтвержденная гипотеза (альтернатива) способна обеспечить некоторое объяснение фактов теории и может помочь нам делать некоторые предсказания о некоторых теоретических объектах, но не больше. С позиции научного реализма развитие научного знания сопровождается обнаружением новых теоретических объектов, а некоторый вид манипулирования с ними позволяет нам делать (или не делать) предсказания относительно реальности этих объектов [Хакинг, 1983]. По нашему мнению теоретические объекты могут получать статус реализма также в процедурах косвенного подтверждения альтернатив. Это означает, в частности, что теоретические объекты в неподтвержденных альтернативах в целом имеют статус антиреализма относительно объектов до получения альтернативами хотя бы косвенного подтверждения.

Согласно терминологии Хакинга “манипуляция с теоретическими объектами в экспериментах с другим объектами (в других альтернативах – Н.Г.!) может быть достаточная основанием для того, чтобы приписать им статус реализма” [Хакинг, 1983]. В освещаемом здесь подходе к интерпретации фальсификационизма это может означать, что саму манипуляцию можно рассматривать как косвенное подтверждение одной из альтернатив, которая представлена для того, чтобы служить указывающей на область применимости первой альтернативы. Такая интерпретация манипуляции не противоречит основной идее Хакинга – теоретический объект, манипулирование с которым не вызывает сомнений является реальным. Более того, воспользовавшись этой интерпретацией мы принципиально можем обосновывать утверждения, касающиеся как реализма относительно теоретических объектов, так и реализма относительно теорий, привлекая анализ методологических принципов. Заметим, что теория, которая будет обладать статусом реализма относительно теоретических объектов (хотя бы части из используемых в теории), а также статусом реализма относительно теории в целом (что может достигаться путем анализа системы методологических принципов на предмет обретения ими статуса реализма) на наш взгляд может успешно конкурировать с формально более (эмпирически) подкрепленными теориями относительно объяснительного статуса [Головко, 2003]. В качестве теории с хорошим объяснительным статусом мы можем принять такую теорию, о которой мы можем сказать, что она может гарантировать нам не только удовлетворительное описание действительности, но и некоторую степень объяснения явлений удовлетворительную для современного ей этапа развития научного знания. На наш взгляд, объяснительный статус может являться достаточным аргументом в пользу обоснования удовлетворительности наших вер в достаточную обоснованность нашего научного знания.

Ряд современных научных теорий области фундаментальных исследований выглядят в полной мере недоопределенными для того, чтобы вписываться в схему научного



реализма, а также не достаточно доопределенными для того, чтобы считаться обоснованными с позиции традиционного эмпиризма. Физики, которые работают, например, в теории суперструн в настоящий момент очевидно не обеспокоены производством инструментов для предсказания видимых (эмпирически фиксируемых) явлений даже для косвенного подтверждения теории. Теория суперструн в настоящее время полностью неспособна к выполнению этой задачи (представления научному сообществу экспериментальных данных, являющихся косвенным подтверждением именно суперструнной теории, как, например, в случае с такими широко известными теоретическими объектами общей теории относительности как черные дыры и регистрацией аккреции вещества звезд в сложных системах). Теоретики могут быть исключительно мотивированы их интересом к теоретической структуре самой по себе, однако, будучи физиками, а не чистыми математиками, полагают, что они изучают физический мир. По общему признанию, даже теоретик теории суперструн должен требовать, чтобы его утверждения были тестируемыми экспериментально в принципе. Наглядность (принципиальная наблюдаемость) все еще составляет необходимое предварительное условие для того, чтобы приписать значимость понятиям теории. Однако, утверждение, что его потенциальные видимые следствия возникнут в будущем и, что именно этот факт является единственной мотивировкой деятельности для теоретика теории суперструн выглядит абсурдным. Позиция эмпирика в этом контексте проявляется как неадекватная попытка предписать освященную веками схему новому описанию мира, который просто перерос диапазон применимости старой схемы. Вместе с тем, подтверждение неспособности эмпиризма воздать должное такому научному явлению, как появление теории суперструн, еще не представляет окончательное разрешение дебатов научного реализма относительно описываемых этой теорией объектов [Dawid, 2003]. Для чересчур рьяных сторонников эмпиризма можно напомнить, что аналогичная ситуация уже не раз фигурировала на поле философской проблематики. Мы можем обратиться к мнению Аристотеля относительно занятия математиков [Аристотель], переписывая известное высказывание – трудности эмпирического обоснования не отбирают (и не умаляют важности) предмета исследования теоретических физиков.

В заключении, нельзя не упомянуть, что существует более глубокий уровень дебатов вокруг реализма никак не освященный в нашей работе. То же самое противоречие между реализмом и антиреализмом, которое мы зафиксировали в контексте философии науки (и попытались проинтерпретировать с позиции представления о развитии научного знания, включающего представление о фальсификационизме), в более общем масштабе характеризует метафизические дебаты реализма в рамках аналитической философии. Основной вопрос в данном случае – вопрос о значении и необходимости понятия внешней независимой от человеческого разума действительности. Достаточно большая часть аналитических философов (Б. ван Фраасен, Р. Сمارт и др.) сомневаются, что этому понятию можно дать удовлетворительную жизнеспособную интерпретацию. С другой стороны, в рамках аналитической философии существуют достаточно хорошие аргументы, которые изображают это понятие как единственный функционирующий барьер против радикального релятивизма (Х. Пантем, Р. Бойд, И. Ниинилуото и др.). На наш взгляд, рассмотрение этого последнего вопроса выглядит достаточно перспективным для того чтобы являться предметом дальнейших исследований.

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 03-06-80367), Программы интеграционных проектов СО РАН – 2003 (проект № 125) и Новосибирского областного фонда поддержки науки и высшего образования (проект «Проблемы обоснования истинности фундаментальных научных теорий»).

Аристотель: Физика, В, 2, 315а

Dawid, R. 2003: Scientific realism in the age of string theory // PhilSci Archive: philsci-archive.pitt.edu – архив электронных препринтов по философии науки

Головко, Н.В. 2002: Методологический фальсификационизм и проблема внеэмпирического обоснования научного знания // Философия науки – 2002. – № 2 (13). – С. 50-67.

Головко, Н.В. 2003: К вопросу об объясняющих и описывающих теориях // Перспективы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – С. 48-54.

Симанов, А.Л. 2001: Опыт разработки системы методологических принципов естественнонаучного познания // Философия науки – 2001. – № 1 (9). – С. 3-15.

Хакинг, Я. 1983: Представление и вмешательство – М.: Логос, 1998 (Representing and Intervening – Cambridge Univ. Press, 1983).

Корухов, В.В. и другие: См.: *Корухов В.В., Шарипов О.В.* О возможности объединения свойств инвариантного покоя и относительного движения на основе новой модели пространства с минимальной длиной // Философия науки – Новосибирск, 1995. – № 1 (1). – С. 38-49; *Корухов В.В.* Модель дискретно-непрерывного пространства-времени и апории движения “Ахилес” и “Дихотомия” // Философия науки – Новосибирск, 2001. – № 2 (10). – С. 51-72; а также похожая по своей сути работа *Amelino-Camelia G.* Relativity in space-times with short-distance structure governed by an observer-independent (Planckian) length scale // arXiv.org e-print archive: gr-qc/0012051

Копелиович, В.Б. 2003: См.: *Копелиович В. Б.* Топологические солитонные модели барионов и их предсказания – <http://www.scientific.ru/journal/kopel.html>, а также работы arXiv:hep-ph/0303138 и arXiv:hep-ph/9703373.

Lakatos, J. 1970: Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes / Criticism and the grows of Knowledge. Ed. by J. Lakatos and A. Musgrave – Cambridge Univ. Press. 1970.

Nakano, T. и другие 2003: Observation of  $S=+1$  Baryon Resonance in Photo-production from Neutron // arXiv.org e-print archive: hep-ex/0301020.

Radder, H. 2003: The philosophy of scientific experimentation / edited by Hans Radder. – University of Pittsburgh Press, 2003

## ПОНЯТИЕ ПОЛНОТЫ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

**А. Ю. Сторожук**

Институт философии и права СО РАН

Слово «полнота» очень многозначно и используется в самых различных смыслах. Рассматриваемые в данной статье вопросы связаны с полнотой научных теорий, поэтому в данном контексте понятие полноты следует уточнить. Научная теория сочетает формализм и его интерпретации, которые и делают возможной эмпирическую проверку. Поэтому следует различать два вида полноты теорий – логическое и семантическое.

Если упрощенно считать теоретические конструкции системой предложений, то в основу определения понятия «полнота» естественно положить математическое понятие полноты системы аксиом. Система аксиом называется полной, «если любое истинное предложение, выражаемое на языке данной системы, можно из них вывести»[1]. Математические теории имеют аксиоматическое строение, причем лежащие в основе теории наборы аксиом должны удовлетворять трем требованиям. Набор аксиом должен быть

непротиворечивым, независимым и полным. Непротиворечивость набора аксиом предполагает, что никакие два принятых исходных положения не должны противоречить друг другу. Независимость предполагает, что любая аксиома не должна являться логическим следствием из множества остальных аксиом данной теории и что ее нельзя доказать с помощью последних. Независимость – требование исключить избыточность системы аксиом и в этом смысле оно противоположно требованию полноты. Наконец, система аксиом считается полной, если все содержательно-истинные предложения выводимы. Вместе с тем имеется и другое понятие полноты. Дедуктивная система является полной, если при включении в число ее аксиом невыводимого в ней утверждения в качестве новой аксиомы теория становится противоречивой.

Из перечисленных требований необходимым является только требование непротиворечивости. Независимость лишь служит доказательством того, что система аксиом не является избыточной и обеспечивает некоторое удобство в обращении. Полнота системы является самым слабым требованием: почти все математические и естественно-научные теории неполны.

Полнота аксиоматической системы фактически совпадает с требованием выводимости, или обоснованности истинных утверждений. Особо остро вопросы о полноте и непротиворечивости систем аксиом стояли при аксиоматизации теорий. Задача аксиоматизации математических теорий являлось основной целью программы Гильберта, который хотел аксиоматизировать основные математические теории по примеру геометрии. Считалось, что можно указать перечень аксиом, достаточный для систематического построения всего множества истинных предложений данной теории. Однако Гедель показал, что возможности аксиоматического метода ограничены, даже обычная арифметика целых чисел не может быть полностью аксиоматизирована. Следовательно, нельзя достигнуть окончательной систематизации науки и показать отсутствие внутренних противоречий средствами самой системы. Для этого требуется привлечение дополнительных предположений и методологических средств, обоснованность которых может вызывать сильные сомнения.

В случае эмпирических наук появляется дополнительный фактор, препятствующий построению полной теории — интерпретация формализма, который делает ее термины семантически нагруженными, а саму теорию незамкнутой. Полнота теоретического описания достигается лишь приближено, при этом формализм теории должен отражать описываемые объекты и связи между ними. В соответствии с формально-логическим пониманием полноты, все истинные положения полной аксиоматизированной естественно-научной теории должны быть выводимы из ее постулатов. «В физических теориях «под «выведением» или «доказательством» мы подразумеваем чисто концептуальную операцию – умозаключение, - посредством которой искомым вывод следует из множества предпосылок на основании правил вывода логических и математических теорий, лежащих в основании данной теории»[2].

Кроме того, естественно-научные теории должны обладать семантической полнотой: интерпретация должна каждому теоретическому термину ставить в соответствие определенные реальные объекты. Это требование нашло отражение в сформулированном Эйнштейном необходимым условии полноты теории: «В полной физической теории существует элемент, соответствующий каждому элементу реальности. Достаточным условием реальности той или иной физической величины является возможность предсказания ее с достоверностью, не нарушая системы»[3]. Чтобы удовлетворить этому требованию теория должна иметь достаточно богатый язык, чтобы каждое соотношение между «элементами реальности», было бы выражено в этом языке.

Поскольку термины и постулаты естественно-научных теорий являются семантически нагруженными, постольку эти теории неполны. В самом деле, основные понятия и

их отношения, которые упоминаются в системе аксиом, только постулируются, а не обосновываются логически. Для обоснования основных понятий могут использоваться некие интуитивные представления, методологические принципы, такие как принцип наименьшего действия, принцип причинности и др., что оставляет теорию незамкнутой.

Фундаментальные понятия и их связи, составляющие систему аксиом, могут быть обоснованы средствами более глубокой по сравнению с данной теорией, которая базируется на другой системе аксиом. Например, понятие тяготения, которое классической ньютоновской механикой лишь постулировалось, но не обосновывалось, было уточнено и расширено в общей теории относительности Эйнштейном, показавшего зависимость метрики пространства от помещенных в него масс. Таким образом, неполнота или незамкнутость теорий является фактором, обеспечивающим их преемственность. Неполные системы оказываются также практически полезными, поскольку позволяют получать интересные следствия.

Однако исчерпывается ли понятие «полнота» логико-семантической трактовкой? Видимо, хотя это понимание и является основным, но все же оно не единственное. О наличии другого смысла этого понятия свидетельствует бурная дискуссия, проходившая в тридцатые годы прошлого века, по поводу полноты одной из физических теорий – квантовой механики. Эту теорию упрекали в несостоятельности из-за «фундаментальной полноты»[4]. Почему же неполнота одной из физических теорий – неполнота квантовой механики вызывала столь ожесточенные споры?

Поводом для дискуссии служил ряд проблем – проблема измерений, проблема воздействия на систему в процессе измерений, проблемы интерпретации и др. Неполнота квантовой механики тесно связана с проблемой измерений квантово-механических величин. Классическое описание физического процесса или явления характеризуется рядом абстракций, прежде всего предполагаемой независимостью явления от условий наблюдения. Физический процесс рассматривался как нечто происходящее само по себе, безотносительно к измерительным приборам, наблюдателю и, в определенной степени, независимо от условий измерения.

Такого рода абстракция, принятая в классической физике, может быть названа абсолютизацией понятия физического процесса. Из этой абсолютизации следует возможность неограниченно уточнять наблюдение и наблюдать разные стороны одного и того же процесса, не нарушая его течения. В самом деле, если считать, что физический процесс не зависит от условий наблюдения, а имеет, в этом смысле, абсолютный характер, то естественно думать, что, варьируя условия наблюдения, можно, в принципе, измерять характеристики процесса с любой сколь угодно большой точностью. Можно сказать, что классическая физика допускала в принципе такую постановку опыта, в которой одновременно и сколь угодно детально были бы прослежены все стороны физического процесса.

Аналогичный характер имеет и молчаливо принимаемое в классической физике допущение о возможности неограниченной детализации физического процесса в смысле всестороннего и подробного его описания. Такая возможность, по крайней мере в принципе, не вызывала сомнений [5].

Предполагаемая возможность принципиального получения сколь угодно точного знания является основанием позиции детерминизма, предопределенности природных процессов. Наиболее четко тезис детерминизма был сформулирован Лапласом. Часто детерминизм Лапласа понимают как доктрину, согласно которой точное знание положения вещей во Вселенной в некоторый момент времени то автоматически делает известным положение вещей во Вселенной в любой другой момент времени [6].

Лаплас выражался вполне определенно: «Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу и относительное положение всех ее составных частей, если бы он вдобавок оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел вселенной наравне с движениями легчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором»[7].

Следствием тезиса детерминизма является принцип причинности. Принцип причинности может быть сформулирован в виде следующей импликации: если точно знать настоящее, можно предсказать будущее. По мнению автора принципа неопределенности — В. Гейзенберга, в этой формулировке неверна предпосылка, а не заключение. Мы в принципе *не можем узнать* настоящее во всех деталях. Причиной этой непознаваемости является соотношение неопределенностей в квантовой механике. Можно точно измерить либо пространственные координаты, либо импульс частицы, но не то и другое одновременно. Как известно, в квантовой механике одновременное измерение двух параметров, возможно с определенной точностью: произведение значения координаты частицы на ее импульс не меньше постоянной Планка  $h=6.626 \cdot 10^{-34}$ . Это обстоятельство трактуется как невозможность полной изоляции системы от воздействия во время процесса измерения. Например, для определения точной координаты микро-частицы требуется использовать микроволновое излучение с малой длиной волны. Но коротковолновое излучение имеет большую энергию, поэтому начальный импульс частицы становится неопределенным. А если необходимо измерить импульс частицы, используют более длинные волны с меньшей энергией, и в этом случае точное значение координаты установить невозможно. Математически это описывается неравенством Гейзенберга:  $\Delta x \Delta p \geq h$ . Эта проблема носит название проблемы измерения.

Первоначально величины  $\Delta x$ ,  $\Delta p$  трактовались как неточности измерения. Такое толкование предполагает, что существуют и “точные” значения  $x$ ,  $p$ , но только они почему-то не могут быть измерены. Попытки приписать точные значения величинам до измерения были предприняты в концепции скрытых параметров, оказавшейся противоречивой.

Таким образом, если эксперименты говорят в пользу квантовой механики, а она заставляет признать “предпосылку” принципа причинности ложной, из этого следует, что “нарушение принципа причинности можно считать твердо установленным”[8]. Однако, согласно правилам логики, импликация не становится ложной из-за ложности посылки (импликация ложна лишь в случае истинности посылки и ложности следствия). Кроме того, такая формулировка принципа причинности не имеет никакой онтологической значимости. Она была бы значима, если бы мы действительно в точности знали настоящее, но как раз это, согласно Гейзенбергу, невозможно.

Понятие причинности, применительно к квантовой механике, было переосмыслено Рейхенбахом: если индивидуальные события наступают спонтанно, то теория должна давать причинное объяснение не индивидуальных событий, а статистических корреляций. Полнота теории не может предполагать детерминизм, если реальные процессы случайны. «Мир имеет определенный причинный порядок, но не является детерминистичным. Нельзя ли квантовомеханический мир понять аналогичным образом? Но какая теория в таком случае считалась бы полной? Полнота не может предполагать детерминизм, если исчерпывающий обзор всех реальных факторов не предполагает детерминизм»[9].

Таким образом, проблема измерений в квантовой механике указывает, по крайней мере, на два обстоятельства. Во-первых, физический процесс не может пониматься как абсолютный, то есть не зависящий от процесса измерений. Измерение в квантовой ме-

ханике сопровождается существенным изменением параметров системы, поэтому систему нельзя считать независимой от процесса изменения. Измерение одного из параметров приводит к изменению других параметров. Воздействие измерения на систему столь существенно, что одна из интерпретаций квантовой механики – копенгагенская – рассматривает измеряемые величины не как характеристики частицы, а как процесс взаимодействия частицы с прибором. Во-вторых, знание параметров, описывающих систему, принципиально не может быть сколь угодно точным, и, следовательно, позиция детерминиста несостоятельна. Эволюция системы описывается уравнением Шредингера, которая говорит лишь о вероятном конечном состоянии, но не полностью определяет его.

Представляется, что неполнотой в случае квантовой механики называют невозможность всеобъемлющего и точного познания природы. Обвинение в неполноте квантовой механики было предъявлено из-за ее вероятностного характера.

Однако вероятностный характер имеют многие научные законы, на что указывает, в частности Пуанкаре. Тогда чем отличается квантово-механическая вероятность от других типов вероятности? Пуанкаре указывает, что законы физики имеют вероятностный характер: «Предвидение фактов... может быть только вероятностным. Как бы прочно обоснованным ни казалось нам наше предвидение, все же мы никогда не имеем абсолютной уверенности в том, что оно не будет опровергнуто опытом, предпринятым в целях его проверки. Однако вероятность часто бывает достаточно велика, чтобы практически мы могли ею удовлетвориться»[10]. Пуанкаре классифицирует научные вероятности по глубине незнания и выделяет вероятности наблюдений, вероятности законов и вероятности причин. Первое понимание соответствует пониманию вероятности как отношения числа благоприятных исходов к общему числу возможных случаев. Вероятность законов учитывает, что каждый закон представляет собой экстраполяцию и получается как индуктивное обобщение множества измерений, следовательно, не является абсолютно точным. Самым интересным видом незнания Пуанкаре считает вероятности причин — вероятностные предположения о том, что вызвало явления. Все эти типы вероятности понимаются статистически, а вероятность, понимаемая как статистическая, не отрицает детерминизма — знания причин и считает принципиально познаваемыми их.

Квантовая механика признает, что вероятность объективна, она — неустранимый факт. А если принять вероятностный характер, то нет оснований считать, что она является якобы неполной теорией. Подобные обвинения были выдвинуты с позиций реализма классической физики, которая отказывала вероятности в праве быть фактом с онтологическим содержанием.

Принимая в качестве критерия полноты теории удовлетворение требования, чтобы каждому элементу физической реальности соответствовал элемент физической теории, А.Эйнштейн, Б.Подольский и Н.Розен сумели показать, что описание квантового состояния волновой функцией не является полным — так называемый парадокс Эйнштейна — Подольского — Розена. Согласно этому критерию, существует элемент физической реальности, соответствующий данной физической величине, если ее значения можно определить только с вероятностью, равной единице. Программа Эйнштейна: найти такое корректное полное описание явлений в микромире, чтобы в нем были “только факты, а не вероятности”, чтобы в нем не было неопределенностей и чтобы оно удовлетворяло идеалу строгого классического детерминизма, — оказывается нереализуемой.

Если считать, что теория является полной, когда каждому элементу физической реальности соответствует в теории определенная физическая величина, то с энергетической точки зрения теория должна быть признана полной, если для каждой энергетиче-

ской области можно указать ее энергию. И так как во всех процессах микромира нет других энергетических областей, кроме областей состояний и областей переходов между состояниями, то с позиций закона сохранения энергии, т. е. принципа инвариантности, признание вероятностной частоты наряду с действительной исчерпывает все возможности, и, таким образом, квантовая механика становится полной теорией.

Принцип неопределенности Гейзенберга представляет собой соотношение неопределенностей для энергии и времени, это означает, что само соотношение неопределенностей представляет собой вероятностную форму проявления закона сохранения энергии. Именно эта вероятностная форма энергии ответственна за то, что квантовый детерминизм является вероятностным. Поэтому, каков характер энергии, таким должен быть и детерминизм.

Вероятность, описываемая принципом неопределенности Гейзенберга, имеет онтологический характер. Принципиальная невозможность безграничного познания мира и явилось поводом для обвинения квантовой механики в неполноте.

Итак, распространено три понимания неполноты научных теорий. Логическое понимание полноты теоретической системы предполагает, что все истинные утверждения должны быть выводимы. Содержательное понимание полноты связано с необходимостью привлечения дополнительных процедур интерпретации терминов, которые плохо формализуемы и основания которых небесспорны. Содержательное понимание требует привлечения дополнительных соображений для обоснования содержания базовых понятий и их отношений, что делает теорию незамкнутой. Неполнота квантовомеханических теорий имеет гносеологический характер и связана с принципиальной невозможностью неограниченно точного познания мира. Неопределенность значений квантовомеханических переменных имеет онтологическое основание и ее «неполнота» свидетельствует об ограниченности познавательных возможностей человека.

### *Примечания*

1. Э. Нагель, Д. Ньюмен, Теорема Геделя. — М.: Знание, 1970. — С. 54.
2. М. Бунге, Философия физики. — М.: Прогресс, 1975. — С. 208.
3. А.Эйнштейн, Б. Подольский, Н.Розен. Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным? // Собрание научных трудов. Т. 3. — М.: Наука, 1966. — С. 604.
4. D. Aerts, J.Broekaert, S.Smets. Inconsistencies in constituent theories of world views: quantum mechanical examples. Foundation of Science 3, 1999. — P. 315.
5. В.А. Фок Квантовая физика и строение материи. // <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Fok.html> 09.09.2003
6. А. Родин Синергетика и детерминизм // [http://sky.kuban.ru/socio\\_etno/iphrRAS/~mifs/rodin.htm](http://sky.kuban.ru/socio_etno/iphrRAS/~mifs/rodin.htm) 09.09.2003
7. Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. — М., 1908. — С.163.
8. См. Heisenberg W. Ueber den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinetik und Mechanik // Zeitschrift für Physik. 1927. В. 43. S. 197. Цит. по Р. Хазарзар Скептический взгляд на диалектический материализм. <http://warraх.croco.net> 07.09.2003
9. Б.Фраассен, Квантовая механика: точка зрения эмпирика. Эмпирические основания квантовой теории. — С. 3.
10. А. Пуанкаре. О науке. — М.: Наука, 1990. — С. 147.

## **О ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ОГРАНИЧЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ СОЗНАНИЯ**

**Ф. С. Соколов**

Институт философии и права СО РАН

В своем техническом и интеллектуальном развитии человечество, по-видимому, вплотную подошло к тому рубежу, за которым, вероятно, можно будет с уверенностью сказать, что мы не одиноки во Вселенной. И если примеры неземного разума не известны широкой общественности, то крупницы заведомо земного, и в некотором смысле родственного человеческому и происходящего от него, но все-таки не человеческого разума (или предразума) повсеместно проникают в нашу жизнь. Речь, конечно, идет об искусственном интеллекте.

Сразу согласимся с тем, что в предыдущем абзаце содержится несколько спорных утверждений; спорных в том смысле, что у каждого из них могут быть и есть как ярые защитники, так и не менее фанатичные противники, что истоки этих споров содержатся во всей многовековой истории философии, и что подобные споры очень долго, если не никогда, не прекратятся. Но этот факт является одним из лучших доводов в пользу актуальности этой проблематики.

Заметим, что проблема искусственного интеллекта не единственная проблема, в области философии сознания, вызывающая столь бурные дебаты. Поэтому используем именно эту тематику для доказательства тезиса о принципиальной ограниченности познания сознания.

Основным вопросом философии сознания является старый вопрос о соотношении души и тела или, выражаясь современным языком, психофизическая проблема. На сегодняшний день этот вопрос имеет богатый спектр ответов, в разной степени обоснованных. Это множество содержит как крайне противоположные точки зрения, исключаящие с одной стороны сознания как таковые, с другой – как таковую материю, и, следовательно, тела, так и промежуточные точки зрения, признающие и то, и другое, и сочетающие их разными способами. Очевидно, что решения, совсем исключаящие сознание из сферы бытия, а также некоторые промежуточные решения дают сознанию право быть искусственным, в то время как другие промежуточные решения и решения, исключаящие материю, отрицают такую возможность. Из этого следует, что авторы настолько разных решений либо используют термин «сознание», подразумевая разные понятия, либо подразумевают близкие понятия, но используют различные критерии сознательности.

Стоит отметить, что в обыденное представление о сознании и оперирование этим понятием неявно входят различные критерии сознательности. Так, является общепризнанным, что люди, за редким исключением, обладают сознанием, а, скажем, камни, нет. Более того, мы способны отличить просто камни от камней, претерпевших влияние на них сознательных существ, то есть мы обладаем не просто критериями сознательности отдельных индивидуумов, но также критериями, позволяющими выделять из множества предметов и явлений результаты сознательной их деятельности. Этот тезис можно попытаться оспорить, сказав, что для идентификации кого-то как сознательного существа, нам не нужны никаких критериев, что сознание других людей дается нам чуть ли не непосредственно. Однако это возражение не будет особенно успешным, так как единственным действительно непосредственно доступным сознанием для каждого человека является только его собственное сознание, тогда как о сознании других, даже самых близких людей, он может только «догадываться» на основе их слов, интонаций и действий.

Начнем наше рассуждение с доказательства того, что даже самый скептически настроенный в отношении возможности искусственного сознания человек может признать сознательным рукотворный механизм. Исходя из подразумеваемого тезиса о почти неограниченном техническом развитии человечества, можно легко представить механизм, внешне ничем не отличающийся от обычного человека, имитирующий какой-либо характер, использующий слова паразиты и т.п., сносно воспринимающий на слух



речь и адекватно на нее реагирующий словами и действиями. Тогда будет существовать достаточно большой временной интервал, за который никакой скептик не сможет распознать в таком собеседнике подделку, в лучшем (для него) случае он наделит его свойством странности, что мы часто делаем и в отношении обычных людей.

Нетрудно также предположить, что можно построить серию подобных механизмов, каждый из которых будет все дольше и дольше «обманывать» скептика-«эксперта», и, наконец, один из них сможет остаться нераскрытым за всю (конечную) жизнь скептика. То есть, не зная заранее об искусственном происхождении нашего механизма, «эксперт» никогда не сможет этого установить и будет считать его сознательным.

Подобный эксперимент, убедит многих других скептиков в том, что механизмы могут обладать сознанием. Причем будет совершенно ясно, что человеческий облик этих механизмов не является необходимым условием для их сознательности. Однако механизмы, в отличие от людей, могут сильно варьироваться по своим размерам и по длительности совершаемых действий: и то, и другое может быть как сверхмалым, так и сверхбольшим, но одинаково недоступным для человеческого восприятия. Теперь легко представить, что могут существовать механизмы, постоянно обладающие подобными недоступными свойствами, то есть неидентифицируемые как сознательные, даже если они воспринимаются чувственно. То есть могут существовать механизмы, обладающие сознанием, удовлетворяющим нашему же критерию сознательности, но не воспринимаемые нами как сознательные. И ничто не будет мешать этим механизмам обладать дополнительными свойствами, не выводящими их из области действия нашего критерия, но, возможно, позволяющими им не воспринимать нас как сознательных существ.

Как нетрудно заметить, рассуждение уже давно ведется в области возможного (однако, не невозможного), но обсуждаемые в нем ситуации не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты, что и подтверждает заявленный тезис о принципиальной ограниченности познания сознания.

## ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

А. В. Якушин

Самарский государственный аэрокосмический университет

В докладе рассматривается проблема сознания как проблема качества. Речь идёт о возникновении качества, исчезновении, функционировании, а главное – о причинах возникновения качества.

Решение этой проблемы видится в рассмотрении качественной характеристики как количественной. Сознание – это не качество человека, это количественная характеристика любого физического тела. *Сознание* – это свойство, характеризующее способность тела изменять бытие по неестественным законам (то есть противоречащим законам естествознания, например, закону неубывания энтропии).

Всё, что находится в бытии, обладает сознанием и имеет вид структуры. *Структура* – это нечто, состоящее из связанных частей, которые также являются структурами (подструктурами). Конечной, наименьшей структуры нет. *Сложность структуры* – это свойство структуры, характеризующее суммарную сложность подструктур и взаимное воздействие друг на друга. А в предельном случае: сложность структуры – это суммарная сложность взаимодействий вообще. Структура существует, если её сложность неотрицательна. Если суммарная сложность подструктур меньше сложности структуры, то взаимодействие подструктур называется созидательным, иначе – деструктивным.

Бытие представлено как совокупность трёх миров: материального (в классике – просто Бытие), информационного (Дух) и псионного. Эти миры не пересекаются, то есть не имеют общих законов и имеют собственные субстанции, не определяемые через субстанции двух других миров. Структура в каждом из миров предстаёт в некоем образе, который является лишь совокупностью свойств, имеющих какое-либо значение в соответствующем мире. В материальном – это реальный образ (физический, материальный предмет, «вещь в себе»). В информационном – ментальный образ (доступная к «осмыслению» информация, память). В псионном – псиобраз (псиоточка, которая характеризует способность структуры изменять сложность других структур).

Время дискретно. Время существует только в материальном мире. Время есть следствие последовательного изменения материального мира. Изменение материального мира – дискретно. Процесс изменения схож с фильмом, в котором быстро меняются дискретные кадры. Каждый «кадр» материального мира – моноселенная: совокупность реальных образов всех структур в определённый момент времени. В моноселенной времени нет. Смена одной моноселенной другою называется процессом перехода. А правило, по которому этот процесс происходит – закон перехода. Этот единственный закон материального мира, который полностью характеризует его изменение. Закон перехода – это совокупность всех естественных (физических) законов.

Из этого следует, что сознание не есть часть материального мира, так как действует не в рамках его законов. При этом сознание представимо в виде функции такого неестественного действия от неких параметров реального образа (в частности, значения органов чувств) и памяти. Так, на сознание влияет материальный мир через «органы чувств», влияет информационный мир через ментальный образ (через память). Из определения миров выходит, что сознание не является составляющей ни одного мира, а характеризует лишь влияние образов друг на друга. А так как единственным свойством структуры, не являющимся составляющей одного из миров, выступает сложность структуры, следовательно, понятие сознания напрямую из него вытекает.

Сознание и мышление напрямую связаны с характером взаимодействия всех подструктур самой структуры. Если он изменяется, а он изменяется всякий раз, когда происходит изменение реального образа в процессе перехода, то изменяется и сознание. Это объясняет факт рождения, смерти и обучения человека и других живых существ. Это объясняет сон. Это объясняет, как в мозге захватываются новые нейроны. Общество людей также является структурой. А, значит, обладает сознанием. И человек, находясь в нём, подвергается влиянию со стороны этого коллективного разума. Это фактор «бога». Но животные образуют общества, которые гораздо проще, нежели человеческие. Сознание есть качество, порождённое сложностью структуры, которая является количественной характеристикой. Сознание есть неотъемлемое свойство всего существующего в бытии.

## **МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ САМООРГАНИЗУЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЫ**

**А. Скрыпка**

Самарский государственный университет

В работе делается попытка, опираясь на достаточно развитый сегодня мат. аппарат теории информации дать точное (в количественном смысле) описание вопроса самоорганизующихся систем. Так, например, очевидно, что возникновение систем с малой собственной энтропией возможно только на очень простом структурном уровне. В качестве иллюстрации, используя законы молекулярно-кинетической теории, можно по-

казать, что отклонение давления газа на 1% от среднего в кубе с ребром 0,2 микрон происходит каждые  $10^{\{-9\}}$  секунды, а в кубе с ребром 1 сантиметр каждые  $10^{\{14\}}$  секунды (фактически никогда). Основным результатом теоретической части следует считать предположение о том, что необувание энтропии никак не противоречит возможности существования систем с самоорганизацией, а только требует их постоянного, структурного и количественного усложнения.

Для практической проверки изложенных в работе предположений, реализована (в виде программы) и рассматривается нейронная сеть по Фарли и Кларку. Модель представляет собой систему, каждому элементу которой поставлено в соответствие действительное число - уровень возбуждения этого элемента (нейрона). Некоторые элементы связаны между собой и могут передавать свое возбуждение по этим связям. Уровень возбуждения каждого элемента затухает, возникнув одновременно с импульсом, подводимым по связям извне. Любой нейрон может быть возбужден, если суммарный уровень возбуждения, подводимый к нему, превысит некоторый порог. Можно считать, что величина порога связана с уровнем возбуждения монотонной функциональной зависимостью. Шум реализуется путем периодического, случайного изменения весов некоторых связей на небольшие (сравнительно с исходным весом) значения. Подобная система легко моделируется на современной ЭВМ.

Разобьем произвольным образом систему на четыре равных подмножества элементов A1, A2, B1, B2. Будем считать, что задачей системы является проведение возбуждения от элементов подмножества A1 только к элементам подмножества B1 и, соответственно, от A2 только к B2. Качество работы системы будем оценивать следующим образом: каждый такт дискретного времени будем вычислять разность  $dN$  количеств возбужденных элементов в зонах B1 и B2 и наращивать некоторое (изначально произвольное число) число N на  $dN$ . Возбуждение извне будем подавать только на элементы, принадлежащие A1, когда  $N < 0$ , и только на элементы принадлежащие A2, когда  $N > 0$ .

Если система сконструирована идеально, то число N со временем быстро стремится к нулю, вне зависимости от его знака. Действительно, пусть  $N > 0$ , тогда возбуждение подано на элементы зоны A2, тогда поскольку от F2 возбуждение передается только к B2, а в B1 нет возбужденных элементов, то  $dN = n_{\text{возб}}(B1) - n_{\text{возб}}(B2) = 0 - n(B2) < 0$ , и, следовательно, N уменьшается. Аналогично (со сменой знаков) процесс протекал бы, если  $N < 0$ . Если в такой системе принудительно изменить N, то она в кратчайшие сроки вернет это число к нулю.

В нашем эксперименте исходные связи задаются случайным образом, поэтому модель, вообще говоря, меняет число N в произвольную сторону. Добавим в модель блок программного кода, который реализует следующую функцию: если изменение числа N идет в нужную сторону, то все действующие в системе связи усиливаются пропорционально их весу, если же N по абсолютной величине растет, то все действующие связи пропорционально ослабляются.

Такое дополнение придает системе качественно новые свойства. Изначально случайная система начинает организовываться под действием шума(!) и ОС. Поколебавшись некоторое время, система в конце концов начинает выполнять поставленную задачу, то есть уменьшать абсолютную величину N, причем скорость приближения числа N к нулю возрастает по мере длительности «обучения» (работы системы с ОС)! Налицо пример самоорганизации.

Проведенная серия экспериментов убедительно показала, что в большинстве случаев система В приходила к состоянию, в котором успешно справлялась с возложенной на неё задачей. Её формулировка также была выбрана из соображений удобства и наглядности. Интересно, что по завершению процесса обучения модель, как правило, обладала значительной устойчивостью: изменение весов связей на 10-30% процентов и

даже удаление до 10-15% процентов связей не приводило к нарушениям функционирования. Такое возможно только при значительной избыточности организации.

Постановка системе задачи, не связанной с исходной, как минимум в 60% случаев приводила к тому, что система могла выполнять обе задачи одновременно. Например, требование четности числа возбужденных нейронов или передача возбуждения от зон В к зонам А. Возможности по увеличению количества выработанных функций, очевидно, зависят от количества нейронов системы. Однако увеличение числа нейронов (и соответственно количества возможных связей) приводит к увеличению времени, необходимого на обучение.

Полученная модель, несмотря на крайнюю простоту, продемонстрировала почти все присущие биологическим существам (как самым ярким представителям самоорганизующихся систем) черты. Так, например, живые организмы обладают значительной избыточностью структур и модель повторила в себе это свойство. Крайняя примитивность задач и принципов функционирования не должна никого обманывать, разница с живыми существами не в сути, а в степени. Достаточно вспомнить, насколько более сложные и разнообразные связи существуют в одной клетке живого существа.

Разумеется, ко всем сделанным предположениям надо подходить со значительной долей осторожности. Затронутый в работе вопрос еще очень далек от окончательного разрешения.

## **КРИЗИС НАУКИ В СВЕТЕ НОВЫХ КУЛЬТОВ СОВРЕМЕННОСТИ**

**Л. В. Подшибякина**

Томский государственный университет

Современную европейскую цивилизацию можно охарактеризовать господством двух новых культов, пришедших на смену старым языческим богам – это культ бессознательного и культ прогресса. Именно в понимании сущностного смысла этих культов содержится объяснение кризиса современной науки.

Современному человеку, точно также как и древнему, нужны простые понятные объяснения для всего пугающего, необъяснимого. Но если последний объяснял это действием воли богов, то современный человек все непонятное легко прячет в объяснении действием бессознательного. Чтобы не случилось – ногу сломал, муж бросил, рассорились на работе – для всего есть готовое объяснение: все это воплощения бессознательного стремления. Бессознательное для современного человека становится тем же самым языческим богом, благодаря чему современному человеку становится легче жить. Теперь нет место непонятному, пугающему, а все, что бы ни случилось, обязательно будет иметь «разумное» объяснение.

Столь же важен для человека и культ прогресса, дающий иллюзорную уверенность в том, что все, ради чего он напрягается, имеет разумный смысл. Все чтобы ни происходило с человеком, все может быть оправдано идеей прогрессу. Жизненная трагедия представляется человеку непереносимой лишь до тех пор, пока она бессмысленна, если же он видит в ней некий положительный смысл, стремление к более высокой цели – прогрессу, то эта трагедия становится уже оправданной, и потому переносимой.

«Пророками» культа прогресса выступили философы-просветители, «пророком» культа бессознательного для европейцев стал Зигмунд Фрейд со своей сексуальной теорией. Европейцам нужна была идея, которая давала бы готовое объяснение для всего того, чтобы с человеком ни случилось. Именно поэтому они заметили простого психиатра. Дело вовсе не во Фрейде, а в потребности европейцев иметь подобную теорию.

Что общего между этими двумя культами? – В ответе на этот вопрос скрыто объяснение причины кризиса современной науки, наступление которого в полной мере еще не осознано. По-видимому, общим моментом является чувство несамодостаточности.

Суть теории прогресса – в стремлении оправдать настоящий момент последующим, более совершенным, более развитым. Сам по себе настоящим момент вне отношения к последующему ценности не имеет. Каждое поколение людей живет ради будущих поколений, каждый момент развития науки может быть оправдан только в результате ее дальнейшего развития. Настоящий момент сам по себе не имеет собственной ценности и потому несамодостаточен.

Теория бессознательного Фрейда по-своему выражает ту же самую интенцию. Бессознательное, как считает Фрейд, есть вытесненные желания человека, которые он не в состоянии удовлетворить в силу культурных, социальных либо нравственных запретов. Иными словами, бессознательное само по себе возникает из чувства неудовлетворенности. Подобно тому, как несамодостаточность в ценностном восприятии заставила обратиться к идеи прогресса, сексуальная несамодостаточность заставила Фрейда создать теорию бессознательного. Как прогресс, так и бессознательное стали для современного человека чем-то вроде, навязывающих ему свою волю, языческих божеств, которые подталкивают к неминуемому кризису цивилизации, который по-разному проявляется в разных сферах культуры.

В свете этого становится понятным кризис современной науки.

Современная научная картина пропитана идеей прогресса. И это не просто мировоззренческая предпосылка, это ее сущностная черта, вытекающая из самой сути науки, заключающейся в ее принципиальной несамодостаточности.

Современная наука ориентирована на эксперимент. Однако ни один эксперимент не может абсолютно точно удовлетворять исходным научным расчетам, в любом случае остается какая-то погрешность. Например, Коперник, при расчете движения планет получил большее расхождение с эмпирическими данными, чем-то, которое давала птолемеевская концепция. Кеплер ввел поправки в движение планет за счет представления эллипсоидности орбит и изменения скорости движения на разных участках орбиты. Его модель дала более точные результаты, которые, тем не менее, все равно не совпадали с наблюдаемыми. Эйнштейн сделал поправку на искривление пространства массой Солнца. Его результаты оказались еще более точны, но опять же не соответствовали действительности. И это закономерно, так как построить теорию, которая бы полностью соответствовала наблюдаемым данным принципиально невозможно. Таким образом, если мы посмотрим на коперникановскую концепцию с позиции ее законченности, т. е., отрешившись от ее дальнейшего развития, то должны прийти к выводу, что она экспериментально опровергнута. Ее претензия на истинность может быть оправдана только в возможности ее дальнейшего развития.

По аналогии с этим примером можно говорить о характере научного развития в целом. Каждый этап научного развития требует перехода к следующему этапу, в котором и обосновывается претензия на истинность. Любой научный этап сам по себе несамодостаточен, так как в отрыве от перспективы своего развития теряет право на истинность.

Таким образом, чувство несамодостаточности порождает развитие науки аналогично тому, как оно обуславливает сферу бессознательного.

Но откуда берется это чувство несамодостаточности? Поскольку и идея прогресса, и идея бессознательного выполняют для современного человека роль языческих богов, то, очевидно, можно это понять по аналогии с языческим богом, воплощающим в себе черты и того и другого.

Если мы возьмем мифологический словарь и займемся с этой целью перебором богов, то неминуемо наше внимание будет привлечено к культу Шивы.

Шива совмещает в себе противоположности – это бог порождения, бог сексуального начала, и вместе с тем это бог разрушения. Синтез и того и другого начала осуществляется в понятии бесконечного времени, выражением которого и является Шива.

Время содержит в себе рождение и умирание, рождение нового поколения предполагает, что близится к концу время старого поколения. Родители рано или поздно должны уступить свое место детям. Рождение соединяется со смертью. И эта чередка рождений и умираний бесконечна. В этом бесконечном времени нет ничего самодостаточного. Шива воплощает в себе беспечность идеи прогресса и сексуальный характер идеи бессознательного. Основа этого культа – несамодостаточность, объяснение которого раскрывается в его сексуальной природе.

Таким образом, причина кризиса современной науки – несамодостаточность, связанная с главным знаменем современной эпохи – победы сексуальности над эротизмом.

Эротическое чувство не направлено на чисто плотский акт и выражается в ощущении совершенства и самодостаточности каждого переживаемого момента. Именно благодаря этому чувству Платон открыл мир эйдосов, а Владимир Соловьев – Софию – вечную женственность мира.

Однако сексуальность, направленная на достижение чисто плотского переживания, убивает эротизм. Ее суть в несамодостаточности, т.е. в потребности перехода к следующему моменту, в котором это переживание нарастает. Лишь в обращенности к последующему сексуальное чувство находит свое оправдание, пока оно не достигает некоего предела, после которого она полностью пропадает. Этот момент сходен с переживанием смерти, и именно поэтому Шива соединяет в своем образе сексуальность со смертью.

Смерть следует понимать не физически, а как особое переживание, как следствие несамодостаточности. В культурном смысле смерть переживается как кризис (цивилизации, науки, искусства и т.д.).

Идея прогресса науки не выдумка каких-нибудь философов. Эта идея вытекает из принципа несамодостаточности любого научного знания требующего своего оправдания в последующем развитии науки. Но каждый этап науки порождает все новые и новые проблемы. Новые объяснения требуют новых концепций, и поэтому количество научных проблем растет в геометрической прогрессии. В какой-то момент они парализуют науку, – и тогда начинается ее кризис, описываемый иногда как «научная революция». Это кризис есть нечто иное, как выражение смерти, следствия несамодостаточности. Появление нового пророка сексуальной теории – Фрейда – открыло сущность – этого кризиса – победы сексуальности с ее постоянной неудовлетворенностью (несамодостаточностью), над эротизмом, всегда являвшимся в культуре символом совершенства, гармонии (самодостаточности).

Таким образом, преодоление кризиса современной науки требует изменение ее исходной парадигмы через обращение к объединяющей метанаучной идее, воплощающей в себе принцип самодостаточности.

## **ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА В ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ НАУКИ**

**Т. В. Лапина**

Институт философии и права СО РАН

В современных исследованиях в области философии и социологии науки постоянно присутствует упоминание о социальном конструктивизме. Наиболее употребляемым этот термин стал в ходе «научных войн», которые имели место в середине 90-х годов на страницах американских академических журналов по поводу социокультурного детерминизма в вопросах науки и познания. Данная дискуссия связана с различным пониманием термина «социальный конструктивизм» участвующих сторон в интеллектуальных спорах по поводу статуса науки. В связи с этим следует проследить различное понимание социального конструктивизма в данных дебатах.

Широкое понимание социального конструктивизма возникло в результате конфликта ученых и постмодернистски настроенных социологов и философов. В ходе этого конфликта такими учеными как А.Сокал и Ж. Брикмон были высказаны претензии по поводу использования специальных терминов философами, и были сделаны выводы о том, что за постмодернистским жаргоном и видимой научной эрудицией ничего нет. В число обвиняемых философов вошли Бодрийяр, Кристева, Лакан и др. [1] Однако негативное отношение ученых к философам постмодерна было вызвано и тем, что идейные течения постмодернизма используются как философские основания для политически ангажированных течений феминизма, движения черных, сексуальных меньшинств, этнических культур, которые обращаются к «иррациональному культу». Подобные политические течения часто также объединяют под общим термином «социальный конструктивизм», имея в виду их приверженность взгляду на науку как эффективную машину пропаганды, служащую для удовлетворения интересов элиты, и внедрения её доктрин, идеалов, и продуктов в массы.

Но обвинения А.Сокала и Ж.Брикмона грешат тем, что вместе с философами постмодерна объектами критики являются и социологи науки, в частности Б.Латур. При этом следует отметить, что в разряд противников науки попадают такие философы как Ю.Кристева и Ж.Лакан, которые используют научную аргументацию как престижную и самоценную, в то время как Б.Латур определяет науку как миф, социальный конструкт и даже не рассматривает вопрос об истинности научных концепций.

Оплошность А.Сокала и Ж.Брикмона вскрывает еще один интеллектуальный спор о статусе науки. Это спор между философами и современными социологами науки. Если у философов науки (К.Поппер, И.Лакатос, Л.Лаудан) преобладает когнитивистский подход, который предполагает, что научное знание обладает относительной автономией от воздействия социального и теоретическая реконструкция внутренней эволюции научного знания не требует обращения к социальным факторам. Социологический подход (Д.Блур, С.Барнс, М.Малкей, Б.Латур) же утверждает, что внутренняя история науки детерминирована социальными факторами и без обращения к ним теоретическая реконструкция научного процесса невозможна. Спор между философами и социологами науки обусловлен различным пониманием характера объективных критериев отбора теорий. [2]

Однако вышеуказанные междисциплинарные дискуссии отражают смысл слова «социальный», но не раскрывают понятие «конструктивизм». В узком понимании социальный конструктивизм представлен радикальным взглядом на науку таких исследователей знания как Б.Латур и С.Вулгар. Их работа носит характер полевых заметок «антрополога в лаборатории». В своей книге «Жизнь лаборатории: социальное конструирование научных фактов» авторы описали фрагмент истории эндокринологии, а именно историю открытия или создания вещества под названием Thyrotropin Releasing Factor (TRF). Общепринятый взгляд состоит в том, что это очень редкое вещество, которое вырабатывается гипоталамусом и играет очень важную роль в эндокринной системе. TRF высвобождает гормон тиротропин из гипофиза, этот гормон в свою очередь, управляет щитовидной железой, которая контролирует рост, взросление и метаболизм.

Для исследования этого вещества было использовано большое количество материала взятого из экспериментов над животными. Но отсутствие существенного количества чистого вещества вело к проблеме идентификации, не было материала для независимой пробы. Конечно, были предложены другие способы тестирования вещества, но отсутствие прямого способа сличения и проверки пробного материала дает основание Б.Латуру и С. Вулгару истолковывать научный факт как результат социальных переговоров. Так в своей работе Б.Латур и С.Вулгар показывают, что в ходе продуктивных научных дискуссий «все больше реальности приписывается объекту и все меньше – утверждению об этом объекте».[3]

Таким образом, научный факт как продукт социального конструирования начинает существовать только после того, как пройдет определенную историю своего собственного создания. При этом утверждение об этом научном факте предполагает отсутствие объективного существования этого факта, а само утверждение о научном факте и становится этим объективным фактом. Социальные факторы, в данном случае социальные переговоры, детерминируют исторический процесс создания гормона.

В узком понимании социального конструктивизма присутствует идея социального конструирования, которая как таковая просто подразумевалась в широком понимании социального конструктивизма. В то время как конструктивисты утверждают, что продукты естественного являются социальными конструктами, ученые признают, что есть социальная история открытия научного факта, но эта история не создает этот факт.

Чем же вызваны такие широкие нападки на социальный конструктивизм в узком его понимании? Традиционно, ученые (как представители естественных наук, так и социальных) исходят из представлений о существовании объективной реальности и в таком случае, факт существует объективно, независимо от нас и нашего знания о нем. Цель ученого заключается в том, чтобы дать истинное описание об объективной реальности при помощи утверждений, которые могут быть истинными или ложными.

Предложенная концепция Б.Латура и С.Вулгара противоречит классическим представлениям науки, философии науки, так и предлагает идеи достаточно радикальные даже для современной социологии науки. Если метафизическую позицию ученых можно охарактеризовать по терминологии Я.Хакинга как реализм относительно объектов, то позиция конструктивистов является антиреалистической. [4]. Однако также в онтологической позиции социальных конструктивистов присутствует представление о научном факте как артефакте. Если факт – это характеристика объективной реальности, то артефакт – это продукт человеческой деятельности. В данном случае существование факта основывается на принятии некоторого пробного материала. Если вещества в чистом виде выделить не удастся, то его объективно не существует. Следовательно, мы конструируем его в результате социальных переговоров. Очевидна слабость позиции социальных конструктивистов. Действительно, если у нас нет вещества в чистом виде, то это еще не значит, что его не существует. В таком случае факт не обязательно должен быть социальной конструкцией. Б.Латур и С.Вулгар настаивают на жесткой связи между наличием вещества в чистом виде и его существованием. Если мы принимаем эти послышки, то действительно утверждать о существовании вещества нельзя. Но если допустить, что не только прямая проба, но и косвенные обстоятельства могут утверждать об объективном существовании гормона, то у нас возникает менее жесткая сеть высказываний, из которой можно делать уже другие выводы.

#### *Примечания*

1. См. Socal A., Bricmont J. *impostures intellectuelles*. P.,1997. – 274p.



2. См. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. – М.: Наука, 1987. – С. 8.
3. Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The social construction of scientific facts. Beverly Hills; L., 1979. – P.177.
4. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос, 1998. С. 35.

## **СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЯ**

**А. Н. Савостьянов**  
НИИ Физиологии СО РАМН

В современной философии науки присутствует два принципиально различных взгляда на построение концепции развития знания. В соответствии с первым ставится задача описать историю науки безотносительно к ее внутреннему содержанию. При таком подходе исследователь сосредоточивается на выявлении отдельных фактов из жизни ученых или событий, связанных со становлением научных институтов [1]. В этом случае получается чрезвычайно богатое фактами описание, в котором, к сожалению, теряется всякий смысл. История науки превращается, по выражению Т. Куна, в совокупность анекдотов из жизни ученых.

Другой крайностью является предельный схематизм, свойственный современным логикам. Наука описывается как «чистое знание», не содержащее ничего, кроме формально-логических конструкций и их эмпирического наполнения [2]. Субъективно-личностная человеческая деятельность, связанная с получением, передачей или применением этого знания, остается за пределами подобного исследования. Например, при таком подходе считается, что при описании современной науки можно использовать только точные понятия, сформулированные на формальных языках. Тогда все документы, отражающие ход истории науки, но написанные на неформализованном языке, просто не рассматриваются.

Однако существует позиция, согласно которой обе крайности дают слишком упрощенную картину научного познания, не отражающую реальных механизмов формирования науки. В последнее время появляется все больше работ, пытающихся выработать исследовательскую методологию, которая позволит сочетать анализ содержательной стороны научного знания с описанием социальных процессов и закономерностей, ведущих к его возникновению [3].

Изучение зависимости между развитием научного знания и социальными процессами, происходящими в обществе, являющем собой необходимую среду для существования науки, – одна из наиболее сложных и трудных задач современной теории познания. Актуальность решения этой проблемы определяется той ситуацией, связанной с отношением к науке, которая сложилась в современном обществе. Прежде всего, в обществе происходит очевидная смена отношения к знанию вообще и к научному знанию в частности. В последние годы наука явно утратила статус «единственно верного» способа объяснения мира.

Несмотря на то что научное мировоззрение продолжает занимать лидирующие позиции в области развития производственных технологий, происходит заметное вытеснение этого типа мышления из сферы гуманитарного знания и психологии. В настоящее время предпринимаются попытки либо полностью отказаться от рациональных объяснений существования и развития общества и человека, либо перейти к объяснениям, основанным на отличных от традиционной науки способах построения теории.

Большинство из подобных воззрений вступает в прямое противоречие с представлениями современной науки. Однако, несмотря на явную несогласованность этих учений с научным мировоззрением, они получают все большую и большую поддержку на уровне масс, что говорит о неудовлетворенности многих людей существующими научными концепциями и об их готовности к восприятию иррациональных идей.

В связи с возрождением или образованием новых ненаучных мировоззренческих учений и увеличением их популярности и роли в обществе возникает необходимость развития моделей, позволяющих описать процесс формирования и взаимодействия различных мировоззрений, существующих в рамках одного и того же общества. Такие модели должны давать возможность предсказывать возникновение серьезных конфликтов между учениями, относящимися к различным формам объяснения мира, и предлагать несколько вариантов выхода из конфликтных ситуаций. Существенной чертой такого описания процесса развития знания должна быть его способность к выявлению взаимодополнительности различных мировоззрений, что позволит если не совершенно исключить конфликты между ними, то по крайней мере уменьшить их остроту.

Известно, что множественность подходов к получению и обработке знаний связана не только с различием между научным и ненаучным мировоззрением. Определенный плюрализм мнений и подходов является неотъемлемой чертой самой науки [4]. Если классическая парадигма научного знания предполагала возможность только одного истинного объяснения реальности, то в современной науке наличие нескольких различных описаний одного и того же явления принимается как очевидное и необходимое свойство рационального мышления.

Свойством современного научного рационализма является допущение возможности равноправного существования нескольких способов накопления и использования знаний, причем знания, полученные разными способами, могут оказаться теоретически не связанными друг с другом [5]. Однако тогда возникает проблема разделения науки на несколько различных учений, описания роли этих учений в современном обществе, выяснения специфики взаимодействия между сторонниками этих учений в той или иной исторической обстановке. Это коренным образом меняет представление о структуре научной дисциплины, принципах построения теории и предполагает видоизменение таких ключевых понятий науки, как «факт», «доказательство» и «закономерность».

Множественность подходов внутри науки допускает возможность возникновения настолько различных способов оценки одного и того же наблюдения, что наблюдаемые события будут оцениваться как «существующие» или «не существующие» в зависимости от метода, которым они оцениваются. Отсюда возникает проблема описания взаимодействия различных способов представления знания, причем эта проблема может быть поставлена как на чисто теоретическом, абстрактно-понятийном уровне, так и на уровне социального взаимодействия. В последнем случае требуется выяснение социального механизма взаимодействия научных коллективов, развивающих различные подходы к получению знания, в зависимости от исторической обстановки, сложившейся в обществе. Тогда для описания современной науки необходимо не только выявить в ней наличие нескольких альтернативных подходов к отражению реальности, но и показать исторический путь их возникновения и специфику взаимодействия между собой на всех этапах своего развития.

Это предполагает наличие специальной модели описания науки как совокупности различных, часто антагонистических, учений, развивающихся в определенной социальной среде. Важной чертой такой модели является возможность объяснения роли социальной среды в развитии конфликтов между несколькими научными учениями. Модель должна объяснять, почему в том или ином обществе возникает определенный набор подходов к рационально-научному описанию мира, как вырабатываются правила взаи-

модействия между сторонниками этих подходов, в какой ситуации между ними возникает конфликт и какие существуют способы его разрешения.

В современной науке наблюдается явный внутренний кризис, связанный с несоответствием старых теоретических конструкций новым экспериментальным данным и технологическим запросам. Особенно ярко этот кризис проявляется в биологии, медицине и информационных науках, где недостаточность теоретических средств систематизации и объяснения фактологического материала уже представляется проблемой, которая может иметь катастрофические последствия [6]. В этой проблеме можно выделить две взаимосвязанные составляющие: во-первых, несоответствие теории внешним по отношению к науке производственным условиям, т.е. невозможность ученых выполнять тот заказ на определенные знания, который возникает в результате технологического развития общества; во-вторых, несоответствие между теоретическими конструкциями и эмпирическими данными.

Первая часть проблемы явно связана с описанием процесса взаимодействия науки и общества. Действительно, технологический запрос определяется социальными причинами и, соответственно, зависит от изменений во внешней по отношению к науке среде. Вторая часть проблемы может показаться не относящейся к кругу социальных вопросов. Для традиционной теории познания характерно рассмотрение аномальных отношений между знанием эмпирическим и знанием теоретическим как чисто внутренней проблемы науки, не связанной с внешней социальной средой. Однако начиная с исследований Т. Куна [7] разрабатываются методы выявления зависимостей между возникновением внутринаучных аномалий и изменениями в общественном мировоззрении. В частности, несоответствие теоретического знания и знания эмпирического может быть объяснено смещением «точек наблюдения», т.е. попаданием в сферу научных интересов таких феноменов, на которые раньше не обращали внимания. Это является результатом продиктованного общественными изменениями интереса к ранее игнорируемым событиям, т.е. следствием того, что большое количество людей, напрямую не связанных с наукой, начинает интересоваться получением принципиально новых знаний.

Последнее обусловлено прежде всего кардинальным изменением технологических запросов, предъявляемых к науке, т.е. это возвращает нас к первой части проблемы. Очевидно, что возникновение новой области получения эмпирического знания приводит к необходимости перестройки теоретических конструкций. В зависимости от предыдущего состояния науки смена теоретических позиций может быть осуществлена либо плавно и без существенного пересмотра ядра концепции, либо резко и с изменением всего способа получения знания.

Поскольку в современной науке наблюдается как смена технологических требований к получаемому знанию, так и несоответствие теоретических конструкций и эмпирических знаний, можно говорить о том, что мы переживаем период коренного пересмотра мировоззренческих оснований научной деятельности, вызванного существенным изменением социальных условий жизни. Отсюда возникает потребность в разработке модели, объясняющей причины резкой перемены в отношении общества к науке. Актуальной является задача моделирования уже происходивших в историческом прошлом процессов, аналогичных современному научному кризису.

Полученные в результате этого знания о закономерностях развития кризиса могут оказаться полезными для разрешения современной ситуации. Прежде всего необходимо описать процесс «смены ожиданий», т.е. изменения тех требований, которые предъявляются к науке со стороны людей, непосредственно с ней не связанных. Поскольку такой процесс может носить как повсеместный, общенаучный, так и частный, относящийся только к одной дисциплине характер, постольку его описание должно быть про-

ведено на различных уровнях, т.е. должно давать возможность характеризовать развитие как научного знания в целом, так и отдельных научных направлений.

Кроме того, модель должна позволять изучать влияние изменений внешнего по отношению к науке социального запроса на процедуры накопления эмпирического знания и формы его теоретического осмысления. Следует учитывать, что внешний социальный запрос может быть связан не только с развитием какой-либо конкретной производственной технологии или комплекса таких технологий, но и с необходимостью обосновать или развить на теоретическом уровне определенное общественное мировоззрение. В этом случае, как правило, осуществляется взаимодействие стихийно сложившихся представлений об устройстве мира и необходимости каких-либо социальных действий с устоявшимися формами теоретического мышления.

Если традиционные формы знания соответствуют мировоззренческим ожиданиям активной части общества, то они сохраняют поддержку с этой стороны и продолжают развиваться, в противном же случае возникает мировоззренческий кризис науки, что влечет за собой пересмотр существующих воззрений. В то же время присутствует обратное влияние науки на общественное мировоззрение. Развитие технологий, происходящее в результате научных достижений, меняет образ жизни большинства людей, что приводит к изменению их взглядов на мир. Смена мировоззрения также может быть связана с проникновением в обыденное сознание ряда идей, обоснованных внутри науки. Таким образом, существует необходимость описания циклических процессов влияния общественного мировоззрения на науку и науки на общественное мировоззрение.

Все приведенные выше моменты могут показаться тривиальными, уже многократно обсуждавшимися и бесполезными в настоящее время, если не учитывать современного положения науки в нашем обществе. Очевидно, что мы переживаем именно такой период развития науки, когда старые формы ее существования не соответствуют ни технологическим, ни общественно-политическим запросам, предъявляемым к ней [8]. Можно говорить о том, события, происходящие в настоящее время с российской наукой, являются естественным результатом смены как общественно-политических, так и производственно-технологических условий применения знания в нашем обществе. Та система производства знаний, которая существовала в стране, оказалась полностью неадекватной изменившимся запросам общества по отношению к науке. Современное российское государство не станет финансировать имеющуюся в его распоряжении науку просто потому, что такая наука для него бесполезна.

Западная система научного производства также строится по организационным принципам, коренным образом отличающимся от привычных для нас. Несмотря на востребованность российских ученых на западных рынках труда, они вынуждены заниматься там решением таких задач, которые кардинально отличаются от привычных для них в отечественных условиях.

В настоящее время наши ученые находятся перед выбором: либо совсем прекратить заниматься наукой, либо принципиально изменить как мировоззренческие, так и организационные формы получения знания и выработать такие критерии его развития, которые будут адекватны современным условиям. Выбор нового направления развития требует теоретического осмысления современной ситуации и моделирования возможных результатов будущих действий. Однако здесь мы возвращаемся к уже поставленной выше проблеме – необходимости создания теоретической конструкции, описывающей процесс взаимодействия науки и общества. Несмотря на наличие достаточно большого количества теоретических моделей, мы явно не можем разобраться в случившемся с наукой кризисе, не можем выделить различные стоящие перед ней проблемы, произвести соответствующее обстановке описание истории знания. Все это приво-

дит к тому, что проблема создания социально-философской модели науки продолжает быть актуальной.

Однако подходы к решению поставленной проблемы, реализуемые в современной философии науки, не позволяют решить ее полностью. В настоящее время большинство специалистов по эпистемологии либо занимаются описанием «внутренних» проблем науки и совсем не пытаются учитывать влияние общества на ее развитие, либо описывают лишь влияние общественных изменений на «внешние», организационные формы научной деятельности, не пытаясь при этом показать зависимость содержания научного знания от социальной среды.

Первый путь, хотя он весьма полезен для решения внутренних методологических проблем теории познания, не позволяет решить те вопросы, которые сформулированы выше. Второй путь приводит к тому, что исследователи начинают изучать науку чисто внешним образом, т.е. сосредотачиваются на выявлении исторических процессов, связанных с организацией научной деятельности, но при этом совершенно не пытаются выяснить, как социальные события сказываются на изменении внутреннего содержания научного знания или на развитии научной методологии.

Несмотря на то что в этом случае исследуются именно социальные аспекты существования науки, получаемое описание не захватывает важнейшей части любой научной деятельности – того знания, которое появляется в результате построения теории, а значит здесь невозможно говорить о построении какой-либо теории познания. В лучшем варианте возникает область социологии науки, занимающаяся проблемами взаимодействия научных организаций с государственными институтами или отдельными людьми. Развитие исследований в этом направлении достаточно часто приводит к тому, что история науки превращается в список анекдотов и сплетен, касающихся интриг между учеными или между учеными и государственными деятелями. Очевидно, что такой подход также не может быть признан адекватным поставленным выше задачам.

Из вышеперечисленного следует, что перед современной социальной философией стоит актуальная проблема создания модели развития науки в системе общественных отношений и разработки методов исследования исторических механизмов развития конкретных научных дисциплин [9]. Особое значение в предлагаемой модели уделяется изучению влияния социальных условий на методологию проведения научного исследования. Кроме того, одним из результатов работы является установление зависимости между структурой научного знания и общим мировоззренческим контекстом, в котором развивается данная научная дисциплина. Это дает возможность показать наличие исторической зависимости не только между отдельными дисциплинами внутри науки, но также между научными и ненаучными формами представлений о мире. Можно высказать точку зрения, согласно которой такой подход позволит решить поставленные выше вопросы и наметить пути выхода современной науки из поразившего ее кризиса.

Построение социально-философской модели развития науки может быть осуществлено при помощи двух принципиально различных подходов. В рамках первого вначале необходимо провести описание науки как некоторого самостоятельного явления, обладающего своими собственными закономерностями. На этом этапе исследования делается описание так называемой «чистой науки», т.е. науки, совсем не зависящей от социальных условий своего развития. Такая наука мыслится как идеализированный объект, не встречающийся в реальности, но применяемый для построения теоретических моделей. Затем осуществляется описание процесса взаимодействия между научными коллективами и отдельными общественными институтами, такими как государство, система образования, производственные или финансовые организации и т. д. При помощи этого описания устанавливаются прямое влияние науки на развитие этих организаций и их обратное влияние на науку.

Достоинством такого способа описания науки является возможность точных количественных измерений и достаточно подробных качественных описаний всех стадий взаимодействия между научными и иными общественными институтами. Основным недостаток этого подхода состоит в том, что мы можем выявить лишь отдельные социальные процессы, влияющие на развитие науки, но не можем описать науку как органическую часть целостного общества. В этом случае наука представляется как нечто чужеродное для всей остальной системы общественных отношений, как существующая сама по себе и лишь в отдельных случаях соприкасающаяся с социумом.

В рамках второго подхода первичным является описание общества как целостного органического явления, которое представляет собой необходимую среду для существования любой из своих частей. При таком подходе первым этапом будет характеристика общественного мировоззрения как целостной системы идей, отражающей всю совокупность общественных интересов. Данная система предполагает наличие общей для всех действующих лиц иерархии целей, способов обоснования этих целей и средств их достижения.

Целостное мировоззрение тесно связано с практической жизнью любого общества, что находит отражение в его структуре и динамике развития. В этом случае наука рассматривается как элемент целостной системы, существующий без принципиальных изменений только внутри нее. Наука не рассматривается как нечто, коренным образом отличающееся от остальных частей общественного мировоззрения, и всегда описывается как деятельность, включенная в практическую жизнь общества.

Достоинством такого описания является целостный взгляд на процесс развития науки внутри общества, позволяющий одновременно учитывать большое количество факторов, влияющих на получение, хранение и применение знаний. Существенный недостаток данного подхода – невозможность точного описания отдельных факторов, связанная с трудностью их выделения из общей среды.

Таким образом, оба описанных выше подхода имеют свои достоинства и свои недостатки, что позволяет рассматривать их как дополнительные по отношению друг к другу.

#### *Примечания*

1. Например см.: *Никифоров А.С.* Бехтерев. М.: Молодая гвардия, 1986.
2. См.: *Карнап Р.* Философские основания физики. М., 1971.
3. См.: *Огурцов А.П.* Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988; *Савостьянов А.Н.* Идеальные объекты в структуре мировоззренческой традиции. Новосибирск, Изд-во СО РАМН, 2003.
4. См.: *Целищев В.В.* Наука и социальные ценности: социальная и концептуальная структура научного дискурса // *Философия: История и современность*, 2003. С. 3 – 13.
5. См.: *Савостьянов А.Н.* Критерии научности при обсуждении психофизиологической проблемы в отечественной науке и философии // В сб. *Новые идеи в философии*, Пермь, Изд-во Пермский университет, 2000. С. 67–72.
6. См.: *Савостьянов А.Н.* Понятие идеального объекта науки и проблема соотношения явления и закона в современной психофизиологии // *Философия науки*, 2002, 3(14). С. 95–111.
7. См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
8. Об этой проблеме см.: *Целищев В.В.* Наука в демократическом обществе // *Философия: история и современность*. Новосибирск, 2001–2002. С. 3–12; *Картович В.Н.* Демократия и истина: Может ли научное сообщество быть идеалом демократического общества? // Там же. С. 13–23.

9. См.: *Савостьянов А.Н.* Методология социокультурного анализа развития мировоззренческих традиций на примере российской науки // *Философия: История и современность.* Новосибирск, 2001-2002. С. 106–124.

### *История философии в новом интеллектуальном контексте*

## **ПРОБЛЕМНЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

**М. Н. Вольф, И. В. Берестов**

Институт философии и права СО РАН

В последнее время учёными, занимающимися различными дисциплинами, широко обсуждается так называемый проблемный подход в науке. В данной статье мы хотим показать, что именно мы понимаем под проблемным подходом, очертить его применимость к истории древнегреческой философии и специфику в отношении к данной дисциплине.

Наиболее часто историю философии представляют как своего рода "галерею героев" (Гегель). Историко-философский процесс соотносится с датами жизни тех или иных философов. Как правило, в отношении этого процесса подразумевается некая цель, к которой он стремится, или задается результат, который и призвана проиллюстрировать вся совокупность историко-философских идей. Такой подход можно было бы назвать хронологическим, но поскольку предлагается цель и конечная идея, ради которой пишется история философии и к которой она, якобы, стремится, такой подход удобнее было бы назвать телеологическим. Попытки написать "новую" историю философии предпринимались всякий раз, как только изменялись мировоззренческие основания философии. Гегель и последующие представители немецкого идеализма – например, Целлер – ставили акценты в истории философии на метафизические системы, а среди философов – на тех, чья философия так или иначе могла содержать спекулятивное постижение сущности (или природы, бога, духа и т.п.), видя во всем логическое следствие предшествовавшего, развитие, совершающееся с "диалектической необходимостью". В эпоху развития позитивизма (Гомперц, Барнет) историки философии на первое место выводили эмпирические результаты философствования, а история философии представлялась им сходной с историей науки – как своего рода процесс накопления знания (что позднее было названо Поппером "кумулятивизмом").

Предлагали свое видение историко-философского процесса и неокантианцы, определявшие значимость каждого конкретного исторического события и каждой философской системы в зависимости от того, насколько они реализуют некоторые "вневременные ценности" (Истина, Добро и Красота) или "нравственные идеалы" (такие как "категорический императив" Канта) (Виндельбанд, Риккерт). Не лишена стремления к конечной цели интерпретация истории философии Хайдеггером – и такие примеры можно множить. Сущность философии раскрывалась при этом через две условные точки: точку "результата" историко-философского процесса (например, система Гегеля) и точку начала философии, от которой берёт начало историко-философский процесс и к которой он вечно вынужден обращаться в бесконечных попытках познать свою сущность и сущность философии вообще. Такой начальной точкой неизменно служила философия досократиков.

Все указанные взгляды на историко-философский процесс имеют между собой нечто общее; их можно условно назвать "телеологическим подходом" к истории философии. Общий смысл телеологического подхода заключается в оценке досократиков в

зависимости от того, насколько реконструируемые современными интерпретаторами решения совпадают с идеалом самого интерпретатора.

Попытки актуализировать философию досократиков через осовременивание их идей, распознать в архаической форме мысли современные точки зрения, концепции, позволяют, как кажется некоторым, придать весомость и значимость современным концепциям. Но, по словам Хайдеггера, "повторить вопрос Платона не значит вернуться к ответам греков", т.е. греческая философия понимается в данном случае всего лишь как инструмент или вспомогательный материал для создания или обоснования современных концепций. Такой подход неприемлем в том случае, если нас интересует система взглядов *самых* досократиков без соотнесения их учений с современными направлениями. Т.о., телеологический и проблемный подходы ставят перед историком философии принципиально различные цели и задачи.

С нашей точки зрения, историк философии должен представлять себе историческую совокупность проблем и их решений, поставленных в определенную эпоху, что обеспечивает комплексный и объемный взгляд на историко-философский процесс. Но это возможно только в том случае, если исследователь обладает определенной (пусть и условно взятой) полнотой информации. Так, в идеале мы должны более или менее однозначно указать, кто именно и когда выдвинул то или иное положение, сформулировал проблему, и на каких возможных вариантах ее решения остановился. Так или иначе, при прочтении источников приходится прибегать к реконструкции текстов (которая предполагает некоторый комментаторский произвол в отношении оригинала), но задача остается прежней – максимально приблизиться к оригинальному замыслу исследуемого философа.

В отношении истории ранней греческой философии этот подход также применим, но он имеет свою специфику. Поскольку весь материал, которым мы обладаем – это фрагменты, более или менее развернутые, но доступные только в виде цитат из более поздних источников, все вышеназванные трудности сохраняются, но добавляется минимум еще одна – контекст комментаторов, которые цитируют искомого автора. Для преодоления этих трудностей перспективным представляется проблемный подход к истории как всей древнегреческой, так и (особенно) ранней греческой философии.

Древнегреческая философия многоэтапна. Очевидно, что уже на первом этапе своего развития – генезисом, условно соответствующем периоду философии досократиков, был очерчен определенный круг проблем, поставленных и решаемых ранними греческими философами. Сложность осмысления всей совокупности поставленных и решаемых проблем заключается именно в ущербности и недостаточности наших текстовых источников. Отсутствие оригинальных текстов вынуждает исследователей судить о философии первого периода по свидетельствам поздних комментаторов, и мы зачастую экстраполируем их выводы и соображения непосредственно на философию досократиков.

В действительности большинство комментаторов относятся к более поздней эпохе и им были известны как те решения поставленных проблем, которые принадлежали самим досократикам, так и те решения, которые предлагались их современниками. Решения проблем досократиками неизменно рассматривались через призму "современных" комментаторам решений, выдвигаемых в совершенно иных условиях, поэтому их свидетельства о досократиках далеко не всегда объективны. Например, Ипполит приводит мнение Гераклита для обоснования своего христианского мировоззрения; и такая задача, разумеется, влияет на интерпретацию мысли Гераклита (Ср.: фр. 5 Mch: «О том же, что [Всеобщий отец] зрим и не сокрыт для людей, он говорит так: "Что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю", т.е. зримое незримому»). В отношении некоторых фрагментов можно проследить последовательную цепь цитат источника, восходящих к какому-либо исход-



ному документу. При таком варианте цитирования, видимо, невозможно избежать некоторых искажений. Весьма красноречивый пример – фрагмент Анаксимандра о порождающем источнике (*to<sup>c</sup> apeiron*) в цитировании Теофраста. Текст самого Теофраста не сохранился. Он частично передан Симплицием, который мог, в свою очередь, пользоваться либо выдержками из Теофраста, либо комментарием Александра Афродисийского на *Физику* Аристотеля; кроме того, неизвестно, был ли доступен последним двоим полный текст сочинения Теофраста. Весьма показательно иллюстрирует эту ситуацию сравнительная таблица в издании Кирка-Рейвена<sup>1</sup>, отражающая варианты изложения мнения Теофраста о производящей субстанции Симплицием, Ипполитом и Псевдо-Плутархом: все три версии существенно расходятся.

Более того, на подобных примерах мы видим, что доксографы могут предлагать не только неаутентичную интерпретацию решения проблем досократиками, но и существенно изменять даже сами формулировки стоящих перед ними проблем: здесь мы в гораздо большей мере зависим от конкретного доксографа и очень часто не можем получить достаточно достоверную интерпретацию решений досократиками поставленных ими проблем на основании комментаторских текстов. В силу этого для понимания проблемного поля приходится анализировать множество источников и только таким образом выделять типичные способы постановки проблем и варианты их решений досократиками.

Итак, тексты, содержащие цитаты досократиков, помимо прочего, оказываются нагружены "решениями" нескольких традиций: как минимум, это собственные решения цитаторов, принадлежащих уже к эллинистической традиции, затем – версия классической традиции (Аристотель), поскольку ее авторитет общепризнан, и, кроме того, если комментатор принадлежал раннехристианской традиции, то не исключено и христианское содержание в исследуемых текстах. Далее, даже если комментатору и было известно решение проблемы, предложенное, например, самим древнегреческим философом, но с собственных мировоззренческих позиций комментатора вариант решения комментируемого автора не представлялся убедительным, тогда он просто мог быть не зафиксирован.

Большинство наших доксографов владели несколькими вариантами решения поставленных досократиками проблем и весьма трудно определить, какое из предложенных решений относится к собственной версии того или иного раннего греческого философа, если вообще таковая сохранилась. Проблемы, поставленные в первые века существования философии, очевидно, находили решения в эту же эпоху. Однако меняющиеся со временем условия – мировоззренческие, социальные, культурные и т.п. – требовали новых ответов на давно возникшие проблемы. При этом проблема либо получает однозначное решение и раз и навсегда будет отставлена, либо, не теряя своей значимости, будет актуализироваться снова и снова. Первые проблемы следует отнести к "техническим", вторые – "ядерные" для всей европейской философии. В эпоху размышления границ философского дискурса, его критериев и утраты большинством философов осознания осмысленности философии, мы утверждаем, что "ядерные" проблемы неизменно присутствуют в любом подлинном философском построении. Таким образом, ход философского развития и непрерывность той или иной философской традиции задается в первую очередь разработкой проблемного поля, постановкой вопросов. Но решение проблем зависит от мировоззренческих и культурных особенностей той или иной эпохи.

Итак, при рассмотрении поставленных досократиками проблем очевиден вопрос адекватности проблем, обозначенных досократиками, их решениям в том виде, в каком они нашли свое отражение в поздних текстах. Иначе говоря, нам сложно судить, насколько близкими к истинному положению вещей могли быть приписываемые ранне-

греческим философам решения поставленных проблем. Гораздо легче представить и понять, какова была суть самих проблем, – этот блок информации легко вычитывается из фрагментов. В силу сказанного мы можем утверждать, что специфической особенностью исследования ранней греческой философии оказывается не столько поиск предлагаемых решений проблем, сколько сама их постановка или походы к постановке. Мы полагаем, что необходимо отказаться от приписывания конкретных решений досократикам там, где нет неопровержимых, взаимосогласованных и однозначных свидетельств, излагающих эти решения и их *обоснования* у различных доксографов. Мы настаиваем здесь на слове "обоснования": решение философской проблемы (если оно вообще возможно) не может быть таковым без серьёзного обоснования, поэтому последнее также должно быть зафиксировано; но, к сожалению, многие наши доксографы не утруждались добросовестным воспроизведением аутентичной логики автора.

Но не обидим ли мы наше исследование досократиков, если ограничимся реконструкцией лишь формулировок поставленных ими проблем, и не будем обращать внимания на предлагаемые доксографами разнообразные варианты их решения? – Нет. Дело в том, что прежде чем перейти к окончательной формулировке какой-либо проблемы, мы должны перебрать множество возможных формулировок. Это нужно сделать для того, чтобы отбросить такие формулировки, которые позволяют представить тривиальное решение. Т.о., мы должны осознать, что наша проблема действительно является *проблемой*, т.е. не имеет простого решения, а для этого мы должны найти и проанализировать возможные решения нашей проблемы, причём, в идеале, нам следует сделать это с максимально доступной полнотой, стараясь ничего не упустить – фактически, следуя "правилам метода" Декарта.

Конечно, сам по себе перебор логически возможных вариантов решений (многие из которых были реализованы философами последующих эпох) также не способен дать удовлетворительных результатов, поскольку к некоторым проблемам решение так или иначе придется подбирать произвольно, – тексты не содержат зачастую никаких указаний на решение. С другой стороны, решения, предложенные в последующие этапы развития, могут быть полезны для реконструкции предшествовавшего периода, поскольку могут содержать в себе указания (хотя бы в критических формах) на соответствующие решения. Это позволит если не представить направление развития досократической философии, то, во всяком случае, предложить правдоподобную трактовку собственного пути развития древнегреческой философии вне привязки к современным философским концепциям.

Мы утверждаем, что концептуальным ядром всей греческой философии являются проблемы, поставленные досократиками. Древнегреческие философы заложили фундамент дальнейших философских разысканий, сформулировав значительный (если не исчерпывающий) пласт возможных философских проблем, заложив тем самым базис для всякого дальнейшего теоретизирующего мышления. Все эти проблемы можно разделить на три блока: онтологический, гносеологический, аксиологический. Все три блока были представлены у досократиков; кроме того, из их текстов можно условно вычленить и блок социальных проблем. Последний блок проблем во многом базировался на подходах, предлагаемых досократиками для решения онтологических проблем<sup>2</sup>. Развитие философии, тогда, есть процесс построения концептуальных схем для преодоления тех апорий, с которыми столкнулись досократики. Разумеется, это ведёт к новым апориям и к увеличению числа проблем, но изначальное ядро сохраняется всегда и хотя бы подспудно присутствует в любых философских построениях.

Хорошей иллюстрацией этого утверждения служило бы представление хотя бы нескольких довольно правдоподобных вариантов решений проблем, для того, чтобы продемонстрировать единство древнегреческой философии и её отличие от того, что фило-

софией не является. Показать это можно через демонстрацию *связанности между собой* проблем, поднятых различными досократиками. Кроме того, процесс поиска связей между различными проблемами позволит прояснить их формулировку. Таким образом, мы считаем, что предлагаемая нами интерпретация "проблемного подхода" способна открыть новые возможности для исследования указанного периода.

Следуя вышеизложенным принципам, можно составить "реестр" наиболее важных проблем, поставленных досократиками. Критерием отбора соответствующих проблем служила бы их значимость для последующих греческих философов или их неизменное наличие в каждом из этапов древнегреческой философии. Далее следует продемонстрировать связность отобранных проблем (по крайней мере, в рамках каждого раздела – онтологического, гносеологического и аксиолого-этического), указать на трудности, к которым приводят их решения, что, в свою очередь, создаёт новые проблемы и т.д.: тем самым конституируется *рациональность и непрерывность историко-философского процесса*.

Проблемы, поставленные досократиками, имели разный вес в дискуссиях древнегреческих философов, принадлежащих к разным школам. И, тем не менее, наша характеристика их как "ядерных" вполне оправдана: каждая школа обсуждала хотя бы некоторые из этих проблем. Более того, мы можем прийти к следующему заключению: чем "философичнее" та или иная школа, тем большее число проблем, поставленных досократиками, в ней обсуждается. В наше время – время отказа от критериев, позволяющих отделить подлинную философию от иного – это наблюдение может позволить вернуться к рациональному осмыслению деятельности философов.

Поясним нашу мысль на примере школы киников и школы неоплатоников. Рассмотрим, какие из проблем полноценно обсуждались киниками. Онтологические проблемы киников не интересовали. Из гносеологических проблем их интересовала "проблема предикации". Как и Зенон Эллейский, Антисфен доказывал, что о единичном сущем можно сказать только то, что оно есть оно само (не "Сократ есть человек", но "Сократ есть Сократ"). Зенон с помощью подобного рассуждения пытался доказать единство сущего, а Антисфен – отсутствие платоновских идей, "общего", что было нужно ему для утверждения независимости человека от "общих законов" – законов полиса. Уровень теоретичности этого, пожалуй, единственного гносеологического рассуждения у киников заведомо ниже, чем уровень теоретичности эллеев.

Большинство сочинений киников посвящено этической тематике. Школа полагает в качестве "блага" автаркию, независимость от чего бы то ни было: других людей, законов, удовольствий. Во власти человека достичь высокой степени свободы; но обоснование такой цели остаётся у киников неясным.

Киники прекрасно осознавали низкий уровень своего теоретизирования. Об этом свидетельствует следующий афоризм: "Кто-то сказал ему [Диогену Синопскому]: "Ты неуч, а философствуешь". На это он ответил: "Даже подражать мудрости – уже философия"" (*Диог. Лаэрт.*, VI, 64). Т.о., Диоген сам называет себя лишь "подражающим" философии – возможно, некоторые наши современники вспомнили бы о "симулякре", на основании чего сочли бы Диогена достойным членом философского сообщества, равноправным и даже равнозначным с другими философами – например, с теми же досократиками. Мы же, на основании сравнения числа проблем, обсуждаемых досократиками и киниками, приходим к неутешительному выводу: учение киников, несомненно, является философским, но качество этих двух философских направлений заметно отличается.

Теперь перейдём к неоплатоникам. Уже по количеству и охвату проблем философии у одного только Плотина видно, что философия неоплатоников существенно отличается от кинической, но при этом продолжает разрабатывать проблематику досокра-

тиков. В первую очередь это касается онтологических проблем. Вопросы "Порождено ли сущее?" и "Каким образом порождается сущее?" – главные в платоновской онтологии. Плотин не отказывается от причинного объяснения наличия сущего, и говорит о том, что всё произошло из "начала" – Единого или Блага. Восходящая к досократикам проблема "единого-многого" получает у него следующую формулировку: разве может Единое произвести нечто множественное, само оставаясь абсолютно единым? Вероятно, Плотин пытается преодолеть это затруднение, рассматривая "исхождение" Ума вне времени и вне пространства (которые в системе Платона иллюзорны).

Первоначалю у Платона весьма специфично: оно тождественно самому акту существования, т.е. есть существование само по себе. Этот акт, или действие существования не может мыслиться как "действие некоторой сущности", ибо в Едином нет различия между сущностью, её существованием и вообще – действием. Однако наше рациональное, "научное" постижение чего-либо не даёт нам возможности мыслить *такое* сущее. Следовательно, как не-мыслимое, такое первоначалю является непознаваемым рациональными средствами. Здесь Плотин переходит к гносеологической проблематике, к обсуждению познания, отказывающегося от логики или мыслительных средств – к иррациональному, интуитивному, мистическому познанию невыразимого. При этом он не выходит за пределы преобладающего у досократиков рационализма полностью: несмотря на трудности мышления первоначала, остаются незыблемыми положения, которые можно раскрывать, уточнять и оспаривать. Эти положения – "начало есть источник для всего сущего"; "начало абсолютно едино"; "начало абсолютно свободно"; "начало есть абсолютно благое действие" и др. Провозгласив наши ощущения "неясными мыслями", Плотин заложил основу для объяснения различия между теми картинами мира, которые нам даёт наше мышление и наши чувства. Более того, каждому онтологическому уровню у Платона соответствует свой гносеологический подход, – и все эти подходы были очерчены досократиками.

Существенное место в философии неоплатоников занимает аксиологическая проблематика. Поставленные досократиками вопросы "что есть благо?", "что есть свобода" и "свободен ли человек?" получают у Платона продуманные и обстоятельные ответы. Благом Плотин признаёт действие, предоставляющее свободу – по аналогии с действием первоначала. Свободное действие в качестве своего "умного образца" имеет действие эйдоса мира Ума, т.е. действие *волевого мышления* (или *мыслящего воления*), в котором разумность сочетается с отсутствием "логического детерминизма". Действие человека в чувственном мире тем более свободно, чем менее оно зависит от иллюзорных "природы" (телесности и пр.), страстей, удовольствий и т.д. Человек, изначально (т.е. до "падения") обладавший *полной* свободой, несёт *полную* ответственность за те поступки, которые он совершает. Т.о., можно сказать, что Платину удаётся избежать опасностей детерминистической, "случайной" и фаталистической картины мира, многие из которых удалось распознать досократикам. Благодаря этому этика и аксиология у него получают достойное обоснование (хотя, конечно, и не свободное от вновь возникающих проблем).

Итак, мы видим, что школа неоплатоников выгодно отличается от школы киников как широкой охватом философских проблем, поставленных досократиками, так и глубиной их проработки. Здесь рассматриваются все наиболее общие и наиболее трудные проблемы, поставленные досократиками, что говорит о значительном вкладе рассматриваемой школы в развитие греческой философской традиции. Хорошо известно также, что неоплатоники существенно повлияли на арабскую, а также на христианскую философские традиции. Каждому историку философии *интуитивно* ясно, что школа неоплатоников несколько "философичнее" школы киников. В данном случае, используя проблемный подход и сопоставив проблемы какой-либо древнегреческой философской

школы с проблемами, поставленными досократиками, мы могли бы ответить, *почему* это так. А именно: неоплатоники, в отличие от киников, оказались близки к тому, чтобы полностью охватить проблематику досократиков и показали хорошее понимание трудностей, которые вызвали к жизни построения последних.

Не исключено, что такой резонанс и такое значение неоплатонизм приобретает в европейской философии (и не только в ней) в силу "полноты" проблематики, в отличие от философии киников: слово "кинизм", несмотря на то, что оно прижилось в истории, редко у кого ассоциируется с серьезными философскими проблемами и с философией вообще. Недостатки неоплатонических решений проблем, поставленных досократиками и "ядерные" проблемы, поставленные самим Платином, вызвали к жизни множество философских ходов и систем, что в какой-то мере подтверждает справедливость избранного нами критерия "философичности".

#### *Примечания*

<sup>1</sup> Kirk G.S., Raven J.E., Schofield M. The Presocratic Philosophers. – Cambridge: CUP, 1983. – P. 106–108.

<sup>2</sup> Горан В.П. Ионийская философия: опыт проблемного анализа // Вестник НГУ. Серия: Философия и Право – 2003. – Т. 1. Вып. 1. – С. 126.

### **КЛАССИФИКАЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ У ДОСОКРАТИКОВ КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОДХОДА К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ\***

**И. В. Берестов**

Институт философии и права СО РАН

Трудно предложить не вызывающую споров классификацию философских учений. Тем не менее, мы рискнём предложить собственную классификацию онтологических проблем, поставленных досократиками; данная классификация соответствует проблемному подходу, который был изложен в предыдущей статье. Мы не претендуем на полноту проблематики – некоторые проблемы могут быть упущены – или на точность формулировок. Наша задача – адекватно отразить принципы, заложенные в самом проблемном подходе к древнегреческой философии и очертить перспективы его дальнейшего применения.

В основу своей классификации мы положили три принципа:

1. Вторая и последующие проблемы в рассматриваемом нами здесь онтологическом блоке проблем возникают в результате попыток найти решение первой.

2. Проблемы, включаемые в классификацию, отбираются, исходя из их значимости для последующих греческих философов (фактически, исходя из их «вечности», их общефилософской значимости).

3. Мы попытаемся сформулировать онтологические проблемы, с которыми сталкивались досократики в виде таких апорий, в формулировке которых уже подразумевается два или более альтернативных ответа, но в результате их анализа оказывается, что ни один ответ не является удовлетворительным.

1. Порождено ли сущее? Проблемы, связанные с вопросом о происхождении сущего, в первую очередь, означают полемику с религиозной концепцией генетизма, а ответ «нет», можно сказать, означает отказ от причинного объяснения существования мира вообще. Вряд ли такое положение можно назвать удовлетворительным, если оно не сопровождается обоснованием невозможности причинного объяснения. С другой сто-

роны, такой ответ имеет преимущество: не нужно выстраивать довольно шаткую концепцию «родителя сущего», когда о нём ничего не известно.

Разберем утверждение о нерождённости сущего на примере концепции Анаксимандра и ее интерпретаций. Согласно одной из интерпретаций, Анаксимандр рассматривал сущее нерождённым, ибо согласно этой интерпретации *to<apeiron* «всё объемлет и всем правит» (А 15 ДК), но не порождает. *to<apeiron*, в таком случае, не обязательно рассматривать как «то, из чего выделяются противоположности»: противоположности могут «выделяться» в логическом смысле, "тем самым удаляя рождение" (А 17 ДК). Здесь мы видим весьма значимую концепцию существования: *существовать – значит противостоять своей противоположности* (или иному вообще – об этом мы будем говорить отдельно). Но легко понять, что Возгоранию противоположно затухание, дружбе – вражда, сгущению – разряжение, выделению – слияние и пр. Но что противоположно единичным сущим? Если, как кажется, ничто, то они не существуют. Но почему тогда они кажутся существующими? На эти вопросы мы не находим ответа у досократиков.

Подчеркнём, что «охватывать всё» и «управлять всем» не подразумевает «быть творцом, источником, чем-то необходимым для существования всего». Охватывать могут, например, пространство и/или время, которым Анаксимандр мог придать ещё и функцию управления. Итак, мы должны понимать, что «*hJair ch*» может пониматься как «начало» в различных смыслах, причём «*hJair ch*» не обязательно обладает всеми ими. Так, можно выделить генетический (то, что порождает мир), субстанциальный (то, из чего состоит мир) и условный (необходимое, но не достаточное условие для существования мира) смысл.

Далее, *to<apeiron* как «охватывающее» может интерпретироваться как некая «граница мира» (опять-таки, наделённая функциями управления): если сущее для того, чтобы существовать, должно быть ограниченным, то необходима граница, которая делает сущее ограниченным. Эта граница не может быть ограничена в том же смысле, что и ограничиваемое ею всё сущее, поэтому её можно назвать «беспредельным», *to<apeiron*. Трудность здесь следующая: если мы принимаем положение «сущее для того, чтобы существовать, должно быть ограниченным», то граница как «неограниченное» (или предел как «беспредельное») не существует, а значит, не существует и никакого сущего.

К указанной интерпретации примыкает интерпретация, согласно которой *to<apeiron* отождествляется с «ничто». Тогда в единственном сохранившемся фрагменте Анаксимандра (В 1) речь идёт о том, что всё рождается из ничто и гибнет, обращаясь в ничто. Здесь мы не видим провозглашения существования некоего первоначала, но лишь утверждение, что в мире существуют такие изменения, при которых сущность сущих не сохраняется. Можно заметить, что *ничто* здесь привлекается для оправдания изменения, подобно тому, как пустота у Демокрита привлекается для обоснования возможности движения. Однако в обоих случаях нельзя говорить о победе над аргументацией Парменида.

Ещё одна интерпретация полагает «охватывающий и управляющий» *to<apeiron* первичным по отношению к иному сущему, но не в онтологическом смысле, а в логическом: как скрытую сущность по отношению к явлению. Противоположности становятся познаваемыми после (логического или интеллектуального) отличия (*eḱkrisiv*) их от бесконечно разнообразного сущего (*to<apeiron*), но они не дают нам возможность корректно познать его, т.к. каждая из противоположностей составляет лишь одну грань «бесконечногранного» сущего. Такая интерпретация выводит, помимо прочего, на серьёзные гносеологические проблемы.

Возможна также интерпретация *to<sup>a</sup>apeiron* в качестве «объемлющего» как «бесконечного тела» (*swma apeiron*), содержащего в себе всё. В этом случае мир является бесконечным и управляется автономно. Тогда, если мы принимаем такую интерпретацию, то Анаксимандр, констатируя беспредельность мира, не попытался её хоть как-то обосновать. Он ограничился лишь указанием на возможность оперирования в философии термином «беспредельное», но оставил потомкам поиск доводов в пользу «беспредельности» мира. Таким образом, мы видим, что интерпретация учения Анаксимандра, утверждающая «нерождённость» сущего, ставит множество глубоких философских проблем; но речи не идёт о таком решении Анаксимандром какой-либо проблемы, которое могло бы удовлетворить последующих философов. Мы, к сожалению, очень плохо представляем себе, какова позиция Анаксимандра.

Далее, по Анаксимандру, именно рассмотрение первоначала как «беспредельного» помогает нам обосновать невозможность порождения «беспредельного» чем-либо, ведь не имеющее предела не имеет в том числе и начала, а не имеющее начала не порождено (А 15 ДК). Если мир не отличим от *to<sup>a</sup>apeiron*, то перед нами обоснование вечности мира. Сходно с этим и обоснование невозможности возникновения сущего у Демокрита. С его точки зрения, время безначально, а начало вечного искать не нужно (фр. 14 Лурье). Однако «в вечности нет никакой разницы между возможностью и существованием» (фр. 140 Лурье). Это положение можно считать применением «принципа исономии» («не следует отдавать предпочтение А перед В, если доводы в пользу А имеют одинаковую силу с доводами в пользу В») к решению вопроса о моменте возникновения мира. Мы не можем указать, почему именно в этот момент возможное стало действительным. Поэтому Вселенная Демокрита – представляющая из себя атомы и пустоту – существует вечно (фр. 15 Лурье). Такому обоснованию, при всех его достоинствах, можно, тем не менее, поставить в вину то, что оно напоминает попытку сделать вывод о мире, опираясь не на знание, а на незнание, из-за чего все возможности *кажутся* нам равновероятными.

Беспрецедентно аналитичная попытка обоснования невозможности причинного объяснения существования мира была предпринята Элейской школой. Для того, чтобы нечто было порождено, оно должно произойти от другого сущего. Если же под «нечто» понимается всё сущее, то оно может быть порождено лишь «не-сущим». Последнее противоречит провозглашённому Мелиссом положению: «Из ничего не может возникнуть ничего» (А 5 ДК). Названное положение, в свою очередь, обосновывается тем, что «то, что не существует» «нельзя ни высказать, ни помыслить» (Парменид, В 8 ДК). Т.к. «одно и то же – мышление и то, о чём мысль» (Парменид, В 8 ДК), то у Парменида, пожалуй, можно разглядеть попытку рассмотреть истинно сущее как «акт мышления», т.е. как нечто противоположное «чувственно-воспринимаемому». Этот подход логически строен, но в его рамках остаётся непонятным, почему всё-таки нам *кажется* существуящим такое *явление*, как чувственное восприятие. Наши ощущения свидетельствуют нам не только о множественности сущего, но и о наличии движения среди него – тогда как из несуществования не-сущего у Парменида следует единство сущего, его неподвижность и безначальность (В 8 ДК). Поэтому, если мы провозглашаем мнимость чувственных данных, мы всё-таки должны объяснить их происхождение. То, что мы не находим в сохранившихся фрагментах философов Элейской школы таких объяснений, приводит нас к следующей апории:

2. Существует ли движение (изменение) и множественность сущего? Парменид, Зенон, Мелисс отвечали на этот вопрос «нет», однако другие досократики не оставляли попыток «спасти» движение. Демокрит ввёл «атомы и пустоту», утверждая, что «пустота существует не менее, чем атомы» (фр. 7 Лурье). Однако, насколько нам известно, ему не удалось удовлетворительно объяснить их наличие: в логике Парменида разделе-

ние абсолютно единого сущего на атомы и пустоту недопустимо. Провозгласив, что атомы и пустота не рождены и существуют вечно, Демокрит предложил три способа объяснения движения, вероятно, так и не сочтя ни один из них удовлетворительным. Таким образом, поставленная проблема не была решена досократиками и осталась в наследство последующим поколениям философов.

И действительно, проблемы, поставленные элейцами, весьма способствовали работе философской мысли многих древнегреческих философов; из них наибольший вклад в переинтерпретацию положений Парменида внесли Платон и Плотин. Платон признал неподвижность (неизменность) истинного сущего – мира идей. Плотин, кроме того, признал выполнение «тождества мышления и бытия» для своего мира идей, или мира Ума. Также Плотин именует первоначало своей системы, подобно сущему Парменида, «единым» и «безначальным». Однако мир сущего (мир Ума) у Плотина остаётся множественным; Плотин пытается «спасти» множественность идей (что для него совершенно необходимо, т.к. их наличие является у Плотина условием возможности человеческого познания) через признание наличия нескольких «уровней» мышления, так что лишь «высшее» мышление («сверхмышление», принадлежащее Единому) является абсолютно совершенным. Далее, провозгласив наши ощущения «неясными мыслями», Плотин заложил основу для объяснения различия между теми картинами мира, которые нам даёт наше мышление и наши чувства. Плотин попытался объяснить наличие *явления* движения в чувственном мире через признание того, что время, «в котором» совершается движение, имеет лишь неподлинное существование, так как его нет в мире Ума, и появляется оно лишь в душах, пребывающих в чувственном мире. Мы видим, что мысль Плотина вращается вокруг подходов и аргументов, предложенных Парменидом.

Но если сущее всё-таки порождено, то можно задать вопрос:

3. Каким является «родитель» сущего: единым, множественным, ограниченным или беспредельным? Здесь возникает «проблема первоначала». Если первоначало одно и единое, то разве можно так мыслить исхождение из него множества сущих, чтобы его единство сохранялось? Фалес полагал, что «всё образуется из воды путём её затвердевания, а также испарения» (А 12 b). Неясно, однако, сохраняется ли что-либо неизменное в воде при всех этих изменениях, т.е. можно ли говорить, что всё не только *происходит* из воды, но и *состоит* из воды? Можно предположить, что Фалес описывает «круговорот воды», не настаивая на её «абсолютном единстве» и «неподвижности»: «Всё из воды... и в воду всё разлагается» (А 12 а). Таким образом, речь идёт о воде в различных состояниях, «формах». Тогда почему начинается процесс затвердевания, испарения и пр. «исходной» воды, по-видимому, абсолютно однородной, – ещё нет ничего, что могло бы сделать какую-либо её часть более тёплой, холодной и пр., чем другие? Есть и ещё один вопрос: если первоначало всего именуется «водой», то, очевидно, оно имеет нечто общее с водой, известной всем на опыте. Но тогда нет умоэри-тельных оснований для того, чтобы признать первоначало именно водой, а не чем-либо другим. Как обосновать, что вода действительно является первоначалом, т.е. что она сама не происходит от чего-либо?

Ответ у Фалеса обнаружить не удаётся; вероятно, попытался дать ответ Анаксимандр. Он пытается рассмотреть в качестве первоначала некое «беспредельное», которое не более похоже на какую-либо чувственно воспринимаемую вещь, чем на другую. В этом случае второй вопрос снимается. На вопрос же о причине начала процесса возникновения иного по отношению к первоначалу ответ имеется в А9 ДК: «Возникновение он объясняет не изменением первоначала, а выделением противоположностей». Здесь мы рассматриваем «выделение (εκκρίσις) противоположностей» как физический, а не логический процесс. Процесс же выделения противоположностей запус-



кается самой «природой» первоначала как «беспредельного» (to~~a~~peiron): начало ничем не ограничено (ape~~r~~anton), «чтобы никогда не иссякло наличное возникновение» (А 14 ДК). Также само слово «apeiron» помогает обосновать невозможность порождения «беспредельного» чем-либо (А 15 ДК). Складывается впечатление, что Анаксимандр предложил настолько логически изящное решение, что проблема первоначала «закрывается» раз и навсегда.

Однако при внимательном анализе выясняется, что это не так. Можно указать на следующее затруднение: если «противоположности наличествуют в одном и выделяются из него» (А9 ДК), то они выделяются в иное по отношению к «беспредельному»; а это значит, что «беспредельное» вовсе не беспредельно. Ответ Анаксимандра на это затруднение нам не известен; и ещё более неопределённым оказывается «выделение всего» из to~~a~~peiron, если толковать его как «бесконечное время». Имеется и другое затруднение. Если первоначало беспредельно, то оно ничем не ограничено; то, что ничем не ограничено, является неопределённым; то, что неопределено, не может быть сущим, т.к. сущее, во-первых, определено хотя в том отношении, что оно существует и, во-вторых, сущее не может быть тождественным чему-либо иному по отношению к нему (условие мыслимости сущего), т.е. сущее должно быть достаточно определённым, чтобы отличаться от иного; тогда, to~~a~~peiron не существует или есть не-сущее. А значит, to~~a~~peiron не может мыслиться и не может быть началом чего-либо, если внять доводам Эллейской школы. Итак, мы можем констатировать, что Анаксимандр справедливо указал на недостатки в понимании первоначала как «конечного», но понимание его собственной концепции «беспредельного» ставит проблему соотношения «беспредельного» и «иного» (которую впоследствии пытались решить Платон, Плотин и многие другие), но, насколько можно судить, не предлагает её исчерпывающего решения.

И в том случае, если мы признаём порождённость сущего неким «началом сущего», и в том случае, если мы не признаём порождённость сущего, утверждая, что оно существует вечно, можно задать следующий вопрос:

4. Являются ли все события в мире случайными или необходимыми или управляет их разумным Промыслом (Логосом, Умом, Богом etc.)? Этот вопрос, по существу, является одной стороной более общего вопроса «Каково сущее?»; другой стороной этого вопроса является вопрос «порождено ли сущее»? Мы уже представили выше проблемы, связанные с возникновением сущего. Теперь речь идёт о «состоянии дел» в существующем мире. Для эллейской школы вопросов о причине событий в мире не возникает, т.к. нет самих событий: о сущем можно сказать лишь то, что оно существует. Но эта радикальная разновидность «логического детерминизма» не объясняет наличия *иллюзии* событий.

Принципиально другой подход мы видим у Демокрита. С его точки зрения, все изменения в космосе обусловлены движениями атомов. Нет никакого разумного Промысла, управляющего процессами в мире, но все вещи в мире образовались «сами собой», «самопроизвольно» (au~~to~~-ma~~ti~~n – фр. 592 Лурье). Всё, что происходит, происходит по естественным причинам; тем самым создаются предпосылки для отрицания какого-либо фатализма. Если всё в мире детерминировано, то невозможно говорить о человеческой свободе, а значит, любые моральные нормы становятся бессмысленными. Кроме того, следует обосновать, почему то, что *кажется* нам свободным выбором, не является таковым. Преимущество же детерминизма заключается в том, что он обосновывает возможность познания мира. Фатализм неудобен прежде всего тем, что он вводит некое управляющее начало мира – правящее разумно или нет, – обосновать существование которого, исходя из существования мира и того, что в нём происходит, невозможно: всё происходящее может объясняться лишь с помощью «естественных при-

чин» (и, возможно, «свободной воли» человека), т.о., подобное «управляющее начало» оказывается «лишней сущностью». Однако если мы настаиваем на случайности или происхождения мира или изменений в мире, то, соответственно, либо происхождение, либо изменения в мире становятся непознаваемыми. Если же все события в мире детерминированы, то невозможна человеческая свобода; следовательно, мы должны отказаться от этических учений, основывающиеся на её признании. Названные трудности обеспечили дискуссиям по обозначенным проблемам долгую жизнь в истории философии.

С точки зрения Ксенофана, существует Разум, управляющий всем космосом. Также и Анаксагор признаёт существование некоего Ума, управляющего всем. Признание существования осуществляющего Промысел Ума, с одной стороны, утверждает разумность мира, а значит, и его познаваемость. Далее, в этом случае отпадает трудноразрешимая проблема: почему происходит «выделение» сущих из состояния изначальной полной смешанности (опять принцип исономии: не одно состояние не более предпочтительно, чем другое). У Анаксагора это делает абсолютно чистый и ни с чем не смешанный Ум, следуя рациональному плану, пусть даже он нам и непонятен. Ср. В 12: «Все [сущие] содержат в себе долю всего, Ум же есть нечто неограниченное и самовластное и не смешан ни с чем, но – единственный – сам по себе. [...] Ибо] примешанные [сущие] мешали бы ему, [не давая] править ни одной вещью так, как [он правит] сам по себе». Но, с другой стороны, Анаксагор не отвечает на вопрос: «почему существует Ум и первоначальная смесь»? И «почему бы не существовать абсолютно гомогенной смеси без всякого Ума, ведь допущение существования Ума, кажется, не соответствует принципу исономии»? Далее, Анаксагору можно задать и такой вопрос: зачем привлекать некое разумное начало, управляющее космосом, если все процессы можно объяснить естественными причинами? Если же сущее порождено, то к названным вопросам добавляется ещё один: совпадает ли «порождающее начало» мира с «управляющим началом» (если они вообще существуют)?

Таким образом, хорошо видно, что именно из постановки проблем досократиками следует набор их возможных решений – как самими досократиками, так и последующими философами. При этом, даже если мы можем отметить, что в сущности, кем-либо и был дан ответ, какой-нибудь из последующих философов признавал его неудовлетворительным и поиск ответов возобновлялся, что разумеется, порождало новые проблемы. Т.о., именно проблемы, поставленные досократиками обеспечили единство древнегреческого историко-философского процесса, поддерживая постоянный поиск решений этих проблем.

\*Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 04-03-00537<sup>a</sup>.

## **ГНОСЕОЛОГИЯ ЯВНОГО И НЕЯВНОГО У ГЕРАКЛИТА**

**М. Н. Вольф**

Институт философии и права СО РАН

Гносеологический блок в древнегреческой философии строится по преимуществу вокруг способа познания вещей и явлений физического мира (явное) и того, что стоит за этими вещами (неявное). Что касается познания явного, то есть природного мира, доступного в ощущениях, то для его познания используются органы чувств. Что касается постижения неявного, то необходимо определиться с тем, что есть это неявное. Можно выделить два способа понимания неявного: то, что "за вещами" и явлениями чувственного мира и доступно только мышлению (логическим процедурам), и то, что

невозможно определить с помощью рациональных критериев, а только посредством интуитивного, иррационального или мистического познания.

В качестве отдельного примера рассмотрим, как представлена гносеологическая проблематика у Гераклита. Среди ранних греческих философов Гераклит, видимо, был не первый, кто обратился к этому вопросу, но именно в случае с ним мы имеем достаточное количество фрагментов, чтобы реконструировать его взгляды.

Итак, Гераклитом проблема познания мира была сформулирована как проблема познания явного и неявного или в терминах,  $\tau\omicron\epsilon\iota\nu\alpha\nu\epsilon\kappa$   $\tau\omicron\alpha\iota\nu\alpha\nu\epsilon\kappa$  и задана через противоположности. В явном виде это положение в тексте (фрагментах) самого Гераклита не упоминается, но легко реконструируется из них, что указывает на осознание существования этой проблемы и настойчивый поиск решений. Существует два возможных варианта перевода этих терминов и они собственно и будут указывать на вероятные направления в подборе решений относительно определения способа познания у Гераклита.

(а) Проблема познания как познание "зримого-незримого". Такой перевод  $\tau\omicron\epsilon\iota\nu\alpha\nu\epsilon\kappa$   $\tau\omicron\alpha\iota\nu\alpha\nu\epsilon\kappa$  пожалуй, не будет являться буквальным, но он соответствует ряду чувственных ощущений, обозначенному Гераклитом: фр. 5 Mch (55 ДК): "О том же, что [Всеобщий отец] зрим и не сокрыт для людей, он говорит так: "Что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю", т.е. зримое не зримо"; там же: "Гераклит явные вещи ценит в равной мере с неявными, исходя из того, что явное и неявное образуют единство" ( $\omicron\phi\omicron\nu\omicron\iota\nu\alpha\kappa\omicron\eta\varsigma\mu\alpha\theta\eta\varsigma\iota\nu$ ,  $\tau\alpha\upsilon\tau\alpha\epsilon\gamma\omega\varphi\omicron\tau\iota\mu\omega$ )<sup>1</sup>. Т.е. это то, что можно увидеть глазами или воспринять с помощью иных органов чувств и то, что им не дано. Marcovich, Nestle и Kirk-Raven переводят  $\mu\alpha\theta\eta\varsigma\iota\nu$  именно в этом ключе как "perception" или "apprehension", т.е. чей-то личный опыт или переживание, что должно указывать скорее на полноту, весь спектр чувственных восприятий. С точки зрения эмпиризма (или позитивизма) именно такая интерпретация выглядела бы убедительной и предпочтительной. При такой трактовке возникает затруднение. Ответ на вопрос, как познавать зримое, очевиден, но неясно, каковы способы познания незримого, того, что скрыто и недоступного органам чувств. Более убедительно раскрывает это положение второй вариант.

(б) Проблема познания как познание "явного-неявного". Буквально слово  $\mu\alpha\theta\eta\varsigma\iota\nu$  означает узнавание (знание), и такой смысл сразу переводит нас из области чувственного восприятия в область рационального осмысления действительности. Тогда  $\mu\alpha\theta\eta\varsigma\iota\nu$  указывает на рационалистические критерии в обработке чувственных данных, способ формирования или получения знания и добавляет тем самым еще один способ познания. Тогда фр. 5 Mch мы можем интерпретировать следующим образом: "Что можно воспринимать чувствами и разумом, то я предпочитаю". Видно, что Гераклит в таком случае специально указывает, что именно он предпочитает из имеющегося набора вариантов, и очевидно, должно быть то, от чего Гераклит отказывается. Этим может быть только религиозный опыт мистического откровения, или непосредственного (интуитивного) схватывания, т.е. любой способ иррационального познания, который и представляется неприемлемым для Гераклита.

Таким образом, Гераклитом попутно ставится и проблема рационального и иррационального познания. Когда мы рассуждаем только о явном или феноменах, т.е. природном, физическом мире – то способ его познания очевиден, и можно предположить, каково было бы решение Гераклита, если бы речь шла только об этом. Но трудность возникает сразу же, как только мы от природных объектов переходим к внеприродным сущностям или к тому, что позднее станут именовать Богом, Единым и проч. Как возможно такое познание? Философ должен указать соответствующий способ познания. Но, как кажется, такой вопрос может возникнуть только тогда, когда уже четко сфор-

мировано представление о Боге, о различии между сущностью и существованием и заданы критерии ограничения рационального познания. Именно поэтому, на наш взгляд, когда рационализм только начинает свое становление, а старая мифо-религиозная парадигма находит достаточно жесткую критику со стороны ионийских философов, в том числе и Гераклита, трудно предположить, что он мог быть склонен к мистицизму.

Итак, Гераклитом задана своего рода иерархия восприятий и, что вполне возможно, познания вообще. Он утверждает, что "глаза – более точные свидетели, чем уши" (6 Mch), и вероятно, для доказательства этого положения приводит пример с детьми, которые обманули слепого Гомера. Но далее мы видим, что "глаза и уши – дурные свидетели для людей, если души у них варварские" (13 Mch), и Секст Эмпирик, цитируя этот фрагмент, дает весьма меткий комментарий, что варварские души тяготеют к иррациональному познанию. Тогда понятен и ответ на резонный вопрос: как возможно познание Логоса? Логос, согласно Гераклиту, можно слышать, но не всем дано понимать услышанное. Каким же образом можно приблизиться к его пониманию? Для познания Логоса недостаточно одних только чувственных восприятий (их ограничивает еще и то, что "Природа любит прятаться" (*φύσις δε καὶ ἡρακλείτων κρυπτεσθαι φιλεῖ*) (8 Mch) – речь, видимо, идет о неявном как недоступном зрению) и Логос тем самым относится к той природе неявного, которая доступна для познания с помощью разума. Но как следует из выше сказанного, для постижения Логоса нужен полный набор восприятий, включая *μαῦθσι* и, прежде чем познавать это *Нечто*, нужно его для начала услышать.

Есть еще два фрагмента, где Гераклит рассуждает о соотношении слышимого и понимаемого применительно к познанию неявного. 1 Mch: *tou-de<logou tou-d' ἥντων ἀν<αἰνετοὶ γινόνται ἀήρῳποι καὶ πρῶθεν ἡἰκούσαι καὶ ἀκούσαντες το<πρῶτον*, – "Эту-вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать (ее), и выслушав однажды"; 2 Mch: *αἰνετοὶ ἀκούσαντες κωφοῖσιν ἐπύκασι*, – "Те, кто слышали, но не поняли..." ). Здесь мы должны обратить внимание на то, что человеческое непонимание Гераклит выражает с помощью слова *αἰνετοὶ* (*το< xuneton*) передает смысл знания, пронизательности и в какой-то мере мудрости) – т.е. еще один способ познания, более "совершенный", чем *μαῦθσι* – не просто получение знания, а его осмысление, понимание. Что же необходимо делать людям, для того, чтобы все-таки научиться *понимать*? И здесь представляет интерес еще один вариант или способ приближения к постижению Логоса, выраженный формулой "познай самого себя". Именно в ней заключен основной принцип самопознания, или путь, не пройдя который, нельзя прийти к пониманию Логоса. На наш взгляд, сам принцип самопознания выражен Гераклитом в слове *φρονήσις* (рассудительность, восприятие, понимание, мысль, и еще ряд значений, которые несут некоторую эмоциональную нагрузку).

15 Mch: *ἐπὶ ζῆσάμην ἐμνωτόν* – "Я искал самого себя".

23 Mch: *tou-logou d' ἥντων xunou-zwousin oiJwJ ἰδιᾶν ἐφόντων φρονήσιν* – "Хотя разум (логос) – общ, большинство [людей] живет так, как если бы у них был особенный рассудок".

23 d<sup>1</sup> Mch: *xunon estī pasi to<fronein* – "Здравый рассудок – у всех общий".

23 e Mch: *ἀήρῳποισι pasi μετ᾽εστί γινώσκειν εἰδούτω καὶ σῶφρονειν* – "Всем людям дано познавать себя и быть целомудренными<sup>2</sup>".

23 f Mch: *σῶφρονειν ἀρεθ<megisth, καὶ σοφίᾳ ἀλῆγειν καὶ ποιεῖν κατα<φύσιν ἐπαῖντα* – "Целомудрие – величайшая добродетель, мудрость же в том, чтобы говорить истину и действовать согласно природе, осозная".

Итак, Гераклит начинает с того, что он искал самого себя. Именно эти поиски, судя по всему, привели его к выводу, что рассудок у всех людей общий, что позволяет всем познавать себя и быть *swfronein*. При этом Гераклит специально оговаривает тот момент, что *frōphsiv* – это только добродетель, Логос же познается с помощью мудрости. Наделенность рассудком – это важный элемент, делающий человека человеком, и позволяющий ему мыслить. Но чтобы стать мудрым, нужно пройти все составные этапы пути познания, заключенные в следующем. Мы выделили пять ступеней познания в гносеологии Гераклита: *oñon oliv akoh* > чувственные восприятия; *mañesiv* – получение знания на основании чувственных восприятий; *to-xunetora* – осмысление предыдущего этапа; *frōphsiv* – инструмент самопознания; только пройдя все эти четыре этапа, овладев всеми способами познания в совокупности, человек приобретает способность приблизиться к мудрости (*sofiā*), т.е. понимать услышанный Логос. Из ряда фрагментов следует, что логос для Гераклита в какой-то мере отождествим с Природой (напр., 8 Mch, 23 f Mch). Тогда Логос действительно является неявным, но доступным разумному постижению, для чего не требуется прибегать к мистической практике, а путь познания Логоса представляется сугубо рационалистическим. Другими словами, фрагменты донесли до нас метод познания неявного, что должно указывать на то, что сам Гераклит пришел к этому выводу отнюдь не через откровение, но непосредственно пройдя сам все этапы (на что указывает и отсылка на себя, на свой собственный авторитет).

Имеется ряд фрагментов, которые наводят на мысль о мистическом познании (3 Mch, 12 Mch, 11 Mch и др.). На наш взгляд, Гераклит, вероятнее всего, разрешил проблему познания явного и неявного рационально, а содержание этих фрагментов скорее указывает на то, что люди так не освоили предложенный им метод.

Итак, исходя из сказанного, представляется затруднительным полагать Логос источником непосредственного знания, отрывающегося "посвященному". Источником знания являются все перечисленные Гераклитом ступени познания, последняя из которых (слышание и понимание Логоса) доступна мудрому и не означает мистического откровения, несмотря на настойчивый профетический тон Гераклита, который, скорее всего, служит мировоззренческой ширмой для толпы с варварскими душами, тяготеющими к иррационализму.

### Примечания

<sup>1</sup> Русский текст фрагментов Гераклита цитируется по изданию "Фрагменты ранних греческих философов". – пер. А.В. Лебедева. – М., 1989. Греческий текст цитируется по изданию *Marcovich M.* "Heraclitus. Greek text with a short commentary" –. Venezuela, 1967.

<sup>2</sup> Marcovich трактует *frōphsiv* как "религиозно-этические нормы или мудрость", ссылаясь также на еще один вариант интерпретации (*Aliter Kirk* 61 f): "это одновременно и идея актуального восприятия и то, что способствует делать правильные выводы на основании этого восприятия" (*Marcovich M.* Heraclitus..., p. 96).

## АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

О. Б. Ионайтис

Уральский государственный университет

Димитрий Ростовский (1651 – 1709) один из интереснейших русских мыслителей, писателей и проповедников XVII столетия. Окончил он Киево-Могилянскую академию, обучение в которой оказало значительное влияние на формирование его мировоззре-

ния. Принял сан и за свои заслуги был назначен митрополитом Ростовским и Ярославским. Дмитрий Ростовский автор таких произведений как «Руно орошенное», «Алфавит духовный», ряда Посланий и Поучений. В Киево-Печерской лавре занимался составлением Четий Миней, прославивших его имя. Занимался переводами как с греческого так и с латинского, что нашло отражение в его собственных сочинениях.

Наибольшее влияние на учение Дмитрия Ростовского оказали традиции мистицизма и патристики, в результате изучения которых он пришел к выводу, что в познании божественного смысл и предназначение жизни человека. Познание важно и тем, что только в нем человек осознает себя и окружающий мир. В «Алфавите духовном» Дмитрий Ростовский пишет о том, что вера и познание едины, т. е. только через познание творения Бога – тварного мира – человек может прийти к истинной вере. Таким образом уничтожается грань между познанием и верой и утверждается, что познание и есть вера, вследствие чего исчезает потребность «связи», «соединения» познания, науки и веры. Достичь подобного единства можно на пути самом трудном и легком одновременно – на пути конкретного познания «дольнего» мира, что является своеобразным восхождением к миру «горнему». Оба мира связаны друг с другом: «Обаче никтоже может познати Бога, донель не познает первее себе, не познает же совершенне себе, донель не придет первее в познание твари, и всех вещей в мире зримых, и разумеваемых рассмотрение. Егда же прииде в познание сих, тогда возможен приити и в познание себе, таже и Бога, и тако приходит в совершенное с Богом любовию соединение» (Сочинения святого Дмитрия, митрополита Ростовского. Ч. 1. М., 1857. С. 284). И добавляет: «Темже, аще истинно хочет познати Господа, познати себе, и с ним любовию соединитися, да познает первее всю тварь, видимую и разумеваемую, да суевсть всех вещей, и все твари рассмотрение, от кого, и чесо ради сея суть, во еже ни единой вещи сутаенней и недоумей быти от него, таже себе, и все еже о себе таинство, таже Бога, и вся Его неизреченная благодаяния, и тако приходит в совершенное всего познание. Ибо подобает дольняя вся разумети, таже горняя, не бо от горних на нижняя восходити должны есмы, но от дольних на вышняя. Того бо ради всю тварь, и все мирское оустроение. Якоже некое оучилище, или зеркало, пред очи наши Бог положи, яко да оучащеся, от дольних восходим на вышняя. Аще же дольних не познавае, то како горняя разумети имамы?» (Там же). Идея допустимости подобного познания следует из учения об иерархии Дионисия Ареопагита, который утверждал влияние всех высших ступеней системы на низшие, и был неоспоримым авторитетом для Дмитрия Ростовского.

Дмитрий Ростовский указывает, что знание, развиваясь, как бы «разворачивает» себя в веру. Мы имеем пример качественной трансформации исследовательского процесса. Общая логика такова: исследователь приходит в результате своей деятельности к утверждению Творца, к стремлению познать Его, а это, в свою очередь, ведет к переходу знания в веру. Дмитрий Ростовский разделяет «оучение человеческое» и «Божественное оучение». Тот, кто останавливается на первом виде познания и не идет далее, тот «безумен и во всем слеп есть, и сетей злокозненного не оубежит» (Там же. С. 289). В этом случае человеческое знание замыкается на самом себе. Характерная особенность такого знания – пассивность и неспособность к развитию и совершенствованию. Истинное знание – то, которое выходит за свои пределы, прорывает замкнутость человеческого бытия и переводит познающего на качественно новый уровень. Истинное познание ставит под вопрос самое себя, преодолевает собственную ограниченность. Человек выступает как активный субъект: «Бог естествонно оум комуждо даде, внешняго же оучения разум от человек прибьсть» (Там же. С. 303).

Бог создал человека разумным изначально. Но человек часто руководствуется не умом, а представлениями, схемами и т. п., да и то не всегда проверенными. Эти пред-

ставления были когда-то выработаны умом, но позже приобрели самостоятельное значение и уже не ум человека господствовал над ними, а идеи как бы «взяли верх» и стали диктовать условия деятельности тому, что их породило, – естественному разуму человека. Именно этот диктат Дмитрий Ростовский именовал «внешнее оучение». Оно означает уход «во вне», отчуждение от ума его собственных продуктов – идей, понятий, логических схем. Дмитрий Ростовский пишет, что люди «от Аристотеля, Цицерона, Платона и прочих языческих любомудрцев разума оучатся. Сего ради до конца ослепоща лжею, и прельстишася от пути правого в разуме. Святые заповедей Христовых, и оумнаго делания оучишися, сии же точию словес изглаголений оучатся: внутри души мрак и тма, на языке же вся их премудрость» (Там же. Ч. 2. С. 301). Поэтому разум человека нуждается в постоянном очищении и совершенствовании.

Разрыв с «естественным разумом» происходит из-за сосредоточенности исследователя на собственной субъективности, доведенной до предела. Логика подобного процесса такова: абсолютизация индивидуальности исследователя ведет к абсолютизации идей определенного ученого, которая развивает стремление придать его теории абсолютное значение, а это и есть создание «оучения человеческое» или «оучение внешнее». Отрицание Дмитрием Ростовским «внешнего» знания вовсе не означает отрицания познания вообще. В данном случае речь идет о познании по «естественному» разуму, данному человеку Богом. Единство человека и «естественного» разума ведет к единству человека и оружающего мироздания, а затем к «умному деланию». «Умное делание» – способ познания мира, который в максимальной степени является истинным. Дмитрий Ростовский так характеризует понятие «умного делания»: «Делание оумное, имже имамы приблизитися, и совершенно присоединитися Господови, сие есть: еже познати первее всю тварь видимую и разумеваемую, от кого, и чесо ради сотворена бысть, и камо движима, и обращаема есть, и оуверитися о сем истинно, таже себе, и все еже о себе таинство, таже и вся его благодаяния. Ово, глаголю, разум прав, и истинен есть, познати вся сия подробну, во еже ни единой вещи от него оутаенней, и недоумней быти, и оуглубити сие ивсебе долгим времени, во еже быти ему с сим, яко единосроslену, и во едино соединену. Не доспевый же в сия, и дерзай высокая о себе мудрствовать, и благословити, аще и всю мудрость мира сего извыче, безумен и во всем слеп есть, и сетей злокозненнаго не оубежит» (Там же. Ч. 1. С. 289). В приведенном высказывании Дмитрия Ростовского явно звучит призыв к познанию творения Создателя, через которое человек сможет приблизиться к Самому Творцу.

В сочинении «Дорогие жемчужины» Дмитрий Ростовский пишет, что перед каждым человеком открыта богатая духовная сокровищница мира сего, задачи его с помощью мудрости и рассуждений найти в ней истинные жемчужины. Эти жемчужины: святая вера, кротость и смирение, чистота душевная, премудрость, совесть незамутненная, справедливость, любовь. Но самая значимая жемчужина – душа человеческая, весь мир не стоит ее, ибо как сказано в Священном Писании «Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит (Мф. 16, 26)?» Поэтому то, заключает Дмитрий Ростовский, познание имеет большое значение, так как познание (Священного Писания, мира, себя самого) и является одним из самых важных средств для совершенствования души человеческой – совершенствования ведущего к счастью, гармонии с Богом, миром и самим собой.

## ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ФИЛОСОФИИ А. М. ПЯТИГОРСКОГО

М. Ю. Немцев

Институт философии и права СО РАН

«Философия не может иметь своего специфического объекта, поскольку ее единственный, *не-специфический* объект-мышление самого философствующего, а то, о *чем* философствующий мыслит, когда он мыслит – вторично, случайно и временно»

А. М. Пятигорский, 1992 (3, с. .264)

Александр Моисеевич Пятигорский (род. 1929 г.) – современный русский философ. В 1960-х годах получил известность как один из ведущих буддологов и яркий представитель Тартуско-Московской семиотической школы ( он был одним из ведущих собеседников Ю. Лотмана и В. Топорова). С 1974 г. живет и работает в Лондоне, активно участвуя в жизни русскоязычного глобального гуманитарного сообщества.

В философских дискуссиях 1960-х гг. Пятигорский выступал с позиции специалиста по буддийской философии и теоретика семиотики. С начала 1970-х годов он начинает вместе с Мамардашвили работать над теорией сознания; главным результатом этой работы стала совместная монография «Символ и сознание» (1982). К концу 1970-х он обращается к тому, что назовет позже «литературной философией», и работает на радио, обсуждая актуальные проблемы современного культурного процесса. Пишет прозу; в 2000 году удостоен литературной премии имени А. Белого. Основными темами его исследований остаются философия буддизма, и теоретическое описание культурных процессов. В настоящее время Пятигорский активно участвует в различных гуманитарных проектах в России (в частности, в исследованиях Центра Стратегических Исследований Приволжского Федерального Округа), являя собой любопытный тип европейского гуманитария –универсала.

Упоминания о сущности философии и философствовании как особом занятии наиболее развернуто представлены в романе «Философия одного переулка», и имеются во многих устных и письменных выступлениях Пятигорского. Это можно считать характерной особенностью его произведений: Пятигорский вводит в них позицию философа (указывая, что тексты написаны философом и что это означает), обговаривая тему и проблемы своих работ; и далее (герменевтический принцип) - *о философии говорит все, о чем говорит философ*. Это дает возможность реконструировать «концепцию философии», как ее понимает и выражает своей работой философ А. М. Пятигорский. Для реконструкции используются различные высказывания, извлеченные из различных текстов Пятигорского. По-видимому, в его случае не наблюдается эволюция представлений о том, что такое философия, с возрастом, изменением социального статуса и т.п.; меняется только контингентная предметная область приложения. Поэтому его тексты (собранные, например, в (3)) можно воспринимать как один длинный текст, где по-разному говорится об одном и том же.

1. «Философия не имеет специфического объекта». Ее предмет есть сознание. Иной философии не бывает; точнее, предметная философия не есть философия (но - наука, лингвистика, теология и т.п.). Ничего реального ( в этимологическом значении этого слова), кроме сознания, для философа Пятигорского нет<sup>1</sup>. Так, буддизм он интерпретирует как учение о состояниях сознания, которые онтологичны (2, с. 73). При этом буддизм обращен к текстам как единицам философского размышления (его элементарным предметам), в то время как европейская философия обращена на идеи (5, с. 314). Однако для философии сознания и текст, и идея представляются однопорядковыми элементами сознания –чем-то, что может быть обнаружено в сознании.

2. Сознание принимает различные *состояния*. Эти состояния можно «отслеживать» (обсервировать) и соотносить по критерию отслеженности (осознанности)<sup>2</sup>. «Низшее», стихийное, естественное состояние, свойственное любому человеку как человеку (пожалуй, кроме тех, чье сознание репрессировано *страданием*), есть «жизнь». Жизнь – «все, что имеет место»<sup>3</sup>. Это нижний и первичный уровень сознания, не имеющий не-



посредственного отношения к философии. Где есть (только) жизнь, там философии нет; живой не философствует.

3. Жизнь – это естественное первичное условие философствования. Любой ее компонент может стать предметом философского внимания – материалом для философии, войти в сознание. Также существуют общественные (в широком смысле слова) условия, обобщенно называемые Пятигорским «культурой». Культура – это любое всеобщее; это такие формы и содержания сознания, которые отделены от индивидуального сознания, породившего их в конкретном месте-времени на собственном материале, и которые поэтому имеют принудительную, нормативную силу по отношению к сознанию *другого*. Эти культурные артефакты могут не иметь отношения уже ни к какому индивидуальному сознанию, превратившись, например, в «культурные клише» (4, с.300). Осознание себя соответственно этим культурным формам –самоосознание, необходимое культурное действие, но *еще не философия*<sup>4</sup>. Пятигорский считает, что эта ориентация на то, чтобы мыслить себя как культурно-обусловленного и культурно-обязанного (и, шире –противостоящего среде либо как-то обусловленного средой) индивида негативно влияла на развитие философии в России, поскольку преодолеть уровень самосознания русским философам удавалось только в единичных случаях (например, Розанову, но не Бердяеву).

Социальность, т. е. «культуренность» проявляется не только в том, что мышление уже предзадано, т. е. уже определены его исходные предпосылки, нормы и вероятные результаты, но и в том, что предзадано и вынужденно само появление этой мысли. В ситуации т. н. тоталитаризма (высшей формы социальности) индивид обязан мыслить, и при этом – мыслить именно определенным образом. Поскольку же философия есть свобода, то возникновение такой мысли необязательно и даже в жизненном (экзистенциальном) отношении избыточно. Социальность стимулирует самоосознание, но подавляет философствование.

4. Философия – акультурна, несоциальна, внежизненна. Философия возможна, поскольку существует мышление (Пятигорский сочувственно цитирует слова Куайна о том, что объектом лингвистической философии является язык, а ее методом – философия (3, с.54). Можно ли, по аналогии, считать, что методом философии сознания является мышление?) Мышление принципиально не может быть «культурным», поскольку оно осуществляется только в индивидуальном сознании на представленных в нем предметах (фактах). Если современники, представители «московского круга» Пятигорского обсуждали мышление как надындивидуальный процесс, социально-обусловленный и захватывающий отдельного индивида как материал (2) (особенно ярко это выражено в концепции «коллективной мышледеятельности» Г.П. Щедровицкого), то для Пятигорского мышление замкнуто внутри индивидуального сознания. Мышление – это активное (о)сознание. Философствующее сознание есть «мышление о мышлении об определенном объекте» (3, с.207). И поэтому *любая философия* как таковая, коль скоро она имеет дело с мышлением, *есть философия сознания*.

5. Философствование обусловлено только самим существованием сознания. «Философ... обращен на свое мышление не эпистемологически, а сущностно. Т. е. он мыслит о мышлении вне субъект-объектных и содержательно-формальных различий [которые являются всегда культурно-обусловлены –М. Н.]. Он движется внутри смыслов своего мышления. Он пробует и ошибается... мыслит о вещах как о самих себе, даже если эти вещи формально принадлежат культуре» (3, с. 131). И любые другие (обычно считающимися философскими) предметы могут интересовать философа лишь как «объективированные факты сознания».

6. Философ не может иметь какую-либо социальную, культурную или политическую позицию или функцию. В этом Пятигорский принципиально расходится с Ма-

мардашвили, который, также полагая философию сугубо индивидуальным актом мышления о мышлении, считал философа включенным в общественные процессы (отсюда интерес Мамардашвили к проблемам интеллигенции, активная социальная позиция в период Перестройки и т.п.). Для Мамардашвили философствование есть призвание, вынуждающее к тяжелому труду осознания с необходимым участием в культурной коммуникации. Для Пятигорского такого явления, как философское призвание, нет. И вообще нет такого дела, которое можно было бы считать «философским» (6). Этим он отличается также от философа сознания Гуссерля, создававшего философию как метод общественно значимого исследования реальности. По Пятигорскому, философ занят только самим собой; смысл и цель этого занятия - устройство «трансцендентального единства философа и его философии» (3, с. 304). Философ живет философски. Философия позволяет овладеть техникой отстранения, т.е. промысливания любых жизненных и культурных условий (организованностей) *в качестве* фактов сознания с последующим их отстранением - решительным отставлением в сторону<sup>5</sup>. Вопрос о «реальности» того, что осмыслено как факт сознания, вообще невозможно поставить.

7. Беспредметная философия Пятигорского может развертываться на любом материале, взятом из «жизни» или из «культуры». Таковыми были для него (в семиотический период) мифология, буддийские тексты, современные литературные тексты, в последнее время (в связи с сотрудничеством с Центром Стратегических Исследований Приволжского Федерального округа) – социально-культурные организованности. Свой метод он характеризует как *феноменологический*, что вполне естественно; «феноменологична» и его версия семиотики, где знак рассматривается как нечто порождаемое семиотической ситуацией, т.е. как продукт семиотической настройки наблюдающего знака сознания, вне которого знака нет. Литература может быть подходящим предметом для философствования, поскольку тексты количественно практически бесконечны, но – дискретны и конституированы в качестве отдельных вещей (4), чем представляют определенные удобства для наблюдателя.

8. Представление Пятигорского о философии можно было бы полагать совершенно метафилософским. Он сам часто вводит представление о метазнании как знании о каком-либо факте и/или процессе сознания (при том, что «знание» тоже является таким фактом). Нечто - сознается; и «позиция философа в отношении любого объекта (включая его самого) определяется его отношением к *сознанию объекта*» (3, с. 207). Метазнание – это знание а) об условиях и б) мере необходимости существования/появления какого-либо знания. Метауровнем знания, по Пятигорскому, не является рефлексия (3, с. 207), поскольку сама рефлексия как процедура или процесс мышления может быть его предметом. Вероятно, здесь надо говорить о рефлексии над рефлексией как «супер-рефлексии», которая и есть философствование<sup>6</sup>. Можно ли считать это метафилософией? Ведь рефлексия над рефлексией остается рефлексией. Но рефлексия – только один из путей (методов), которым философское мышление может быть понято и осмыслено. И здесь можно говорить о философии, посредством которой сознание (именно через философское мышление) самоосвобождается от всякой внешней обусловленности и связанности, и поэтому становится *свободным*. Поскольку жизнь всегда уже есть, всегда есть материал для философствования. Эта «философия» может рефлексировать, может и феноменологически созерцать, работая с любой предметностью, преодолевая ее и освобождая сознание философа, а следовательно - и его самого, если состоялось трансцендентальное единство, от всякой жизни и культуры. Таким образом, для Пятигорского философия - это такое состояние сознания, в котором оно свободно «от самого себя» - от своих собственных форм и содержаний-фактов. По отношению к нему уместно говорить, что «философия есть свобода», но свобода – это только собственное свойство особого состояния сознания, в которое оно переводится философствованием.

9. В отличие от Мамардашвили, у Пятигорского совершенно нет трагического пафоса этического самоопределения мыслителя. Этическое действие имеет место в «жизни», т.е. связано с низшей и вторичной (для наблюдателя-философа) формой жизни. Философ не имеет места житейства, возраста, жизненных обстоятельств, культурных обязательств и языковых ограничений, потому что он может их мыслить. Такой «перевод» до-мысленного в факт сознания с последующим отстранением от него может осуществить только «индивид» - одиночка, частное лицо<sup>7</sup>. Именно будучи таким никому ничего не обязанным (в философском отношении) частным лицом, Пятигорский осуществил не-вынужденный, социально не-обусловленный переезд в Лондон: для философа не должно быть разницы, где именно «физически» жить.

10. Пятигорский не дает понятийного определения философии, а лишь метафорически намекает на свое представление об этом занятии. Философия есть философствование; она имеет место в таком состоянии сознания, в котором любые прочие состояния сознания могут быть осмыслены и от-мыслены. Философия не может стать предметом собственного философствования, т.к. невозможно мыслить условие мышления<sup>8</sup>. При этом философия имеет не культурный, но самостроительный (жизнеделательный) смысл. Она дает индивиду опыт уникальности, свободы, ускользающей от осознанности. Уместное определение философии звучало бы примерно как *«мышление-в-отстранении-через-осознание»*. Впрочем, философия все время отступает от своего определения. Так что философия – пространство настоящей игры<sup>9</sup>. Способность к разыгрыванию «клоунады», к мистериальному обретению и смене философских масок и отличает, по Пятигорскому. Философа от не-философа (социолога, теолога, и прочих ученых- гуманитариев). Философ занят только самим собой и поэтому играет сам с собой.

### Примечания

<sup>1</sup> Поэтому метод своих «ранних» буддологических исследований он называет «психологическим». Выражение «буддизм – психология, а не онтология» подразумевает, видимо, что вообще нет онтологии вне (широко понимаемой) психологии как учения о ментальных явлениях (= философии сознания).

<sup>2</sup> Техника такого отслеживания названа Пятигорским и Мамардашвили «борьбой с сознанием».

<sup>3</sup> Все возможные референты слова «жизнь» как термина естественного языка.

<sup>4</sup> Философию и самосознание Пятигорский различает вслед за Бердяевым. Эксплицируя «философию доктора Живаго» (З), Пятигорский разделяет мировоззрение (культурно и социально –принужденную самоидентификацию) и мироощущение.

<sup>5</sup> С этим связана анти-натуралистическая интерпретация Пятигорским и Мамардашвили психоанализа как техники работы с фактами сознания (символическими формами).

<sup>6</sup> Замечу, что *понимание* для Пятигорского не является философским действием, хотя может быть источником материала для последующего философствования (последующего только логически, а не во времени).

<sup>7</sup> *джентльмен!*

<sup>8</sup> Можно «обсервативно» (термин, введенный совместно Пятигорским и Д. Б. Зильберманом) опознать философию, когда она есть, и – указать случаи, когда то, что называют философией, «в действительности» есть только самосознание.

<sup>9</sup> Нечто противоположное по своей интенции «игре», обсуждаемой постмодернистами.

1. Гиренок Ф. Советский дискурс // <http://fedorgirenok.narod.ru/Sprache.htm>
2. Лысенко В., Терентьев А., Шохин В. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: 1994. С. 73-76.
3. Пятигорский А. П. Избранные труды. М.: Языки Русской Культуры, 1996. 590 с.
4. Пятигорский А. П. Литература и миф (интервью) // <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/denlit/026/21.html>
5. Пятигорский А. П. Лекции по буддийской философии // Философия на троих. Рига: 2000. С. 313-386.
6. Пятигорский А. М. «Философия – это род склонности, переходящей в болезнь» (Интервью) // Известия, 22 апреля 2004 г. // <http://www.izvestia.ru/culture/article46234>

## **ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЧЕНИЯ КИРКЕГОРА**

**А. Н. Осокина**

Новосибирский государственный университет

Осуществление историко-философского исследования проходит несколько взаимосвязанных этапов. На первом этапе собираются и анализируются данные интеллектуальной биографии философа

Затем, учитывая полученные на первом этапе данные, схематично восстанавливается взаимосвязь конкретного учения с господствующими или иновыми идеями времени, с личностными характеристиками философа, его образованием и т.д. После содержательного анализа необходимо оценить место и роль исследуемого философского учения в историко-философском процессе. Очень важно на этом этапе учитывать действительный, индивидуальный, собственный вклад того или иного мыслителя в философию.

В рамках интерпретации историко-философского процесса очень часто приходится сталкиваться с определенной долей нелогичности, когда происходит оценка и интерпретация более ранних философий учения через призму более поздних философских концепций. Такой подход мне представляется в корне неверным не только, потому что происходит искажение взглядов философа сквозь призму современности, но и потому что ряд вопросов, обдумываемый тем или иным мыслителем остается незамеченным.

Ярким иллюстрацией такого подхода может служить философия Киркегора. Его философское учение традиционно определяет как предшествующее экзистенциализму. При таком подходе происходит проецирование взглядов Ясперса, Хайдеггера, Сартра на философскую концепцию Киркегора. Экзистенциализм, действительно, развил ряд положений, заложенных Киркегором, но все же не представляет их во всей полноте.

Существование предшествует сущности – одно из базовых положений экзистенциализма Сартра. Его понимание экзистенции предполагает внесение индивида в область этики. Осуществляя себя, делая выбор, человек тем самым утверждает ценности, которые имеют статус общезначимых. Человек, своим выбором жизненного пути несет ответственность, в том числе, за все человечество.

Хайдеггер, несмотря на то что, не возлагает на человека ответственность за бытие всего, отличного от себя, тем не менее, указывает на то, что индивид приходит к открытию себя как индивидуального субъекта, только как бытие в мире, как бытие в связи с другими людьми. Человек понимается как проект осуществляющий себя, т.е. человек проецирует сам себя в будущее и предпринимает действия по воплощению этого проекта. В связи с этим определяющее значение приобретает будущее.

Вернемся к Киркегора, который в рамках своей философии делает акцент делается на уникальности экзистенции, основанной на *индивидуальной* вере. Единичный индивид на религиозной стадии встает в «абсолютное отношение к абсолютному», и он уже не может апеллировать к общезначимым ценностям, он вынесен за рамки этики. Авраам не может быть понят никем, и поэтому говорить, что он конструирует общезначимые ценности, не имеет смысла (как у Сартра или Хайдеггера). Он совершает «бесконечное самоотречение», и обладает миром конечного в силу абсурда, а не в силу прямого проецирования себя в будущем, в социальном пространстве построенном на взаимодействии с общезначимыми ценностями.

Внесение человека в социальный контекст объясняется традиционно, с одной стороны социальными условиями, в которых зародился экзистенциализм и, с другой стороны, атеистическим мировосприятием представленных авторов. На мой взгляд, ситуация гораздо сложнее, и сводить все к противопоставлению религиозного и атеистического мировоззрений znayait слишком упрощенно понимать ситуацию.

Киркегор – религиозный мыслитель, верующий человек, при этом его понимание веры становится предельно субъективным, и, в конце концов, ответом на вопрос о сущности веры является ответ на вопрос *как* верить (а не во что). Вера – некоторый волевой порыв, субъективное усилие, иррациональное и необъяснимое. «Прыжок в веру» абсолютный и безоглядный определяет и обладание конечным миром, как бы не парадоксально это не казалось. В этом и проявляется особенность позиции Киркегора, в которой вера играет важную роль.

Понимание веры было впоследствии оторвано от смысла экзистенции, и осмысливалось в рамках теологической мысли, в частности в диалектической теологии. В ней указывалось, что вера не может быть обоснована посредством культовых или религиозных манипуляций, обоснование веры нужно искать в ней самой.

Мы видим, что взгляды Киркегора, представляющие собой неразрывное единство, были разделены и затем развивались совершенно разными направлениями, которые, хоть и представляют интерес сами по себе, не дают адекватного понимания философского учения Киркегора. Философия Киркегора и ее дальнейшая интерпретация один из немногих примеров изменения прошлого из будущего.

Используя для трактовки и интерпретации философского прошлого труды более поздних философов (пусть даже признанных авторитетов), мы становимся на шаткую почву и не всегда можем адекватно оценить позицию того или иного философа. Более плодотворным мне представляется углубление понимания современных философских течений путем обращения к действительным истокам, причем без «очков» современности.

### *Социально-философские исследования*

## **ПРОБЛЕМА «КОНЦА ИСТОРИИ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

**Ю. Б. Вертгейм**

Новосибирский государственный университет

Проблема может быть обозначена в кантианском стиле как антиномия двух утверждений:

1. История бесконечна во времени.
2. История ограничена во времени (фактически или по смыслу).

Дискуссии по этой проблеме не ограничиваются сообществом философов (Фукуяма политолог, Чоран философ, Печчеи общественный деятель и бизнесмен и т.д.).

Классификация подходов: натуралистические (сильная и слабая версии) и семантические (позитивная и негативная версии).

Натурализм: история заканчивается в буквальном смысле. Сильная версия: род человеческий тоже смертен (ср. интерпретации возможной военной ядерной или техно-экологической катастрофы). Слабая: исчерпание возможностей развития (ср. алармизм Римского клуба).

Семантические подходы. Позитивная версия: история заканчивается, потому что ее смысл достигнут и раскрыт (Фукуяма). Негативная: история заканчивается, потому что обнаруживается невозможность раскрытия ее смысла (Чоран).

Рассмотрим подробнее семантические подходы. I. 1. Позитивная версия: Ф. Фукуяма (консультант корпорации RAND). Истоки – сам автор ссылается на Гегеля, Маркса, Вебера, Кожева (его идеи о «конце истории» в 1806 г., после победы Наполеона). «Идеализм»: идеи «в конечном итоге» реализуются в материальном мире. Историю движет конфликт идеологий, понятых как разделяемые картины мира (ближе к нашему понятию мировоззрение). Фашизм и коммунизм потерпели поражение; фундаментализм не имеет перспектив распространения (самая сильная, исламская версия не воспринимается за пределами мусульманского мира), – следовательно, либерализм победил; следовательно, история в содержательном плане закончена. Идеал общественного устройства: либеральная демократия, свободный рынок, культура общества потребления. Неясно, почему идеал, поскольку опечаливает даже самого автора: ни искусства, ни философии; продаваемые всюду «видео и стерео». Идеал потому, что лучше всего обеспечивает потребности человека? но какие? Безопасность? Творчество? Общение?..

2. Критика (не прямая, но столь же популярная): С. Хантингтон. История продолжается! Точка зрения диаметрально противоположна: либерализм проигрывает в борьбе за сердца и умы. В основе истории по-прежнему конфликт, но в другой форме – не противоборство геополитических блоков, а «столкновение цивилизаций». Автор опирается на собственную интерпретацию эмпирических данных о современных конфликтах. С его точки зрения, противостоят друг другу коалиции государств, каждая из которых представляет свою цивилизацию. Такие конфликты трудноразрешимы, поскольку представители разных цивилизаций имеют различные системы ценностей и, следовательно, понимание и доверие невозможны.

II. Негативная версия. Э. Чоран – современный французский философ (1911-1995). Занимает крайнюю позицию. Его философия истории представлена в книге «Разлад» (1979). Автор подчеркивает трагизм истории, ее парадоксы; основная метафора – состояние «после конца истории: постисторическая эпоха понимается как остановка исторического времени, отсутствие событий. При этом время понимается как начало хаоса, как «непрерывная беспорядочность, самодробящаяся бесконечность». История неотделима от времени: «конец истории предопределен тем, что у нее имеется начало». Чоран пессимистичен: жизнь аномальна; человек аномален в квадрате, поскольку является аномальным животным. «Человек – это недопустимо». История – это сумасшедшая человеческая затея. Автор отрицает и объективность, и интенциональность в истории. «Объективно» только то, что история представляет собой хаос страстей и иллюзий. В основе истории не логика, а рок: распадаются цивилизации, империи, системы ценностей. «Интенциональность» же сводится к тому, что человек как подлинный герой трагедии с неотвратимостью спешит навстречу собственной гибели. «Чем могущественнее человек, тем он уязвимее». Подход автора состоит в доведении до крайности сомнений относительно истории и человека. Можно сказать, что в истории действует «демон Чорана» (если обозначить его по аналогии с принятым в физике термином «демон Максвелла»), который неизбежно превращает любое действие людей во зло. Выход – выпадение из истории в безмятежное растительное существование, без музеев, книг,

орудий труда. Таков чорановский пессимистический вариант «конца истории», весьма далекий от описанного Ф. Фукуямой торжества просвещенного либерализма.

### III. Факторы актуализации проблематики «конца истории».

Возможные версии: «конец истории» выражает настроения «конца тысячелетия»; соответствует реальной смене исторического периода. Спорный вопрос – основания периодизации истории: можно ли, например, считать рубеж 20 – 21 вв. таким переломным периодом? Да, если опираться на обширную дискуссию втор. полов. 20 в. о новом типе общества (постиндустриальное/информационное; глобальное/сетевое; общество риска и т. д.). Однако возможны сомнения, если судить по основному типу отношений человек – природа, человек – культура, человек – человек. Наиболее значимые характеристики: первое отношение – высокие риски и отсутствие техно-экологической безопасности. Второе – несоразмерность человека и культуры, элитизм, отчуждение человека от культуры. Третье – отношение как к средству: товар на рынке труда, объект манипуляций в качестве потребителя (сфера экономики) и избирателя (сфера политики). И что касается этих отношений, то пока нет прорыва к чему-то радикально новому. По-видимому, в культуре имеется осознание вызова, но еще не выработан адекватный ответ (в терминологии А. Тойнби). Тогда в основе обращения к проблематике «конца истории»: жажда этого ответа – или точного знания о невозможности его получить.

### *Литература*

Вертгейм Ю. Б. Философия истории Э. Чорана / МНСК, сер. Философия. Н-ск, 2004. Стр. 13-14.

Розов Н. С. На пути к обоснованным периодизациям Всемирной истории / Время мира. Вып.2. Н-ск, 2001. Стр. 222-305.

Фукуяма Ф. Конец истории. М.: АСТ, 1999.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: АСТ, 2003.

Чоран Э. После конца истории. СПб: Симпозиум, 2002.

## **СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ГОРИЗОНТ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**М. Н. Чистанов**

Хакасский государственный университет

Кризис метафизики в конце XIX – начале XX веков достаточно обсуждался в философской литературе. Не вдаваясь во всем известные подробности, отметим, что данное событие весьма негативным образом сказалось на имидже и дальнейшей судьбе одного из наиболее влиятельных и популярных направлений философствования этого времени – философии истории. Последние из классических теорий этого рода – историософии О. Шпенглера и А. Тойнби в собственно философском отношении достаточно слабы, по крайней мере, с точки зрения новоевропейских стандартов философствования. Популярность этих теорий среди широких масс объясняется не столько их теоретическими достоинствами, сколько возможности апелляции к эстетическим чувствам читателей.

Но это скорее показатель глубины кризиса, нежели его причина. Дело в том, что в грандиозных философско-исторических концепциях Нового времени, глубоко индивидуальное, личное переживание истории вступает в конфликт с безусловно принимаемым тезисом об историчности «внешнего» бытия (в каком бы смысле оно не понималось) самого по себе. Это внутреннее противоречие и делает историю предметом

трансцендентальным по отношению к субъекту со всеми соответствующими этому случаю атрибутами. Соответственно, постижение истории возможно лишь через интуиции разного рода: эстетическое переживание, эмпатическое вчувствование, в любом случае это нерациональный процесс.

Нет ничего удивительного в том, что поисками путей выхода из тупика занимались многие исследователи. Самое интересное, что при всем многообразии демонстрируемых ими подходов, общее направление движения оказалось практически одним и тем же. Как раз это мы и попытаемся показать в данной статье.

Обычное в этом случае разделение современного философствования на два антагонистических направления: аналитическую и континентальную традиции не миновало и философию истории. Каждое из этих направлений на свой лад пыталось преодолеть выше упомянутые трудности. Справедливости ради, нужно признать, что в полной мере ни одной из них достичь поставленной цели не удалось. Хотя, это не исключает и некоторых положительных моментов и в том и в другом случаях.

Философско-исторические перспективы континентальной философии на исходном рубеже выглядели более предпочтительными. Во-первых, пресловутая проблема «внешнего мира» снимается уже Гуссерлем практически полностью. Соответственно, теперь необходимо придать индивидуальному переживанию истории более или менее строгий онтологический статус и связать это с привычным пониманием истории. Тогда, вроде бы, все встанет на свои места. Справедливости ради, нужно сказать, что сам Гуссерль данной философско-исторической задачи перед собой не ставит, поэтому мы можем говорить лишь о потенциальных плюсах подхода.

Следующим многообещающим шагом было хайдеггеровское рассмотрение времени в качестве фундаментального онтологического принципа. Теперь уже, казалось бы, время, а вместе с ним и история, оказываются не просто следствиями существования чего бы то ни было, но, наоборот, являются необходимым и всеобщим условием человеческого существования, а стало быть, бытия вообще. Здесь бы философии истории и возрадоваться: шутка ли, из периферийной философской дисциплины превратиться в основную, ведь фактически за ее пределами ничего и нет, любой дискурс автоматически становится философско-историческим. Однако, предельная широта в данном случае – не достоинство, а недостаток. Истолкованная в терминах хайдеггеровской временности, историчность не деле ничего общего с привычными нам временем и историей не имеет. Хотя, по большому счету, конечно, имеет, но сам механизм их взаимоотношений до предела запутан.

Да и как ему не быть запутанным, если любая тематизация сознания чревата созданием метафизической конструкции. То есть, мы конечно понимаем, что метафизика – это нехорошо, что она уводит нас прочь от того бытия, постичь которое мы как бы стремимся. Но в силу интенциональности сознания ничего поделывать с этим мы не можем. Соответственно, та история, о которой мы говорим – это совсем не та история, которую имеем в виду. Проблема соотношения внутренней историчности индивидуального существования и способов ее выражения как раз и становится краеугольным камнем континентальной философии истории.

Понятно, что традиционными способами разрешить эту проблему нельзя. Ведь если в классических философско-исторических концепциях основное внимание исследователя сосредотачивается на содержательной части, то есть на самих событиях, служащих предметом рефлексии, то в случае с феноменологическим анализом вся эта конкретика оказывается «за скобками», то есть редуцируется. Внутри же скобок остается лишь форма самой рефлексии, то есть «историческое сознание». А такой анализ может быть проведен лишь на уровне исследования языка, способа дискурсивной практики. Вот откуда мнимая «пустота мудрствования», которая, по мнению некоторых привержен-



цев «теоретической истории», характерна для данного направления. Конечно, предмет анализа не могут быть ни законы, ни повторяемости событий. Здесь сам метод накладывает ограничения, но ведь от этого само исследование не становится менее рациональным?

Языковая деятельность в данном случае есть конституирующий реальность принцип. Пусть онтология, построенная таким образом, всегда только региональная онтология. Зато апелляция к неисчерпаемой стихии языка позволяет создать именно ту конструкцию, которая нам нужна (или, по крайней мере, ту, которую мы можем использовать здесь и сейчас). Поэтому континентальная философия истории вопрошает не о том, какие тенденции существуют или существовали в обществе, не о том, какие стадии или этапы оно проходит, но о том, почему мы говорим о прошлом, настоящем или будущем в таких терминах (как Фуко или Деррида), или о том, почему историческое повествование имеет такую литературную форму (у Рикера или Уайта).

Кстати, здесь возникает интересный поворот, который и послужил причиной написания статьи. Если мы столь вольно обращаемся с языком, первоначально полагавшимся нами в качестве горизонта исследования, то граница трансценденции автоматически отодвигается – к понятию ли традиции, как в герменевтике Гадамера, или к понятию базовой структуры в трудах Барта или Фуко. Причем и этот рубеж оказывается не последним, так как может быть подвергнут деконструкции. Следует отметить, что эта тенденция медленного глубинного продвижения фактически заложена еще Гуссерлем, когда для обоснования общезначимости трансцендентальной феноменологии, он вынужденно вводит понятие интересубъективности. Неудача выведения интересубъективности из бытийственных структур индивидуального существования явно сигнализировала, что их соотношение должно быть перевернуто в обратную сторону. Не является ли этот процесс шагами к созданию принципиально нового понятия социальности? Здесь социальность, взятая в одной из своих форм – интересубъективность, язык, традиция, культура, базовая структура, бессознательное и т.п. – оказывается фундаментальным принципом бытия. Тогда всякая последующая онтология: онтология истории, культуры, природы, науки, искусства – суть лишь следствия изначальной социальности, социальной онтологии.

В отличие от континентальной традиции, аналитическая философия обращается к языку практически с самого начала. Для нее единственный способ обойти метафизическое субъект-объектное противоречие – это найти точку, в равной степени удаленную как от реального «объекта», так и от индивидуального «субъекта». В качестве такой точки выступает факт, но факт, выраженный в языке. Так по словам Г. Кюнга: «Этот редукционистский образ действий полностью противоположен образу действий гносеолога Нового времени. Для последнего вопрос о том, существует ли, например, внешний мир, познающий субъект и т.п., был вопросом величайшей важности и не мог оставаться без ответа. Его философские усилия были направлены на то, чтобы получить ответ на этот вопрос. Рассел же более не противопоставляет двух гносеологических позиций, между которыми необходимо делать выбор, он сравнивает языки, в которых формулируются эти позиции». [2; 61]

Само собой разумеется, что анализ языка с необходимостью вызван его несовершенством (или несовершенством нашего понимания, что, впрочем, одно и то же). Это и понятно, если бы он был совершенен, анализировать было бы просто нечего. Важно, что в идеале язык должен совпадать не с «внешним миром», но с «логической формой», которая и выполняет в случае аналитической философии роль высшей реальности. Хотя в отдельных случаях где то на горизонте и маячит физикалистское решение относительно подлинного бытия, но оно выполняет роль метафизического идеала, некоего «нового платья короля», о нем все говорят, но никто не может его ни увидеть, ни по-

щупать. Так называемая «картина мира» – это то, что выражается в словах. Нет слова – нет и реальности, потому что реально мы оперируем лишь словами.

Соответственно выстраивается и аналитическая философия истории. Даже в классической работе Гемпеля «Функции общих законов в истории», направленной, вроде как, на спасение понятия объективности в исторической науке, с самого начала делается оговорка: «Главной функцией общих законов ... является соединение событий в устойчивые структуры (паттерны), которые обычно считаются объяснением и предсказанием» [1; 14]. Причем речь там идет не только об исторических, но и вообще научных законах. Иными словами, вопрос об адекватности или неадекватности философско-исторической теории – это вопрос о способе оценки (прежде всего логической, то есть формальной) языкового выражения, ведь структурировать можно лишь языковыми средствами. Ведь Гемпель имеет в виду именно законы исторического рассуждения, то есть историческую логику, соответственно содержание этих рассуждений отступает на второй план. Но это мы уже где-то слышали.

Кто-то может возразить: «Да, но логический анализ в аналитической традиции – это совсем не тот способ анализа как в феноменологии и иже с ней. Он более строгий.» Ну, это уж кому что нравится, а если говорить о результатах, то и вообще сомнительно. Дело в том, что строгость логического анализа – это миф, который базируется на работах Рассела и раннего Витгенштейна. Нет, конечно, в искусственных формализованных языках однозначность интерпретации результатов логического анализа не вызывает сомнения. Но мы ведь мыслим не на таком языке, а на языках вполне нормальных, естественных. Поэтому здесь в анализ обязательно должен быть включен анализ контекста, именно он задает горизонт интерпретации. Признание этого простого факта – это начало конца для якобы строгой процедуры логического анализа. Ведь контекст – это ничто иное, как хорошо замаскированная традиция, то есть, в нашей терминологии – социальность. Что, в принципе, и следовало доказать.

Таким образом, можно считать доказанным, что, по крайней мере в сфере философии истории, два наиболее крупных направления современной философии: аналитическая и континентальная традиции, приходя, пусть разными путями, но к одному и тому же результату. А именно, обязательной апелляции к сфере первичной социальности, которая вводится негласно, явочным порядком. Поскольку в самом начале статьи было указано, что и к жизни эти проекты были вызваны одним по сути явлением – кризисом метафизической философии истории, то это итоговое совпадение не может быть случайностью. По-видимому, традиционное противопоставление аналитического и континентального философских направлений, как я оговорился, хотя бы для философии истории является неактуальным. Имеет смысл говорить о некоей общеправославной тенденции. Ну, а продуктивной или тупиковой оказалась эта тенденция, на наш взгляд, говорить еще слишком рано.

### *Литература*

1. Гемпель К. Функция общих законов в истории. // Время мира. Вып.1. Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 2000. – сс. 13-25.
2. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО В  
РАМКАХ ИНТЕРПРЕТИВНОЙ ЛИНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**  
**Ю. Г. Арапова**

Монополия функционализма, как господствующая теоретическая модель (50-е – начало 60-х гг.), со второй половины 60-х гг. сменяется многообразием теоретических моделей социальной реальности, в том числе, представляющих интерпретивную линию в сфере социологического научного знания. Это прежде всего символический интеракционизм, феноменология, этнометодология. При всех расхождениях названных интерпретивных подходов, выражавших собой качественную теоретико-методологическую перспективу развития социальной науки, их объединяло нечто общее, отличавшее их существенным образом от так называемой научной перспективы развития социального знания, связанной с функционализмом.

Характерные черты функционалистской модели отражают следующие позиции:

1. Мир социальных фактов объективен и существует вне субъекта познания.
2. Субъект познания постигает мир фактов методом наблюдения, результаты которого могут тестироваться эмпирически.
3. Научные концепции имеют свою внутреннюю логику и обладают устойчивостью.
4. Теоретическая гипотеза отличается от источника своего происхождения.

Интерпретивную модель познания социальной реальности составляли следующие характеристики:

1. Принципиально иная, отличная от функционалистской, трактовка взаимодействия объекта и субъекта познания, когда не допускается строгого их разграничения. Объект познания выделяется самим субъектом при помощи определенных форм познавательной деятельности. Объяснение, как способ познавательной деятельности, достигается с помощью экспликации (толкования, интерпретации) значения познаваемого, что делает невозможным применение способов познавательной деятельности, используемых для познания физических и природных процессов. Данными теоретико-методологическими подходами в социальные науки была привнесена установка на осмысление проблемы сознания и роли когнитивных факторов формирования социального.

2. Выработка значения имеет intersубъективную основу. Социальные значения вырабатываются и воспроизводятся в процессе взаимодействия индивидов; субъективное понимание социальных значений создается и происходит в интерактивном контексте, который варьируется в зависимости от особенностей культуры и исторического этапа развития общества.

3. Знание не может быть отделено от социального контекста, который является его источником. Все знание черпается из intersубъективной природы социальной жизни.

Для интерпретивных теоретических моделей характерно критическое отношение к детерминизму функционалистской модели социального действия, содержащей сверхсоциализированную концепцию индивидуального. Взгляд на индивида, в котором интернализированы детерминанты поведения, определенные социальной системой, подвергся критике и был квалифицирован как маргинализация индивидуальной субъективности. Функционалистская концепция индивидуального воспринималась, как отражение сконцентрированности лишь на типовых характеристиках индивида. Данную концепцию отличал отказ от изучения конкретных черт личности, способных делать свой собственный выбор линии поведения, обусловленный личностными особенностями и специфическими характеристиками ситуации, в которой человек определяет свой выбор.

Таким образом, общим для символического интеракционизма, феноменологической и этнометодологической перспектив является сосредоточенность на микропроцессах социального взаимодействия. В этом смысле они составили альтернативное макро-системному функциональному подходу видение социальной реальности и индивиду-

ального поведения. Включив в анализ социальных феноменов человеческий фактор, они конструировали социальную реальность снизу, так сказать «изнутри», а это, в свою очередь, позволило выявить глубинные причины социальных изменений в обществе.

## ТЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ\*

С. В. Костов

Новосибирский государственный университет

Всякое научное исследование, включая и социальное, занимается тем, что разлагает явления на их элементы, а затем рассматривает их в комплексной связи. Тектология рассматривает действительность как социальную деятельность, т.е. окружающий человека мир явлений мыслится как область коллективного труда, где сталкиваются человеческие активности и стихийные сопротивления. Всевозможные активности-сопротивления и представляют собой те элементы, из которых исходит любое тектологическое исследование. Различные сочетания активностей-сопротивлений, т.е. их комплексы или системы, есть тектологические формы, которые, взаимодействуя, заново комбинируются, сменяются и развиваются. Смена форм регулируется законом подбора: исчезают менее приспособленные к окружающему миру формы и остаются более приспособленные, т.е. более организованные, которые соединяют более значительную сумму активностей-сопротивлений в более согласованном сочетании. С организационной точки зрения социальная деятельность сводится к целенаправленной организации человеческих активностей, чтобы, преодолевая стихийные сопротивления, все дальше и лучше организовывать мир для человечества [1]. В конечном итоге взятый в совокупности общественный процесс сводится к триединству организации вещей, людей и идей. Вследствие чего появляется возможность рассматривать любой социальный феномен с единой точки зрения и в единых методологических координатах.

Сама же возможность такого универсального эвристического подхода восходит к тектологически понятой идее всеединства мировых процессов. Поскольку все материальные и нематериальные процессы есть организационные, то «очевидна необходимость выработки универсально-общих организационных методов». Иными словами, монизм мировых процессов должен найти свое отражение в теоретико-методологическом монизме. Современное развитие методов требует всеобщего синтеза универсальных методологий, теоретических положений, принципов, законов и концепций, т.е. конкретного сведения всей этой теоретико-методологической базы к единой точке зрения. В тектологической парадигме «эту роль может выполнить только организационная точка зрения», которая и порождает методологический монизм [2]. Таким образом, *методологический монизм* – это, с одной стороны, такая универсальная эвристическая установка, которая сводит исследование любых природных и общественных процессов, материальных и нематериальных, к рассмотрению их как процессов прежде всего организационных, а с другой стороны, это единая модель осуществления самого процесса исследования, инструментарием которого являются всеобщие организационные методы.

В силу вышеизложенного именно тектологический подход является универсальным способом исследования, причем любого, включая и социальное. Суть этого подхода в том, чтобы за пеленой множества сопутствующих изучаемому процессу явлений вскрыть организационные связи, определить их тип и, основываясь на общих организационных законах, понять процесс, выяснить тенденцию его развития и, если это необходимо, дать рекомендацию для его коррекции. Целью тектологического исследования является определение организационного состояния изучаемой социальной системы и

тенденции ее дальнейшего развития. Алгоритм такого исследования состоит из следующих процедур:

а) из всего системного многообразия мировой среды, каждый элемент которой организован по *принципу матрешек*, выделяется объект исследования с четким установлением тектологической границы между ним и средой;

б) исследуется структура выделенного комплекса и определяется общий ее тип, типы всех связей;

в) анализируется взаимосвязь выделенного комплекса с внешней средой и определяется, насколько активности среды уравниваются или преодолеваются активностями данного комплекса или, напротив, насколько преодолевают и разрывают их связи;

г) определяется тип механизма подбора: при положительном – активности комплексов возрастают за счет среды, а при отрицательном – они уходят в среду;

д) после анализа всех потоков активностей делается вывод о жизнеспособности исходного объекта исследования: при положительном подборе, когда он поглощает из среды материю, энергию и информацию, его жизнеспособность растет, при отрицательном – падает;

е) дается организационная оценка по критериям количественной и структурной устойчивости: организованность повышается количественно, когда в рамках данной формы и при данной ее структуре объединяется более значительная сумма элементов активностей за счет среды; организованность повышается структурно, когда в рамках системы перегруппировка ее активностей увеличивает сумму и разнообразие внешних связей без разрывов внутренних;

ж) после организационного анализа делается вывод о прогрессе или регрессе объекта исследования: если количественное повышение организованности наблюдается рядом со структурным ее понижением – это регресс, если наоборот – прогресс;

з) после общей оценки организационного состояния объекта исследования делается итоговый вывод о расширении или сужении горизонта его дальнейшего развития [3].

Различные социальные науки имеют свои специфические подходы к социальному исследованию. Известная ограниченность таких исследований объясняется двумя причинами: во-первых, фиксируются не все, а лишь определенные связи и, во-вторых, даже эти обнаруженные связи фиксируются с разной степенью полноты. Первое ограничение вызвано определенной точкой зрения, а второе – спецификой метода. Тектологический подход выгодно отличается от всех других как всеобщей точкой зрения – организационной, так и всеобщими организационными методами, а его теоретико-методологический арсенал при умелом переходе от всеобщности к конкретике позволяет достигать требуемой полноты любого социального исследования.

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобразования России по гранту А03-1.1-358.

### *Литература*

1. См.: Богданов А.А. От философии к организационной науке // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 113.
2. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: «Финансы», 2003. С. 27-28.
3. Там же. С. 299, 392-393, 396.

## КАК ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНТИГЛОБАЛИЗМА

Е. А. Микичур

Новосибирский государственный университет

В современном мире происходит переход от мировой системы, которая складывалась на основе взаимодействий национальных экономик и национальных государств, к системе взаимодействий транснациональных компаний, международных организаций, глобальных идеологий. Глобализация на международном уровне во многом является следствием и логическим продолжением мощных интеграционных процессов, проходящих внутри каждого отдельного государства. Эти процессы наглядно представил Г. Маркузе в своей концепции личности и общества. Описываемый им процесс можно назвать внутренней глобализацией, которая являлась предпосылкой глобализации, которую мы наблюдаем сегодня на межгосударственном уровне.

Индустриальное общество периода 60 – х гг. XX столетия осмысливается Г. Маркузе, как исторический проект, в котором природа является материалом для господства и в соответствии с этим она организуется и преобразовывается. Осуществление данного господства идет за счет автоматизации производственной сферы. Технологический процесс, по Г. Маркузе оказывает влияние на политическую, социальную, культурную и другие сферы общественной жизни. Выстраивается определенная система. Её базис – аппарат производства, который является основой для политической власти, политика исходит из возможностей технологии стабилизировать общество, она представляет интересы машинного производства. Аппарат производства и производимые им товары и услуги трансформируют социальную систему. НТР расширяет рамки благосостоятельных граждан, т.е. «среднего слоя». Развитие средств массовой коммуникации сломало пространственные, временные, классовые барьеры. Масс – медиа непрерывно изменяют отношения между социальными общностями. Они теряют свой традиционный характер, и на их месте возникают новые линии раздела в соответствии с теоретическими идеями, стремлениями и чувствами, навязываемыми идеологией развитого индустриального общества. Индивид становится частью публики, он не принадлежит уже к определенному классу, церкви, его жизненные принципы программируются СМИ и кажутся ему истинными, так как благодаря развитию технологии удовлетворяются все новые и новые его потребности. Наблюдаемую в обществе тенденцию, Маркузе обозначил термином «мемесис», под которым подразумевается непосредственная идентификация индивида с обществом. Технологическая трансформация мира приводит к изменению его образов, символов и идей. Высокая культура становится частью материальной культуры. «Культурные ценности» не отрицаются, они встраиваются в утвердившийся порядок, массово производятся и демонстрируются. Распространяемая средствами массовой коммуникации «Массовая культура» ориентированна не на индивида, а на толпу, не на личность, а на массу, не на индивидуализированное творчество, а на стандартизированное производство. В дотехнологический период культура была сферой художественного отчуждения, то есть индивид сознательно трансцендировал свое существование за пределы реальной действительности. Он мог посредством культуры создать идеал, независимый от идеологического давления постиндустриального общества, который противопоставлялся существующей реальности и обличал ее. В развитой индустриальной цивилизации средства массовой коммуникации смешивают искусство, политику, религию и философию с коммерческой рекламой, что приводит эти сферы культуры к товарной форме. «Массовая культура» с её идеологией потребления формирует стандартизованную личность с определенными духовными потребностями и интересами. Развитая индустриальная цивилизация создает свою знаковую

систему – язык тотального администрирования. Он является продуктом процессов идентификации, унификации, систематического развития положительного мышления и образа действий. Для передачи информации используется языковой стиль, сам синтаксис которого с его уплотненной структурой предложения не допускает никакого «пространства», между частями предложения. Исчезает область идеальных абстракций и подтекстов. Сама лингвистическая форма становится препятствием для развития смысла. Ссылаясь на исследование Г. Стенли, Маркузе делает вывод о том, что технологический способ рассуждения стремится к отождествлению вещей и их функций. Параллель этой тенденции Маркузе видит в развитии научных методов: операционализма в физике, бихевиоризма в социальных науках. Их общая черта в эмпирической трактовке понятий, значение которых сужается до частных операций и поведенческих реакций. Роботизация общества, осуществляемая за счет манипуляции потребностями и идеологической обработки граждан, приводит по Г. Маркузе к утрате индивидом и обществом второго (критического) измерения. Критичность, а точнее негативность, в концепции Маркузе, является атрибутом Разума, она устанавливает истину для людей и вещей – то есть те условия, в которых те и другие становятся тем, что они есть на самом деле. Апеллируя к древнегреческой классической философии, Маркузе определяет Разум, как познавательную способность различения истинного и ложного. Истинный дискурс обнаруживает и выражает то, что действительно есть - в отличие от того, что кажется действительным. И именно в силу равенства Истины и (действительного) Бытия, Истина является ценностью, поскольку Бытие лучше Небытия. При этом последнее (Небытие) не просто Ничто: оно одновременно и потенциальная возможность Бытия, и его разрушение. Существование Небытия возможно в качестве некоего диалектического единства того, что есть и того, что должно. Небытие образует единое целое с Бытием, как возможность для Разума к восхождению в процессе познания истины восходить к наивысшим ступеням исторического развития. Апеллируя к Платону и Аристотелю, Маркузе говорит о Бытии, как о реализации, переходе от потенциального к актуальному. Суть Бытия – движение, следовательно, Бытие является незавершенной реализацией, подлежащей изменению. Негативность, как способность Разума отличать истинное и ложное - есть механизм развертывания Бытия в его становлении и вытеснение элементов Небытия. Итогом исторического развития или становления Бытия должно стать окончательное уничтожение Небытия, которое приведет к торжеству свободы и счастья, человек обретет свою истинность, над ним не будут довлеть ложные потребности. Развитая индустриальная цивилизация с ее идеологией потребления, поворачивает движение истории вспять, негативность как механизм движения от неистинного к истинному Бытию, перестает функционировать. Универсум дискурса индустриальной цивилизации исключает оппозицию, а следовательно происходит застревание на определенной ступени развертывания Бытия. Все, что содержало в себе элементы Бытия и Небытия находилось в становлении, если победит Истинное содержание явления (понятия), то оно, будет осмысливаться в качестве элемента свободы и лучшего состояния человека на основе его истинных потребностей. С утратой универсумом второго измерения, развитие будет остановлено, это приведет к ложному, репрессивному и отчужденному существованию человека и человечества.

## **ГЛОБАЛИЗМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ**

**Е. В. Рыжененков**

Институт философии и права СО РАН

Проблематика, связанная с многомерным процессом глобализации является сегодня одной из самых обсуждаемых тем не только в сравнительно узком академическом кругу, но и среди политиков, экономистов, предпринимателей, широкой общественности.

Сам термин «глобализация» появился лишь в 80-х гг. XX в., в связи с чем может считаться относительно новой социологической конструкцией. Однако феномен, стоящий за этим термином фактически был выявлен гораздо ранее: еще в 60-е гг., в работах теоретиков постиндустриального общества подчеркивалась растущая взаимозависимость мира. Так, А. Тоффлер в своей работе «Шок будущего» отмечал, что «в наш отрезок времени границы сметены..... Последствия современных событий немедленно распространяются по всему миру. Война во Вьетнаме изменяет политический расклад в Пекине, Москве и Вашингтоне, вызывает протесты в Стокгольме, служит толчком к секретным дипломатическим шагам в Алжире...».[1, с.28.]

На сегодня в научной литературе не существует единой оценки феномена глобализации, причин его происхождения, специфики процесса. Заметим, что спорным вопросом в дискуссиях о глобализации является даже точка отсчета начала глобализационных процессов. Так, например, согласно германскому социологу У. Беку, одному из самых авторитетных исследователей глобализации, К. Маркс считал началом интеграционных процессов, закладывающих основу единого рынка XV век, связывая эту дату с первыми значительными успехами развития капитализма (к этой точке зрения присоединяется И. Валлерстайн, полагающий, что именно в XV веке закладывается основа капиталистической миросистемы), Р. Робертсон связывает начало глобализации с «Belle Epoch» - периодом 1870-1920 гг., когда интеграционные процессы приняли многомерный характер, а Э. Гидденс, увязывая начало глобализации с процессами модернизации, указывал на XVII в.[2, с.42]. В то же время большинство российских исследователей полагают, что глобализация – феномен XX века.[см. 3.]

Одним из наиболее остродискуссионных вопросов является проблема соотношения объективных и субъективных факторов, породивших глобализацию, выражающаяся в виде попытки четкого терминологического разделения понятий «глобализации», как объективного, закономерного процесса и «глобализма», как его субъективного идеологического сопровождения.

По мнению российского ученого В.М. Коллонтай, дискуссии по вопросу происхождения и специфических черт глобализации вытекают из того факта, что «поскольку сама практика неолиберальной глобализации явно преобладает над альтернативными ее формами, часто получается, что неолиберальная глобализация и глобализация вообще воспринимаются как синонимы». [3, с. 147]

Несмотря на значительные трудности в разделении субъективных и объективных факторов глобализации, большинство западных исследователей придерживается скорее промежуточной позиции, т.е. характеризуя глобализацию как объективное явление, отмечают важность субъективного фактора в возникновении и специфики развития процессов глобализации.

Так, известный американский экономист Л. Туроу, отдавая приоритет экономическому измерению глобализации, полагает, что глобальная экономика явилась результатом послевоенной политики США, вытекающей из доктрины «сдерживания коммунизма». В ситуации «холодной войны» Америка стремилась укрепить положение европейских союзников и перетянуть на свою сторону развивающиеся страны путем развития торговли с этими государствами, предоставления возможности пользоваться своим финансовым рынком европейским и восточноазиатским странам. Здесь свою роль сыграли программы типа плана Маршалла, создание таких финансовых институтов, как Бреттон-Вудская валютная система, Международный валютный фонд, Всемирный банк. В конечном счете, заключает Л. Туроу, «для развития глобальной экономики идеологии



были столь же важны, как технологии... Идеология придала капиталистическому миру глобальное направление, в дальнейшем усиленное технологией».[4. с. 139.]

Германский исследователь У. Бек предлагает разделять понятия «глобализм», «глобальность» и «глобализация». По мнению социолога, «глобализм» есть не что иное, как «...понимание того, что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность,... идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма... Идеологическое ядро глобализма заключается... в том, что здесь ликвидируется основополагающее различие... между политикой и экономикой». В то же время, понятие «глобальность» включает в себе осознание того, что «мы давно уже живем в мировом сообществе», которое состоит из таких сложных социальных отношений, явлений и взаимодействий, что «они не могут интегрироваться в национально-государственную политику или определяться ей». Что касается понятия «глобализация», то, по мнению социолога, под ним следует понимать процессы, в которых национальные государства и их суверенитет подчиняются транснациональным акторам.[2. с. 23-24.]

Американский ученый и общественный деятель Д. Кортен, как и У. Бек, трактует понятие «глобализация» в узком смысле, понимая под этим идеологическое обоснование усиления международных финансовых институтов, активную стратегию экспансии транснациональных акторов (прежде всего – глобальных корпораций). Исследователь занимает скептическую позицию в отношении наличия объективных предпосылок процессов глобализации. Вместе с тем, его работы представляют значительный интерес в отношении исследования феномена идеологии глобализма как субъективного фактора, придающего процессам глобализации определенную направленность.[5. с. 71.]

Таким образом, доминирующей точкой зрения среди исследователей проблем глобализации является признание объективного характера процессов глобализации. Последние оцениваются как многогранное, многостороннее явление масштабной интеграции различных аспектов социальной практики мирового сообщества: культурной, политической, экологической, экономической и др. Данный феномен находит свое отражение в понятии «глобализация». Вместе с тем, отмечается наличие идеологического сопровождения глобализации, субъективного фактора, вносящего свои коррективы в специфику глобальных процессов. Основной чертой идеологии глобализма является подход к глобализации как к прежде всего экономическому процессу. Такое узкое понимание глобализации, претендующее на исключительную истинность универсальность отражается в понятии «глобализм».

#### *Литература*

1. А. Тоффлер. Шок будущего. М., 2002.
2. У. Бек. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.
3. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003.
4. Л. Туроу. Будущее капитализма. М., 1997.
5. Д. Кортен. Когда корпорации правят миром. СПб., 2002.

### **АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**Е. В. Аникина**

Читинский государственный университет

Термин «глобализация» можно считать, пожалуй, наиболее употребляемым современной научной и общественно-политической мыслью. В Великобритании, например, длительные дискуссии по вопросам интеграции привели к возникновению эвфемизма «g-word» для почти уже «неприличного» термина «глобализация». Если результатом подобного рода увлечения стало мифологизированное восприятие процессов глобализации, то его причина, скорее всего, – в сложности определения сущности глобализации как явления многомерного, неоднородного и динамичного. Именно этим обусловлена необходимость рассмотрения феномена глобализации с точки зрения различных наук.

Существующие в настоящее время научные подходы к определению понятия «глобализации» сконцентрированы большей частью на анализе экономических, социально-политических, экологических, информационных и культурных проявлений глобализации. Философские науки – в частности философская антропология – представляются мало вовлеченными в дискуссии о феномене глобализации. Тем не менее, в настоящее время «глобальными» проблемами становятся кризис гуманитарных идей, трансформация и утрата традиционных ценностей, «бегство» индивида от традиционных социальных институтов, и соответственно – утрата смысложизненных ориентиров личности, нарастание эмоционально-психологического отчуждения. Подобные явления, предположительно, – *результат* воздействия глобализационных процессов на традиционную социальную структуру и индивида. Однако в определенной степени эти явления отражают и *содержание* глобализации как «погружения [социальной структуры и индивида] в часто нежелательные и непонятные транснациональные формы жизни, ... в деятельность и сосуществование, не признающие расстояний, внешне отделенных друг от друга миров, национальных государств, регионов и континентов» [1].

Более того, философско-антропологический анализ указанных трансформаций дает возможность говорить о глобализации как об «объективации нарастающих взаимозависимостей» [2]. Подобный подход основан на выделении двух составляющих глобализационных процессов: глобализации объективной и глобализации как объективации общественным и индивидуальным сознанием представления о мире как целостной величине. Отдельными исследователями для обозначения изменений, наблюдающихся в субъективной сфере, употребляется термин «глобализм» – «комплекс идей и эмоций, который как форма общественного сознания, запечатлевающая объективный процесс глобализации, вбирает в себя ... тенденцию идентификации со всем человечеством» [3]. Особенности развития субъективной составляющей глобализации требует, таким образом, более всестороннего анализа.

В данном контексте необходимо отметить уже существующие направления теоретических – в первую очередь социологических – исследований проблем влияния глобализации на развитие общества и личности.

Во-первых, активно обсуждается проблема формирования в условиях глобализации личностной и социальной идентичности. Мнения исследователей по данной проблеме выстраиваются от утверждения динамизма и нестабильности как основных характеристик идентичности в современном мире [4] до заявлений о кризисе традиционной идентичности как последствиях глобализации [5]. Большинство исследователей, тем не менее, сходятся в том, что одна из основных предпосылок подобного рода явлений заключается в глобализации информационного пространства современных обществ. Воздействие информационной глобализации связывается с расширением и в значительной степени дестабилизацией сети традиционных социальных связей и институтов, их вытеснением формальными информационными отношениями.

В условиях нестабильности и подвижности первичная идентичность, как на уровне личности, так и социальной группы приобретает новые качественные характеристики.

Явления возрождения интереса к этнической культуре, традиционным религиозным ценностям, а также усиление национально-религиозного экстремизма подтверждают факт переосмысления современными обществами традиционных ценностей как реализация потребности в устойчивых ориентирах и стандартах. В настоящее время «глобальная» идентичность лишь начинает формироваться среди жителей крупнейших городов и представителей транснациональных элит, в большинстве же обществ новые формы идентичности опираются скорее на ценности и стандарты локального уровня. Подобные процессы, кажущиеся усилением традиционализма и противопоставляемые глобализации, в действительности связаны с наиболее эффективным способом «утверждения неизменной реальности в бесконечно изменяющемся мире» [6].

Во-вторых, дискуссия о перспективах идентичности в глобализирующемся мире затрагивает и проблему индивидуализации, роста автономности современной личности, прогрессирующего ослабления связей личности с определенной социальной средой или группой. Процесс индивидуализации понимается как повышение роли самоопределения личности, самостоятельного выбора ею ценностей, целей, моделей поведения, что, однако, порождает сложные – в том числе и идентификационные – внутренние конфликты.

В отдельных исследованиях можно обнаружить характеристику индивидуализации как основного содержания глобализационных процессов, но не их последствия [7]. Следовательно, общая «тенденция к нарастанию разнородности», характеризующая глобализационные процессы, напрямую связана также и с усилением автономности и вариативности ценностно-мотивационных, поведенческих предпочтений современной личности.

Таким образом, антропологическое содержание глобализации, достаточно четко обозначенное в современных – как западных, так и отечественных – исследованиях, представляется одной из базовых характеристик процессов современности. И поскольку вопрос о перспективах «глобализирующихся» общества, индивида, личности остается открытым, небезосновательным видится философско-антропологический анализ особенностей объективации современного общественного и индивидуального сознания.

#### *Литература*

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию/ Пер. с нем.; общ. ред. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 43.
2. Там же. С. 89.
3. Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность // Социс. – 2002. - № 3. – С. 22;
4. Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. - 2003. - № 1. - С. 5-23.
5. Глобализация. Модернизация. Россия (круглый стол) // Полис. - 2003. - № 2. - С. 48; Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. – 2003. - № 6. – С. 50-59.
6. Алексеева Т. «Реванш кочевников», или ценностное осмысление глобализации // Космополис. – 2003, лето. - № 2. - С. 88.
7. Дилигенский Г.Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - № 7. - С. 4-15.

## **К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ РУССКОГО БОЛЬШИНСТВА**

Современная ситуация дает много примеров роста этнической напряженности. Можно говорить о двух четко выраженных тенденциях: с одной стороны, идет дальнейшее усиление глобализации, что позволяет некоторым исследователям говорить о стирании этнических границ, с другой – наблюдается явный рост коллективных идентичностей, среди которых этноконфессиональная становится одной из самых главных. В таких условиях большую важность приобретает вопрос о том, как отреагирует этничность на вызов времени, как выстроится дальнейшая тенденция развития межэтнических отношений.

В условиях, когда границы расселения народов не совпадали с границами ряда субъектов федерации, русский этнос, рассредоточенный по всей территории, в случае самоопределения, проводимого от имени только «титულიной» нации в республике, попал в ситуацию политического и социально-психологического дискомфорта. Исследователи отмечают мобилизацию русских по этническому принципу, возрастание ксенофобии и кавказофобии. Таким образом, проблема этничности вообще и русской этничности в частности приобретает большое значение. В такой ситуации целесообразно выяснить, что же такое русская этничность, и каковы факторы, определяющие ее границы?

В современной науке не существует единого понимания того, что такое этнос. До сих пор идут дискуссии вокруг примордиалистской и конструктивистской концепции в понимании этничности. Основу примордиалистского подхода составляет органический национализм. Он считает, что мир состоит из естественных наций. Сторонники примордиализма понимают этничность как явление социальное, устойчивое, присущее всем историческим эпохам. В самом примордиализме выделяются два подхода: культурный и биосоциальный. Социобиология утверждает, что этнические группы и нации следует рассматривать как своеобразные расширенные родственные группы и что этнические группы должны быть результатом особых генетических репродуктивных тенденций. Ныне принципы органического национализма считаются сомнительными. Мир не состоит из «естественных» наций, если его не делает таковым мышление. [1]

Биологический подход не в состоянии прояснить многие вопросы. Это делает необходимым обращение к структурному и/или культурному объяснению. И потому глубокое ощущение «примордиальности» (врожденности) этнической принадлежности становится скорее исключительно культурным, нежели биологическим явлением. [2]

Иначе интерпретирует этничность конструктивизм. Здесь этнос – не устойчивая общность с культурными характеристиками, а общность людей, разделяющих представления о сходных чертах культуры, обладающая мифом об общем происхождении и солидарностью. Важно заметить, что такой подход не означает отрицания реальности существования народов. [3]

Так, Ф. Барт определяет этничность как форму социальной организации культурных отличий. Этническая граница в данном случае понимается как субъективно осознаваемая и переживаемая дистанция. Она определяет группу, а первичную значимость имеют те культурные характеристики, которым группой придается маркирующее значение. При этом этнические границы и их характеристики – результат не только исторических, но также экономических и политических обстоятельств и ситуаций. [4]

Такая точка зрения характерна для современной отечественной этносоциологии. Но в отличие от подхода Ф. Барта, наши исследователи исходят из того, что для маркировки различий и определения групповых границ могут иметь значение не только «культурные характеристики». Обращается внимание на политические и социальные ориен-

тации этнических групп. При этом этническая граница понимается, прежде всего, как акт сознания. По мнению Л.М. Дробижевой, существенные культурные маркеры ситуативны. Важнейшим из них сейчас является язык. В условиях перемен он часто играет роль политического символа и чаще всего становится опорой для этнической мобилизации. [5] Религия – то фактор, которому в последнее время учеными и политиками все чаще придается дистанцирующее значение. Ощущение принадлежности к конфессии – одна из опор для этнической идентификации. [6]. И, наконец, область, где этническая граница реально ощущается и переживается людьми – это психологическая сфера. Но при рассмотрении русской этничности становится очевидным, что язык не может служить тем фактором, который позволяет четко определить этническую границу. На территории России значительная часть населения свободно говорит на русском языке и считает его родным вне зависимости от этнической принадлежности. И если для титульных национальностей язык является важным дистанцирующим фактором, то в отношении русского языка такого сказать нельзя.

Обратимся к конфессиональному фактору. Конечно, в некоторых регионах, где титульная нация исповедует ислам, отношение к той или иной религии тесно связано с этнической идентичностью. Но в большинстве сибирских республик, в частности и в Хакасии, связать вероисповедание с этничностью достаточно сложно. Так, среди хакасов преобладают христиане. И хотя в обыденном поведении среди хакасов обращение к шаманским обрядам, встречается довольно часто, язычниками они себя не называют. В такой ситуации «православность» не может быть этническим маркером.

В большей степени русские ощущают этническую границу в психологической сфере. «Я - русский», не потому, что я знаю русский язык и исповедую православие, а потому что «я так чувствую». Получается, что нет четких критериев соотнесения себя с русской этничностью. И дело вовсе не в фенотипе: русская (как и славянская) внешность – понятие в большей степени виртуальное. Дело не в религии и не в языке. Фактически, русская этничность – это некий мыслительный конструкт, и все вышеназванные этнокультурные маркеры действуют только в случае с русскими эмигрантами, т.е. тогда, когда они составляют этническое меньшинство.

Иными словами маркеры этнической границы большинства следует искать в психологической сфере, причем основой этнической идентификации будет только собственное переживание индивида.

#### *Примечания*

1. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – С. 270-271.
2. Там же. - С. 277-279.
3. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – С.19-20.
4. Там же. – С.73-76.
5. Там же. – С.65; 101
6. Там же. – С.70-71.

### **ФЕНОМЕН ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ НАУКЕ\***

**С. В. Литвинов**

Институт философии и права СО РАН

Еще с середины 80-х гг. XX в. в отечественной науке, на стыке этнографии, этносоциологии, этнопсихологии, истории и социальной философии, ведется оживленная дискуссия по теоретическим проблемам этничности. Ученые выясняют суть этничности, приходят к разнообразным, часто прямо противоположным выводам.

Наиболее распространена сейчас теория этноса, в целом сформулированная в 70-е гг. Ю.В. Бромлеем. Согласно ей, этнос (этникос) - это "исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими и относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также осознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)" <sup>1</sup>. При этом отмечается, что "выступая в качестве важнейшего условия формирования этноса, целостность территории не является строго обязательным фактором воспроизводства всех его частей" <sup>2</sup>, что язык может не совпадать с этносом, а особенности культуры играют этническую роль только тогда, когда осознаются как таковые <sup>3</sup>. Абсолютно необходимыми этническими признаками признаются лишь этническое самосознание и самоназвание, неразрывно связанные между собой <sup>4</sup>. Причем этноним должен устойчиво сохраняться на протяжении ряда поколений людей.

Колпаков Е.М. показал недееспособность современного понятия "этнос". Действительно, устойчивость самосознания и этнонима "невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить эмпирическими фактами" <sup>5</sup>. В свою очередь, признак сложности на определенной территории трудно установить из-за неполноты или отсутствия источников <sup>6</sup>.

В начале 90-х гг. Чешко С.Д. приходит к выводу, что "этничность - есть доопытный и, более того, внеопытный принцип организации человечества, своеобразная сверхсоциальная субстанция, имеющая иррациональную природу". Она обнаруживает себя как недетерминированный никакими материальными причинами социальный инстинкт-инстинкт коллективности <sup>7</sup>. Он же, подмечая неуловимость этнического, которое "может проявляться повсюду, влиять на любые сферы, которое может проявляться повсюду, влиять на любые сферы жизни и деятельности человека, и в то же время, его нигде нет", ставит "проклятый" по его выражению (в смысле его нерешаемости), вопрос в силу каких причин люди вырабатывают "этнические конструкции" <sup>8</sup>.

Решение этой проблемы предлагает Колпаков Е.М., утверждающий, что "этнос есть группа людей, продолжающих осознавать свое единство после того, как они уже перестали составлять некую общность, в которой это сознание сформировалось" <sup>9</sup>. Причем, "именно в больших группах - социальных организмах возникает необходимость закрепления сознания единства общности в отвлеченных и доступных каждому символах (в этом особенно заинтересованы стоящие у власти), такие общества образуются в эпоху "военной демократии" <sup>10</sup>. Таким образом, Колпаков Е.М. выступает представителем инструменталистской теории этноса. Представителем примордиалистского подхода является Арутюнов С.А., согласно концепции которого, "в основе возникновения и поддержания этносов лежат густоты коммуникационных, информационных связей (всеобщей их совокупности)" <sup>11</sup>.

Итак, исследование сути этничности безотлагательная и важнейшая задача науки, ее решение необходимо искать на стыке различных наук: этнологии, философии, психологии, социологии, географии, истории. Аксиоматично, что человек есть существо биосоциальное, т.е. формирование его сущности происходит в двух сферах. Во-первых, в биосфере (ландшафт, и, если считать человеческий организм частью природной среды - гены, инстинкты, низшие потребности), во-вторых, в ноосфере (общество, язык, культура, история, государство и т.д.). Очевидно, что при анализе феномена этничности не обойтись без системного подхода, выдвинутого еще Л. Берталанфи, и соблюдения принципа историзма. Наиболее последовательно эти два подхода использует Гуми-

лев Л.Н., предложивший считать этнос "явлением географическим; всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты земли разнообразны, разнообразны и этносы"<sup>12</sup>. Интересным является утверждение о том, что "природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляют себя ("мы") всем другим коллективам ("не мы"). Это явление противопоставления связывает социальные формы со всеми природными факторами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру"<sup>13</sup>.

Дальнейшее развитие идеи Гумилева Л.Н. получили в работе Рагулиной М.В., где автор приходит к выводу, что "правила и традиции освоения группой пространства определяются этнической моделью мира, которая сложилась на основе селективного восприятия реальности для целей оптимального жизнеобеспечения и духовной самореализации народа"<sup>14</sup>.

Итак, большинство авторов сходятся во мнении, что этничность является не целью активности общества, а адаптивным средством, незримо присутствующим в любой деятельности человека, даже если он это не осознает или активно не желает. Вот почему, дальнейшее изучение феномена этничности, совершенствование критериев этноса жизненно необходимо для понимания механизмов гармонизации взаимоотношений между этносами. Однако, обратив внимание на феномен этничности, можно выделить понятие этнической идентификации. Этническая идентификация - процесс осознания индивидом своей принадлежности к этнической группе.

Какое содержание вкладывается в понятие этническая идентичность? Согласно определению А. Турена, "идентичность - осознанное самоопределение социального субъекта", следовательно, идентификация - это процесс эмоционального и иного самоотжествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей. Принятие той ли иной идентичности опосредует связь идентификации (процесса становления, функционирования и развития идентичности) с сигнификацией, понимаемой как процесс реализации этой идентичности в общественной практике человека или группы. Идентификация и сигнификация включены в механизм социализации личности и выполняют важную адаптивную функцию.

Понятие "идентификация" впервые введено в научный оборот З. Фрейдом в 1921 г. в эссе "Психология масс и анализ Я". Исследователи отмечают при этом, что З. Фрейд вкладывал в него содержание близкое по смыслу понятию "подражание", ключевому для теории Тарда. В частности, Элленбергер пишет: "То, что Тард называл подражанием, Фрейд назвал идентификацией, и во многих отношениях похоже, что идеи Фрейда это и есть идеи Тарда, выраженные в психоаналитических понятиях". Это нетрудно доказать: в одной из работ Фрейда идентификация определяется как "... ассимиляция одного "Я" другим, в результате которой первое "Я" ведет себя в определенном отношении так же, как и второе, имитирует его и в некотором смысле вбирает его в себя" [17, с. 311]. Каждый индивид, по мнению З. Фрейда, есть частица множества масс, связанных посредством сети идентификаций. И потому человек строит свой идеал "Я", руководствуясь множеством образов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. Функция процесса идентификации двойственна. Во-первых, он включен в процесс социализации человека. Во вторых, выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир. У человека создается впечатление, что он один перед лицом опасности, он превращается в антисоциальное

существо, руководствующееся в поведении формулой "Каждый за себя!". Это состояние З. Фрейд назвал "психологической нищетой масс".

Отметим еще раз, что механизмы этнической идентификации имеют субъективную психологическую природу. Но при этом этничность обуславливается и поддерживается факторами, существующими для каждого отдельного индивида объективно. Это территория, язык, религия, государство, традиции, овеществленные в материальной культуре и базовых моделях повседневного поведения, эстетические и этические каноны и т.д. Этническая идентификация рассматривается рядом авторов как многоуровневое образование. "Первый уровень - это классификация и собственно идентификация, являющиеся основанием для формирования оппозиции "мы - они". Второй уровень составляет "формирование образов", т.е. приписывание этническим общностям определенных культурных, статусных и т.п. характеристик. Третий - уровень этнической идеологии, под которым понимается "более или менее связный взгляд на прошлое, настоящее и будущее своей собственной группы в отношении к иным этническим группам"[18, с. 10-11].

Таким образом этническая идентификация в силу своей многоуровневости требует рассмотрения на социально-философском подходе потому что конкретно научные подходы и исследования не рассматривают данный феномен во всей его полноте.

\* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-03-00531

#### *Примечания*

1. Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 11.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1998. С. 50.
3. Там же. С.56.
4. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 157-158.
5. Колпаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО. 1995. №5. С.14-15.
6. Там же. - С. 15.
7. Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО. 1994. №6. С. 41.
8. Там же. С. 38.
9. Колпаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО. 1995. №5. С. 19.
10. Там же. С. 58.
11. Арутюнов С. Л. Этничность объективная реальность // ЭО. 1995. №5.
12. Гумилев Л.Н. Этнос и биосфера Земли. Л., 1989. С. 58.
13. Там же. С. 20.
14. Рагулина М.В. Географическое понимание этничности // География и природные ресурсы. М., 2000. С. 21.
15. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Перевод с французского Е.А.Самарской, ред. М.Н.Грецкий. М:Научный Мир, 1998.
16. Генри Ф. Элленбергер. Открытие бессознательного. СПб., 2001. С.
17. З. Фрейд. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1926. С. 311.
18. Скворцов Н.Г. Этничность и трансформационные процессы// Этничность. Национальные движения. Социальная практика: Сб. статей. СПб.,1995. С. 10.

#### **ТЕМАТИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ В РАБОТАХ М. ХОРКХАЙМЕРА**

**И. А. Бердникова**

Томский государственный университет



В данной работе будет представлена попытка, рассмотреть критику позитивизма и прагматизма, представленную в социальной теории М. Хоркхаймера, которая стала поводом для одной из самых значительных дискуссий двадцатого века – почти полувекового спора о позитивизме в немецкой социологии между теоретиками Франкфуртской школы и представителями позитивизма (К. Поппер, Х. Альберт). Целью данного рассмотрения является попытка эксплицировать альтернативную форму социальной теории.

В качестве господствующих тенденций в научном познании Хоркхаймер выделяет позитивизм и прагматизм, но если в естественно научном познании эти направления демонстрируют собственную методологическую состоятельность и эффективность, то в их применение в социальном познании влечет за собой кризис теоретико-методологических оснований.

В статье «Замечания о науке и кризисе» Хоркхаймер указывает, что попытка обоснования социального познания через апелляцию к фактам действительно имело позитивное значение, и было вызвано желанием, избавиться от метафизического груза чисто схоластических препятствий исследованию. Однако рецепция позитивистских методов исследования привела к кризису социальных дисциплин, поскольку естественнонаучное исследование ориентированно не столько на чистое выявление закономерностей и систематизацию фактов, сколько на возможность «планового» обращения с природой. Анализ фактов не только вскрывает порядок физического мира, но делает возможным через функцию предвидения владение природой. Именно в возможности предвидения, открывающего путь к природному владению, Хоркхаймер видит социальную и экономическую функцию современной науки. Кризис социальных дисциплин вызван тем, что доступное естественнонаучному познанию функция предвидения оборачивается хроническими промахами в социологии. Высокая степень надежности естественнонаучных предвидений вызвана специфическим для этого вида научной деятельности неисторическим отношением к познаваемому объекту. Возможность вневременного отношения между субъектом и объектом естественнонаучного познания открывает возможность формулировать универсальные суждения и законы. Ориентация на методологию познания позитивизма подразумевает, что констатация факта нейтральна, однако социальное познание имеет дело с фактами, которые изначально общественно предопределены двояким способом: «историческим характером воспринимаемого предмета и историческим характером воспринимающего органа» [1]. Научное предвидение представляет собой форму категорического суждения, не допускающего возражений, соответственно в рамках естествознания пропадает необходимость различать предвидение и прогноз. Однако такое различие является ключевым для социальных дисциплин: замена функции предвидения на функцию прогнозирования оставляет необходимое пространство для критической рефлексии, как исходных оснований исследования, так и общественного состояния, спасая от прагматистской зависимости от коэффициента полезного действия (Nutzeffekt). Очевидно, что при отказе от функции предвидения и ориентации на универсальные законы социальная теория теряет претензию на абсолютную истину, однако недостаток функции прогнозирования, как раз и вскрывает патологичность общественного развития, демонстрируя, что «общественные процессы еще не в коей мере не являются продуктами человеческой свободы, а естественным результатом слепой деятельности антагонистических сил»[2].

При этом, будучи наследником социальной теории Маркса, Хоркхаймер рассматривает кризис социального познания как результат социальных патологий современного общества. Таким образом, критика оснований социального познания открывает возможность критической рецепции общества, что одновременно является вкладом в

эмансипацию социальных отношений и устранение общественных патологий. Отказ от позитивистской ориентации на универсальные законы и факты, а так же от продиктованной прагматизмом инструментальной функции социального познания, превращающей его в звено экономического производства, открывает возможность рецепции подлинной природы социальной теории – общественной практики нацеленной на качественное изменение и эмансипацию целого – общества как тотальности.

Таким образом, альтернативная социальная теория представляет собой критику социальных патологий, в которой критика патологий и общественные изменения тождественны.

### *Литература*

1. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie // Gesammelte Schriften Bd. 4, Frankfurt a. M.: Fischer, 1988 S. 174
2. Horkheimer M. Zum Problem der Voraussage in den Sozialwissenschaften // Gesammelte Schriften Bd. 3, Frankfurt a. M.: Fischer, 1988 S. 155

## **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА)**

**С. В. Братюшенко**

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

За последнее десятилетие в нашей стране произошло множество серьезных изменений. Предпринимательство – одно из явлений общественной жизни, которое принесла с собой экономическая реформа. Предприниматель стал видной фигурой экономики, поскольку без творческого подхода к организации производства, использования новых комбинаций в сфере производственной деятельности и в сфере обращения, а также смелого и рискованного подхода к организации дела невозможно получить прибыль.

Известно, что предпринимательство не носит массовый характер, но количество предпринимательских структур в России не соответствует подобным соотношениям в западных странах. Одними из причин медленного развития предпринимательства являются несовершенство законодательной базы и высокие налоги. Но, при этом, правительство России рассматривает предпринимательство как берущее на себя решающую роль в поддержке преобразований, преодолении кризиса и решении социальных проблем.

Но, что значит быть социально ответственным? Направлять часть прибыли на социальные программы региона или строго соблюдать российское законодательство? Это зависит от позиций, с которых приходится отвечать на эти вопросы, в первую очередь философских.

Теоретические подходы к изучению предпринимательства. Понятия “предпринимательство” и “предприниматель” в научный оборот впервые были введены английским экономистом начала 18 века Ричардом Контильоном. По его определению, предприниматель – это человек, действующий в условиях риска ради получения выгоды. Предпринимательство представляет собой комплексное социально-экономическое явление, включающее такие неперенные атрибуты как экономическую активность и самостоятельность, направленную на целесообразную и инновационную деятельность с целью организации производства и предложение рынку такого товара или услуги, которые бы вызвали на рынке интерес и принесли предпринимателю прибыль.

Первые представления о предпринимательстве (начало 18 века) связывались с такими его чертами, как организаторские способности, упорство, рассудительность, самостоятельность в принятии решений, экономическая рациональность. Вторую волну представлений о предпринимательстве связывают с Й. Шумпетером, который во главу угла предпринимательской деятельности ставил способность предпринимателя к инновациям [1, с. 9]. После Второй мировой войны формируется "третья волна" представлений о предпринимательстве. Теоретические исследования сущности предпринимательства отличаются акцентом на особых личностных качествах предпринимателя и на роли предпринимательства как регулярного начала в уравнивающейся экономической системе. Неоавстрийская школа в лице Л. Мизеса, Ф. Хайека и Н. Кирцнера вызвала новую волну в развитии теории предпринимательства, обосновывающей полифункциональность модели предпринимательства. Четвертое направление характеризуется определением социально-экономической значимости данного явления как фактора производства особого рода, получающего форму определенной теоретической концепции сначала у Ж.Б. Сэя, затем у Маршалла А. и Т. Шульца [1, с. 15].

Выделяют несколько функций предпринимательства, например, экономические и социальные [2, с. 64]. Социальная функция предпринимательства способствует прогрессу технологий, техники, науки, организации производства, повышению качества продукции и снижению издержек производства, созданию новых рабочих мест и занятости населения, а, следовательно, создает основы богатства людей и общества в целом.

Одни теоретики (В. Рошер, Б. Гильдербранд, Ж. Тюрго и другие) определяют функцию предпринимательства как управление и владение капиталом, другие (Ж.Б. Сей, Д. Милль) говорят только об управлении капиталом. Третья группа (Р. Кантильон, Дж. Тюнен, Ф. Найт и другие) связывает предпринимательскую функцию с несением бремени риска и неопределенности в процессе экономического развития. Некоторые исследователи (Ф. Тоссиг, Й. Шумпетер, П. Дракер, Л. Мизес, Ф. Хайек) подчеркивают активную, инновационную функцию предпринимательства в условиях неполноты имеющейся информации на рынке. По мнению Й. Шумпетера предпринимательство является двигателем развития капитализма и реализует функцию творческого разрушения, осуществляет "новые комбинации факторов производства" [3, с. 169]. В рамках институциональной экономической теории (Р. Коуз, О. Уильямсон) функция предпринимательства состоит в экономии транзакционных издержек и регулировании таким образом свободного рынка.

Предприниматели, по Шумпетеру, не образуют особой профессии или отдельного класса. Речь идет именно о функции, осуществляемой периодически разными субъектами. В противовес функциональному подходу структурный подход выделяет предпринимателей как социальный слой. Обычно к этому слою относят создателей и руководителей новых, в первую очередь негосударственных структур.

Возникновение и развитие института предпринимательства на Западе оказало революционизирующее воздействие на общество и человека. Феномен предпринимательства распространил свое влияние не только на экономическую, но и на социальную, нравственную, политическую, культурную и другие сферы жизнедеятельности людей. Этот процесс занял не один век, а для России только начинается становление культуры предпринимательства.

Как проявление особого *этоса* хозяйственного поведения и "духа капитализма" предпринимательство исследовалось М. Вебером, В. Зомбартом, Э. Трёльчем, Г. Шмоллером, Т. Парсонсом и другими.

Главная идея Веберовской социальной философии - идея экономической рациональности, нашедшей своё выражение в современном капиталистическом обществе с

его рациональной религией (протестантизм), рациональным правом и управлением (бюрократия), рациональное денежное обращение и т.д., обеспечивающими возможность максимума рационального поведения в хозяйственной сфере и позволяющими добиться предельной экономической эффективности. Эта тенденция, по Веберу, проникает во все сферы межчеловеческих взаимоотношений и культуры.

Вебер определял дух капитализма как некоторый способ мышления и поведения предпринимателя нового типа, который включает в себя "систематическое" и "рациональное" стремление к большей выгоде в рамках своей профессии. В определенный период времени встретились несколько феноменов, которые несли рациональное начало: античная наука, рациональное римское право, рациональный способ ведения хозяйства (благодаря отделению рабочей силы от средств производства). Моментом, который позволил синтезировать эти элементы оказался протестантизм. Именно протестантизм возвел экономический успех в религиозное призвание. Одной из основных идей протестантизма является идея избранности. Количество богатства показывает в жизни на Земле, что человек избран перед Богом, причем эта избранность зарабатывается трудом. Человек обязан тщательно выполнять свои профессиональные обязанности. При этом жажда богатства сопровождается все большим отказом от наслаждений, даруемых деньгами. Согласно нормам протестантской этики к достоинствам людей делового мира относятся такие качества, как предприимчивость, деловая хватка, честность, инициативность, бережливость, расчетливость, социальное честолюбие и карьеризм, а к порокам - безделье, расточительность, нечестность по отношению к взятым обязательствам, преувеличенное честолюбие, необоснованная и неоправданная щедрость [4, с. 37]. А именно эти качества оказались решающими для становления капитализма.

В отличие от Вебера, В. Зомбарт решающее значение в появлении капитализма отдал католицизму. При непосредственном влиянии древних философов на первые проявления предпринимательского духа. Зомбарт отмечает: "...начатки капитализма относятся к тому времени, когда церковь подчиняла своим правилам всю общественную жизнь; когда поэтому всякое проявление жизни должно быть рассматриваемо в то же время и как занятие определенной позиции по отношению к церковному закону, к этическим воззрениям религии: католическое христианство сделалось ведь основой всей западной культуры, которая сложилась в "единую христианскую культуру" [5, с. 174]. Зомбарт выделяет два элемента, составляющие капиталистический дух: предпринимательский дух и мещанский дух, которые только объединившись образуют капиталистический дух. Оба эти составных элемента сами по себе сложной природы: предпринимательский дух это синтез жажды денег, страсти к приключениям, изобретательности; мещанский дух состоит из склонности к счету и осмотрительности, из благоразумия и хозяйственности [5, с. 19].

Ответственность как философская категория. Фигура предпринимателя в современной рыночной экономике неразрывно связана с понятием ответственности. Ответственность перед государством, обществом, партнерами. Под *ответственностью* в философии понимают отношение зависимости человека от чего-то, воспринимаемого им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий [6, с. 172].

Ответственность может быть обусловлена: а) ненамеренно (естественно или случайно) обретенным человеком статусом (напр., ответственность родителей), б) сознательно принятым им социальным статусом (напр., ответственность должностного лица) или заключенными соглашениями (напр., ответственность наемного работника). Ответственность, обусловленная статусом, осознается человеком как призвание, обусловленная соглашением — как *обязанность*. Она может быть двоякой: а) накладываемой групповыми, служебными или какими-то иными локальными обязанностями, сближа-

ется в таком понимании с подотчетностью; б) самостоятельно принимаемой личностью в качестве личного *долга*.

Организация может проявлять ответственность как по отношению к своим работникам, так и к внешней среде организации: своим клиентам, партнерам, группам людей, чьи интересы могут быть затронуты некоторыми действиями организации, и общностью (локальной, в которой находится организация, и глобальной, по отношению к государству или человечеству в целом).

В философии понятие *обязанности* исторически складывается в значении должного вообще. Ф. Бэкон, затрагивая проблему обязанности в связи с проблемой общественного блага, считал, что это проблема не общественной науки, а учения о человеке, живущем в обществе. Он различал учение об общих обязанностях (обязанностях человека как человека) и учение о специальных, или относительных, обязанностях (профессиональных, статусных). Учение об относительных обязанностях предполагает, по Бэкону, изучение всякого рода обманов и ухищрений и охватывает также "взаимные обязанности" (между супругами, родителями и детьми, друзьями, коллегами). Гоббс, неоднократно упоминающий различные отдельные обязанности, не дает им специального разделения, однако из контекста его рассуждений легко реконструируется его понимание обязанности как долженствования, детерминированного законом. Соответственно, каковы законы (естественный, гражданский, церковный), таковы и обязанности [3, 36].

Кант существенно уточняет это понимание: "правовые обязанности", т. е. такие, для которых возможно внешнее законодательство, он отличает от "обязанностей добродетели", для которых не может быть внешнего законодательства, поскольку они направлены к цели, которая сама есть также и долг. Но долг определяется (довольно близко к гоббсовскому пониманию обязанности) как необходимость действия из уважения к закону. При этом у Канта долг и обязанность фактически дифференцированы нестрого; нравственная обязанность трактуется как долг; наряду с "долгом добродетели" говорится о "правовом долге". Кант делит обязанности на обязанности по отношению к себе и обязанности по отношению к другим, которые в свою очередь имеют дополнительные деления. Обязанность является совершенной, если она не допускает никаких ограничений со стороны других обязанностей, и несовершенной, если допускает ограничения.

Определяя понятие долга, Кант делает замечание, важное для дальнейшего развития понятия обязанности: "Всякому долгу соответствует некое право, рассматриваемое как правомочие" ("Метафизика нравов"). Это соответствие было уточнено Гегелем по отношению к обязанности: человек обладает "правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и обязанностями, поскольку у него есть права" ("Философия права") [6, с. 139].

В истории философии идея ответственности развивается в связи с темами свободы (свободы воли, принятия решения, свободы действия), вменения и вины. Понимание ответственности зависит от понимания свободы.

Свобода - одна из основополагающих для европейской культуры идей, отражающая такое отношение субъекта к своим актам, при котором он является их определяющей причиной и они, стало быть, непосредственно не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами [6, с. 501]. Формально свобода человека обнаруживается в свободе выбора; но выбор реален при наличии альтернатив, также доступных познанию. Свобода - одно из условий ответственности, ответственность - одно из проявлений свободы: человек вправе принимать решения и совершать действия согласно своим мнениям и предпочтениям, но он должен отвечать за их последствия и не может перекладывать вину за негативные результаты своих решений и действий на других [6, с.172]. Аристотель не использует специальное понятие "ответственность", но, отмывая

отдельные аспекты произвольности и виновности, он достаточно полно раскрывает феноменологию ответственности. Человек, по Аристотелю, властен совершать как прекрасные, так и постыдные поступки, от него зависит, поступки какого характера он совершает, и в соответствии с этим ему оказывают почести или его наказывают по суду. Ответственность, т.о. предполагает информированность человека об условиях действий и требований, которые к нему предъявляются: некто N ответствен за действие или событие X, если X совершено намеренно и со знанием возможных последствий. Но и неведение, на что также указывал Аристотель, в отдельных случаях может быть вменено судом, в вину человеку, и тогда он будет нести двойное наказание.

Мера свободы человека удостоверяется мерой его ответственности. По мере расширения круга тех, перед которыми и за которых человек считает себя ответственным в своей свободе, он преодолевает тесные пределы условности, или частичности своего существования. Потенциально ответственность человека безмерна. В христианстве - образом Иисуса - был задан ее универсальный масштаб. В экзистенциализме ответственность "распространяется на все человечество" (Ж.-П. Сартр): поступая определенным образом, человек тем самым как бы выбирает в себе человека, стремящегося до конца исполнить свой долг, или проявить себя в качестве совершенно свободного человека. В неопротестантской теологии делается акцент на эсхатологическом аспекте ответственности, который заключается в том, что человек ответствен не только за себя, за окружающих и перед всем человечеством, но и перед Богом - его эсхатологической волей: человек утверждает ответственный образ жизни, уповая на милосердие Бога и ожидая прихода Царства Бога.

С середины XIX века термин "ответственность" начинает все чаще появляться в дискуссиях, где затрагиваются темы "христианской ответственности" бизнесменов. В дальнейшем расширение сферы управленческой практики, усиление мощности и увеличение масштабов последствий управленческих воздействий необходимо привело к тому, что религиозные философы и теологические моралисты обратились к теоретическим обоснованиям понятия "ответственность" в новых социально-исторических условиях. Наиболее значимыми здесь являются работы М.Бубера, К.Барта, Р.Нибура.

М. Бубер считал, что "Подлинная ответственность есть лишь там, где есть действительная возможность ответа" (7, с. 106). Эта возможность ответа на то, "что с человеком случается, что он видит, слышит, чувствует", дается человеку "внимающему", именно от внимающего человека можно ожидать, что он "воспримет происходящее творение".

"Ответственность фактически существует лишь в том случае, если есть инстанция, перед которой я ответственен" (7, с. 107). Ответственность у Бубера никак не связана с обязанностью, она для него является только возможностью, но она для него действительно возможна. Отвечая на вопрос своих оппонентов о том, может ли руководитель большого технического предприятия проявлять диалогическую ответственность, Бубер утверждает, что, безусловно, может. Он проявляет ее, если воспринимает людей, которые работают, как личности и соответственно относится к ним (7, с. 123-124). И хотя Бубер признает, что такая ответственность субъекта управления пока представляется достаточно фантастичной, но он верит, что это будет только до тех пор, пока кто-то, действуя подобным образом, не добьется успеха.

В рамках современной моральной философии существуют два основных направления: 1) деонтология и 2) утилитаризм. С точки зрения деонтологии, поступок считается моральным, если он предполагает полную свободу выбора, доступен для каждого, никому не причиняет вреда и некоторым приносит выгоду. Производство некачественных продуктов, взяточничество - все эти поступки, с позиции представителя деонтологии, нарушают нормы морали. Идеал утилитаризма можно кратко сформулировать следую-

щим образом: "Больше пользы для большего числа людей" [9, с. 43]. Капиталистическая система, теоретически описанная в трудах А. Смита, служит ярким воплощением этики утилитаризма. Если в центре деонтологической традиции стоит индивидуум, то утилитаризм фокусирует свое внимание на благе общества в целом. Адам Смит считал, что внешне непривлекательные действия могут приводить к положительным результатам. Выделяются два взаимосвязанных аспекта: 1) стремление к частным целям, 2) достижение эффективных результатов. Таким образом, многие бизнесмены в своей деятельности руководствуются положением о том, что увеличение прибыли должно сопровождаться формированием положительных результатов в области экономики.

Поддержание высоких этических стандартов повышает конкурентоспособность корпорации, но, если взять какие-то отдельные случаи, неэтичное поведение может принести больший доход, чем поведение этическое. Успех в деловом мире возможен лишь тогда, когда каждый предприниматель ожидает от своих конкурентов соблюдения этических норм. Этичное поведение достаточно сложно осуществлять, если в обществе практикуется или открыто не осуждается неэтичное поведение.

Культура оказывает непосредственное влияние на этику бизнеса. Корпоративная культура включает в себя нормы, обычаи, убеждения, стандарты, распространенные в мире бизнеса. Разница заключается лишь в том, что одни представители деловых кругов в большей степени разделяют эти нормы, а другие - в меньшей. Таким образом, чтобы сформировать корпоративную социальную ответственность и нормы этического поведения, необходимо установить строгие организационные ценности. Эти ценности должны стать выше тех индивидуальных убеждений, которые способны подталкивать людей к неэтичным поступкам.

Чувство этической ответственности может стать составной частью корпоративной культуры благодаря подходу социального планирования. Применение этого подхода в сфере бизнеса позволяет: 1) прогнозировать этические проблемы; 2) применять критерий социальной ответственности и средства этического анализа; 3) выявлять те корпоративные ценности, которые приобретают наибольшую значимость в деловом мире; 4) интегрировать эти ценности в рамки корпоративной культуры" [9, с. 53-54]. Важную роль бизнесе играет этический имидж, который фирма стремится поддерживать.

Социальная ответственность в экономико-социальном понимании это контракт между бизнесменом и обществом, в котором он функционирует.

Одну из позиций относительно ответственности в бизнесе можно охарактеризовать так: "В бизнесе нет места этике". Так, бизнесмена нельзя рассматривать в качестве морального субъекта, поскольку любой бизнесмен озабочен проблемами выживания, роста и прибыли и не способен к альтруистическим поступкам [9]. Схожей позицией обладает "тезис о гармонии", согласно которому все, что действительно полезно для бизнеса, корректно с моральной точки зрения. Сторонники этой позиции убеждены, что бизнес играет в обществе исключительно экономическую роль, и долг менеджера - с помощью производства конкурентоспособных товаров и услуг обеспечить акционеров наиболее высокими прибылями от их инвестиций.

Есть вариант считать, что ответственность отождествляется с юридической ответственностью, т.е. любые действия в рамках юридической законности считаются морально ответственными. Другую позицию можно охарактеризовать девизом: "Максимальная прибыль - единственная обязанность бизнеса". Если представители предыдущего направления не считали морально ответственным преступить закон, чтобы предотвратить чей-либо ущерб, то сторонники этой позиции утверждают, что у них есть обязанность и соответствующая ответственность преступить закон, чтобы преследовать чью-либо пользу. Сторонники пятой позиции допускают, что в бизнесе есть место морально-этической ответственности, не связанной напрямую ни с юридической, ни с

профессиональной. Но, понимают ее как инструмент или условие, которое должны обеспечивать менеджеры для достижения целей корпорации. Так понятая морально-этическая ответственность должна вести к успеху и сохранять успех. А если она не выдерживает этой проверки сейчас или когда-нибудь в будущем, то она может быть отброшена по прагматическим соображениям.

На первый взгляд, позиция сторонников данного направления хорошо согласуется с позицией философского прагматизма, который не абсолютизирует никаких отдельных результатов, хотя и ориентирован на осмысление итогов, последствий, и сущность его как метода состоит именно в том, чтобы обеспечивать эти результаты. Это служило основанием для обвинения прагматизма в том, что он "не сводит глаз с непосредственных результатов" [10, с. 25]. Философский прагматизм (прежде всего Джеймс) этическую ответственность связывает преимущественно с достижениями более высоких идеалов, которые не могут диктоваться только условиями выживания корпорации. Этическая ответственность существует всегда, когда индивид пользуется своим правом на риск ради достижения лучших идеалов, ставя при этом на карту свою жизнь и репутацию. Бизнес, как и любой другой вид деятельности, не может оставаться свободным от этической ответственности.

В современной социальной философии права ставится вопрос и о «корпоративной ответственности», т.е. ответственности за действия, которые в их конкретности были совершены индивидами, но predetermined принадлежностью этих индивидов к институтам, организациям, государству и т. п. На этот счет существует точка зрения, опирающаяся на концепцию «первой причины» (first causes) и заключающаяся в представлении, что любые действия совершаются людьми и они лично должны быть ответственны за их последствия. В случае, когда отрицательные последствия имеют действия (проекты) коллективных деятелей (институтов, корпораций, организаций), ответственность за них должны нести конкретные исполнители и руководители. Согласно другой точке зрения, корпоративный деятель ответствен в своих действиях как юридически признанное лицо, т. е. как такой субъект и агент, у которого есть намерения, мотивы и интересы, а также оговоренные в уставе, обусловленные заключенными договорами или взятыми обязательствами цели, права и обязанности.

В настоящее время можно сказать, что появляется корпорация нового типа. Она считает себя морально ответственной как перед людьми, которые в ней работают, так и перед всеми, кто оказывается под воздействием ее деятельности. Выделяются следующие важнейшие принципы деятельности бизнесменов: 1) социальная ответственность основывается на большой власти, которой обладает бизнес; 2) бизнес должен действовать как открытая система, которая получает от общества необходимую информацию и предоставляет ему объективные сведения о своих операциях; 3) в пределах своей компетенции бизнес должен помогать обществу решать социальные проблемы [8, с. 22].

Предприниматель независим в осуществлении своей деятельности. Но, свободу мало получить, надо еще научиться при ней жить. Нужно ощущать свое право на выбор, т.е. осознавать, что мы действительно можем принимать решения, которые влияют на нашу жизнь, и на жизнь других людей. За рубежом практика социальной ответственности бизнеса имеет достаточно широкое распространение. Но в России этот вопрос только выходит на повестку дня. Это обусловлено и тем, что в нашей стране предпринимательство не имеет за спиной многовековых традиций, и, конечно, слабостью экономической базы, так необходимой для решения любых социальных вопросов.

Проблема повышения социальной ответственности предпринимательства, формирования высоких морально-этических ценностей предпринимателей - это проблема изменения общества в целом, всех его структур: властных, экономических, идеологических, а также культуры в целом.



1. Гибадуллин Р.В. Социальные функции предпринимательского слоя // Социальная политика и социология. М., 1999. №2. С.58 - 67.
2. Barkhatova N. Russian Small Family Business, Authorities and State // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. №4. P.20-35.
3. Российское предпринимательство: истоки, традиции, современность. Вторая Московская студенческая конференция. М. 1997.
4. Солодая М.С. Ответственность субъекта управления: состояние проблемы и перспективы исследования //Credo. Оренбург. 1998. N 1. С. 33-43.
5. Этнос предпринимательства (научно-аналитический обзор). - М.: ИНИОН РАН. 1995.
6. Зомбарт В. Буржуа: Пер. с нем. / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994.
7. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. М.: Мысль, 2001. Т.3.
8. Теория морали и этики бизнеса. М.: Изд-во Российск. эконом. акад. 1995.
9. Петрунин Ю.Ю. Борисов В.К. Этика бизнеса: Учеб. пособие. М., 2000.
10. Левитан М.И. Предпринимательство сквозь призму гражданского общества. 1993.

## **СВЯЗЬ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ (АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА)**

**Ю. А. Воеводина**

Томский государственный университет

Современные политические деятели, выражающие интересы и требования каких-либо религиозных объединений, будь то ортодоксальные католики, американские расисты-протестанты, мусульманские фундаменталисты, в своих политических заявлениях, публичных выступлениях и обращениях зачастую используют религиозные символы и терминологию с целью оправдать свои действия и получить поддержку у масс. Механизм восприятия человеком, даже если он не является ревностным последователем религии, религиозного символа таков, что он – религиозный символ – обращается в первую очередь к эмоциональной, интуитивной составляющей души.

Менталитет и картина мира, тот образ мира, которым живёт каждый человек, складывалась во многом под влиянием религиозного фактора. Любая религия формирует своеобразное мироощущение и мировидение у верующих. В своих символах она воссоздаёт само общество как тотальность, т.к. охватывает все сферы человеческого бытия – семью, воспитание, бытовые, политические, экономические отношения. Символы, при помощи которых религия воздействует на своих адептов, носят чувственно-конкретный и суггестивный характер. Религиозные символы не указывают на социальную действительность, они сами являются действительностью – сакральной. А создание такой сакральной реальности служит базисом для легитимации политической власти, политических действий.

Политический текст особенно показателен в плане использования политиками религиозных символов. Создавая текст, автор имеет возможность отбирать и варьировать знаковые формы (религиозные символы) так, чтобы, с одной стороны, они максимально полно и адекватно выражали его замысел, а с другой стороны, максимально соответствовали типу аудитории. Тем самым, в процессе создания текста автор некоторым образом прогнозирует его восприятие реципиентом, корректируя свой замысел [3].

В качестве основной в исследовании выступает задача объективной оценки способности политического текста, содержащего религиозные символы, эмоционально воздействовать на реципиента. Решение этой задачи состоит в необходимости путем ана-

лиза конкретного текстового материала разобраться, какие религиозные символы употребляются политиками в текстах и какая их действительно эмоциональная интерпретация наиболее часто используется сегодня в политическом тексте.

Предлагаемая модель анализа политического текста строится на следующих положениях:

1. В качестве единицы анализа используется религиозный символ. Религиозное пространство всё заполнено символами – они являются материальным или нематериальным свидетельством высшей силы, присутствия Абсолюта в земном мире. Процесс распространения религиозного знания (истин и ценностей) сегодня растворился в многочисленных вербальных потоках социального манипулирования (СМИ, политика, образование). Однако традиционные верования не содержатся только в ментальных представлениях или дискурсах. Бурдые замечает, что даже если социальные акторы не участвуют в ритуалах, они сохраняют «верность» лидирующей форме религиозности данной культуры [1]. Эта «религиозная верность» сохраняется и коренится «в невербальных, подсознательных диспозициях» (движениях тела, оборотах языка). Механизм политической предрасположенности во многом схож с религиозной верой. Таким образом, религиозные символы не только образуют сложную систему и «наполняют» религиозное пространство, которое является символическим, но и обладают значимым социальным смыслом.

2. Для представления структуры текста как лингвистического объекта используется трехуровневая иерархия: микроструктура – деление текста на минимальные смысловые составляющие; макроструктура – это обобщенное описание содержания текста, представляет собой последовательность взаимодействующих структур – семантических блоков; суперструктура – стандартная схема, по которой строятся конкретные тексты (содержание, либо формальная структура текста).

3. Модель построена на понятии “семантических полей” или “вербальных сетей”, под которыми понимается стабильно поддерживаемая мозгом обширная структура, фиксирующая значения каждого слова усвоенного языка и множественные межсловесные связи разной степени “близости” или “удаленности”[6]. Например, существуют однозначные (чаще всего научно определённые термины) и многозначные слова (к ним относят и слова-символы); для каждого из них характерно своё “семантическое поле”.

Например, спасение, распятие, Иисус Христос, воскрешение, христианство, православие, Крест, молитва, свастика, нацизм, святость, фашизм, Гитлер, антисемитизм, арийская нация, концлагерь, Война.

4. Строится примерная “вербальная сеть” каждого религиозного символа; предпочтение отдаётся суггестивным (наиболее эмоционально содержательным) и предикативным (побуждающим к действию) элементам. Подразумевается, что каждая семантическая единица «скрывает» целую категорию символов.

5. Выявляется контекст, в котором используется каждый символ: выясняются основные дихотомии, противопоставления, выявляется степень эпатажности, агрессивности, энергичности, конфликтности текста (используется лингвистический и оценочный анализ текста).

6. В теоретическом плане модель исходит из положения о том, что люди, принадлежащие к одной нации, религии, культуре, политической партии обладают сходными когнитивными структурами, или их фрагментами, которые должны проявляться в создаваемых ими текстах, а также в декодировании этих текстов и содержащихся в них символов.

Бурдые П. Начала. – М.: Социо-логос, 1994 г.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М. 1981.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М. 1982.

Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. – Электронный ресурс. Режим доступа. - <http://fccl.ksu.ru/conf9810/novikov.txt>

Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика. – М., 1986.

Ушакова Т.Н., Раевский А.М. О возможности экстренного установления межсловесных временных связей у человека. // Журнал высш. нервн. деят., 1971, т. XXI, вып. 5. С.1082-1083.

## **ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

**Ю. Н. Кергенская**

Сибирский университет потребительской кооперации

Интерес к истории остается традиционно высоким на протяжении всего существования человечества. Дискуссии относительно смысла истории, способов постижения исторической истины, проблем исторического познания в целом велись на протяжении всего XX века. К этому времени был накоплен большой материал по осмыслению того, как понималась история в разные периоды развития общества.

В античности исторический материал был ограничен памятью свидетелей и отбирался по принципу значимости, необычности. В средневековье история становится универсальной и эсхатологичной. История средневековья линейна, ориентированна на трансцендентальное божественное, и раскрывается в постоянном противопоставлении между добром-злом, Богом-дьяволом (дуализм средневековой истории). Особенности понимания истории в эпоху Нового времени характеризуются верой в прогрессивный характер происходящего в мире людей, в разумность происходящего, в направленность и контролируемость со стороны Провидения, Бога, всеобщей разумности того, что происходит.

К началу XX века формируются две противоположные тенденции в методологии понимания истории, которые условно могут быть названы 1) объяснительной (объективно-ориентированной) и 2) описательной (субъективно-ориентированной) моделями.

Целью первого направления является выявление основных законов истории, закономерностей и тенденций, нахождение смысла истории. Гемпель, Дрей, Нагель, Шихтер предлагали самые разные варианты нахождения и подтверждения объективных законов истории.

Не менее важным при поиске ответов на вопросы о смысле истории, о том, что такое история, является учет тех наработок, который были сделаны и в рамках второго – субъективно-ориентированного – направления, представителями которого являются Шлейермахер, Дильтей, Хайдеггер, Гадамер. Ключом к этому направлению выступает учение о герменевтике, а точнее т.н. историческая герменевтика, если речь идет о методологии исторического познания.

Изучение истории предполагает процедуры понимания, толкования, объяснения при работе с любым историческим текстом или историческим событием. Необходимость в этих процедурах вызвана временным, пространственным и личностным зазором между автором исторического текста и тем, кто его исследует. Максимально широкая роль этих процедур представлена в философии Гадамера. Он исходит из тезиса о том, что герменевтика как искусство взаимопонимания между людьми, присутствует в каждый момент человеческого существования. Однако даже если не принимать столь

расширительное толкование герменевтики, необходимо учитывать при работе с историческими памятниками ее основные процедуры.

Необходимо оговорить, что не следует абсолютизировать роль исторической герменевтики и заменять ей все методы исторического познания. Однако значимость исторической герменевтики в современной техно-эпистемической культуре очень важна. Она позволяет обратить внимание и учитывать рационально не определяемые и эпистемически не решаемые составляющие исторического процесса. Ее значимость в том, что она не позволяет забыть необъективируемые составляющие как самого исторического процесса, так и исторического познания. Она подчеркивает значимость опыта, который остается необходимым и неотъемлемым, несмотря на то, что, на первый взгляд, история может быть сведена к объективным фактам и доказательствам.

В истории, независимо от нюансов понимания этого слова, всегда присутствует субъективность индивидуальных исторических дискурсов. Уже в античности обращали на это внимание и призывали учитывать психические особенности, психический склад авторов того или иного исторического произведения. Историк всегда в той или иной степени использует собственную фантазию для реконструкции событий прошлого. А это значит, что в какой-то степени определяет и дополняет воспринимаемые в настоящем события.

Познавательный контекст того или иного исторического источника формируется, хотя и с учетом исторических фактов, историком. В этом плане история имеет общие черты с литературой. Создавая, репродуцируя исторический контекст, историк помещает события прошлого в настоящее. Причем эта процедура зависит от ряда факторов настоящего. Это означает, что историк, познавая прошлое, исходит из условий и целей (прагматических, идеологических и т.д.) настоящего.

Процесс получения исторического знания включает следующие субъективные моменты: выбор темы и объекта исследования; отбор, систематизация, обработка и анализ собранных данных; интерпретация собранного материала; создание целостного исторического текста, т.е. связанный набор отдельных высказываний. Субъективный, индивидуальный характер историка в разной степени проявляется на каждом этапе, что необходимо учитывать и при работе с текстами далекого прошлого, и при знакомстве с текстами настоящего.

Если вспомнить о тех «идолах истории» (тщеславие наций и ученых, преувеличение значимости событий прошлого и знаний древности), которые были обозначены Вико, и которые не потеряли своего влияния в современности, то утверждение о субъективности исторического познания станет еще более обоснованным.

Стремясь к абсолютной объективности исторического познания и достижению истины, необходимо помнить и учитывать субъективные факторы, принципиальным образом влияющие на историческое познание.

## **СОЦИАЛЬНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ОБЩЕСТВЕ**

**Т. Н. Киятина, А. А. Туман-Никифоров, И. О. Туман-Никифорова**

Красноярский государственный торгово-экономический институт

Социальное познание осуществляется группой наук, которые названы общественными. Иногда их же называют гуманитарными, ставя знак равенства между терминами «общественные» и «гуманитарные». Но возможно и более узкое понимание гуманитарного знания как знания о гуманистически-личностном в человеке, особенностях его личностного, экзистенциального бытия, о его специфически человеческом внутреннем духовном мире. При таком подходе общественные науки гуманитарны в той мере, в

какой они рассматривают субъективный фактор общественного развития, т.е. влияния человека и его личностных, индивидуальных качеств, в том числе индивидуальных сознания и воли на общественное бытие и исторический процесс.

Общественные науки стремятся выявить объективные законы, выражающие существенные, всеобщие и необходимые связи вещей и явлений, а гуманитарные – исследовать конкретные, индивидуальные проявления индивидов. Если представитель общественных наук – историк, социолог, философ – обращается к фактам, законам, зависимостям общественно-исторического процесса, то это социальное познание. Если он рассматривает мир человека, цели и мотивы его деятельности, духовные ценности, личностное восприятие мира – это гуманитарное познание. Историк, учитывая общественные тенденции в поступательном развитии человечества, выступает как обществовед, изучая индивидуально-личностные факторы – как гуманитарий. Безлюдная история выглядела бы странно, однако, без изучения закономерных процессов, она не была бы наукой.

Философия относится к гуманитарному знанию настолько, насколько она обращена к духовному миру человека, а социология насколько она исследует не только переход индивидуального на уровень социального, но и обратный переход – социального на уровень индивидуального, насколько она стремится за общими существенными, типическими чертами различать бесконечное многообразие человеческих поступков, стремлений, целей, конкретных индивидуальных проявлений, за массовыми действиями видеть индивидуальные, за действиями больших социальных групп – действие составляющих эти группы индивидов.

Социальное и гуманитарное знание взаимопроникаемы. Нет общества без человека, но нет и человека без общества. Однако, эта достаточно очевидная мысль некоторыми исследователями подвергается сомнению. В частности Е.З. Волчек пишет: «Жизнь людей...основана на стремлении человека стать человеком. В этом стремлении люди создают не стадо, а общество. В обществе мы находим социальное, а в человеке человеческое, и заменить одно другим нельзя. Между тем проблема биосоциального ориентирует нас на то, чтобы в обществе мы искали человеческое, в человеке – социальное» [1]. Заменить одно другим нельзя, но найти в обществе человеческое, а в человеке социальное можно. Здесь следует избегать двух крайностей: абсолютного противопоставления человеческого и социального и абсолютного их слияния. Первое, конечно, не верно: если общество создают люди как не быть в обществе человеческому, и, наоборот, в человеке – социальному, коль скоро он продукт социализации. Но и второе неверно: если считать человеческое и социальное тождественным получается явная нелепость: каждый человек – общество в миниатюре, но почему тогда люди столь различны? Можно сказать, что общество чрезвычайно разнообразно, сложно и противоречиво в своих проявлениях, поэтому каждый человек несет на себе печать не всего общества в целом, а, в первую очередь, его отдельных сторон и тенденций. И это действительно так. Но в том то и дело, что специфика проявлений конкретного индивида, то какие именно стороны и тенденции общественной жизни он реализует в своей личности и деятельности, во многом зависит от того, как эти стороны и тенденции преломляются в его личности, в его внутреннем мире. Собственно человеческое это, в первую очередь, его внутренний мир, т.е. духовный аспект его личности. А собственно социальное – различные формы взаимодействия людей между собой: материальное и духовное общение, производственные и пр. отношения и т.п.

Без изготовления орудий труда человек никогда не стал бы тем, что он есть сейчас, не развивалась бы его социальность, не развивалась бы его личность. Все это развивается в процессе овладения человеком силами природы и создания второй природы. Но люди во многом отказались от развития и совершенствования физических и психиче-

ских качеств. Этот недостаток можно и нужно устранить. Человек должен развивать себя и с внешней и с внутренней стороны, стремиться к самопознанию, самоуглублению, самоизучению и самоприменению, т.е. не ждать когда его применит, употребит общество, а активно применять (проявлять) себя сам, в этом и будет проявляться его «самость», его личность, а не только социальность.

Общественные отношения, имеют, как надындивидуальный, так и индивидуальный характер, представляют собой диалектическое единство первого и второго. Гражданин формируется обществом, уже сложившимися, функционирующими общественными отношениями, а общество совокупной деятельностью граждан. И чем больше в этой деятельности элементов сознательного, целенаправленного изменения общества и общественных отношений в сторону их оптимизации и максимального соответствия интересам и чаяниям отдельных граждан, тем больше можно говорить о влиянии гражданина на общество и о сознательном изменении, совершенствовании общества отдельными гражданами и их совокупными усилиями.

Пока общественные изменения происходят стихийно, в результате деятельности граждан, но без непосредственного контроля с их стороны, не в том направлении, в котором хотелось бы самим гражданам, следует говорить о том, что в этой деятельности реализуются, в первую очередь, именно социальные проявления человека. И лишь тогда, когда изменение и развитие общества, всех его систем и составляющих будет проходить под контролем самих граждан, именно в том направлении, которые они сами наметили, в котором им хочется, т.е. тогда, когда в их деятельности будет реализовано сознательно-волевое начало в преобразовании и развитии общества – можно будет говорить о том, что в их деятельности на первый план вышли именно личностные проявления человека. Конечно, и тогда социальные и личностные проявления человека будут тесно взаимосвязаны между собой, но если сейчас объективные социальные проявления и роли гражданина в обществе зачастую не соответствуют его собственным личностным устремлениям, целям и желаниям, то тогда, можно будет говорить о том, что общественные проявления и роли гражданина полностью совпадают с его личностными проявлениями и ролями.

Таким образом, в XXI в. гуманитарные и социальные исследования должны развиваться по пути синтеза этих двух начал, по пути изучения не только социального в человеке, но и человеческого в обществе, изучения диалектического взаимоперехода индивидуального и социального, а так же социального и духовного, общественных и индивидуальных сознания и психологии.

### *Литература*

1. Волчек Е.З. Философия /Е.З. Волчек. – Минск, ИП «Экоперспектива», 1998. – С. 121.

## **ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛ ДЕЙСТВИЙ ЧЕЛОВЕКА В ПРОГРЕССИВНОМ ОБЩЕСТВЕ**

**А. Ш. Руди**

Омский государственный технический университет

Анализ современной жизни выявляет тенденцию построения общества «всеобщего благосостояния». Это общество ориентировано на бесконечное умножение товаров и услуг. В результате люди создают вокруг себя искусственную реальность, характеризующуюся постоянной заинтересованностью человека не в других людях как таковых, но в неких объектах. Собственно действительность во всем многообразии ее проявле-

ний утрачивает значение, отчасти потому, что в деятельности людей участвует все больше символических посредников. Люди и вещи в подавляющем большинстве случаев выполняют прежде всего (а порой – исключительно) операциональные функции. Созданные масс-медиа образцы социального пространства демонстрируют праздник новизны и молодости, не оставляя места вещам и явлениям, носящим отпечаток прошлого, символизирующим определенные вехи человеческой жизни. Рождение, рост и смерть вещей сменяют друг друга со стремительной скоростью. В обществе высокоразвитых производственных технологий нет необходимости прикладывать усилия по продлению жизни вещей, проявляя заботу и творческую фантазию, передавая вещи и бережное отношение к ним по наследству, из поколения в поколение (как было в традиционном и индустриальном обществах).

Ключевой формой деятельности становится потребление, причем не носящее частного характера, а являющееся коллективным и добровольно-принудительным способом активного поведения. В постиндустриальных обществах потребление выступает как социальный институт и одновременно составляет завершенную систему ценностей. Это специфический тип вхождения человека в общество, связанный с возникновением новых производительных сил и высокопроизводительной экономической системы. Справедливости ради стоит заметить, что человек всегда был и есть не только потребитель, но и производитель жизненных благ, реализовывая в процессе производства свой творческий потенциал. Однако именно в постиндустриальном обществе потребление становится по сути приоритетным видом деятельности.

Социальная система все более нуждается в людях не столько как в трудящихся, налогоплательщиках и кредиторах, сколько как в потребителях. Исходя из положения о непрерывности роста человеческих потребностей (рождающих стабильно растущий спрос в условиях стабильно растущего предложения), можно заметить, что функция потребления выполняется человеком с бесперебойным качеством. В силу того, что потребление становится фактически ключевым содержанием любого вида человеческой деятельности в современном социальном пространстве, можно определить его как интегральную величину, зависящую от степени проявления совокупности составляющих функций, и являющуюся мерой активности человека как социального субъекта. Превращение же человеческой жизни в непрерывную череду приобретений товаров и услуг не дает человеку не только чувства осмысленности, содержательности бытия, но и чувства удовлетворения приобретением.

Одна из граней проблемы – ограниченность представленных социальных пространств. Даже в государствах с высокоразвитой экономической системой помимо групп людей, имеющих возможность жить в этой новой реальности и воспроизводить ее в процессе своей жизнедеятельности, существует масса людей, таковой возможности не имеющих, и не соответствующих установленным социальной системой ценностным ориентирам.

Видимо, зерно проблемы кроется в самом так называемом прогрессивном современном обществе. Удивительно, что основным критерием общественного прогресса в сознании подавляющего большинства людей выступают уровень производственно-технического развития и общедоступность его результатов. Известно при этом, что стремительный взлет науки, позволивший человеку удовлетворить его потребности в интеллектуальном развитии и материальной обеспеченности, на современном этапе привел к тому, что величайшие научные достижения демонстрируют человечеству свою разрушительную силу. По всей видимости, причины этого определяются нравственным и духовным состоянием человечества, его ценностными ориентирами. Фактически в ущерб духовной сфере происходит усиленный поиск более совершенных спо-

собою удовлетворения безудержно растущих, чаще избыточных, материальных потребностей человека.

Вероятно, именно гипертрофированный интерес к материальной стороне жизни привел к тому, что множество людей в той или иной форме отмечают некую дисгармонию, ощущение потери целей и смысла жизни. Попытки обрести утраченное часто принимают форму ухода от проблем духовной сферы и компенсирования их во внешней среде. Ряд острых социальных проблем (рост криминальной напряженности, наркомания, суициды, бегство в виртуальные миры компьютеров и средств массовой информации) является свидетельством безуспешности этих попыток.

Очевидно, что общество является сложным системным образованием, и о результатах его развития можно судить лишь на основании качественно равноценного прогресса в реализации всех сфер его жизнедеятельности: культурной, экономической, политической, социальной, экологической, с преобладанием гуманистических критериев этого прогресса.

В поисках более эффективных путей решения поставленных проблем необходимо исходить из положения о многогранности общественной реальности, способной предоставить фактически неограниченные возможности для реализации в свою очередь многогранной человеческой сущности.

## К ВОПРОСУ О СРЕДСТВЕ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

**Т. И. Грицкевич**

Кемеровский государственный университет

Спор революционеров-марксистов и ревизионистов (бернштейнианство) определил судьбу выбора средства разрешения социальных конфликтов в рамках спора о выборе инструмента социальных преобразований: революции или реформы. В силу исторически сложившейся ситуации революционного процесса в России XXв. реформаторская деятельность была востребована лишь как деятельность, поддерживающая революционные завоевания. Таким образом, реформаторство не отвергалось, а ему было дано иное идеологическое содержание [Ленин В.И. П.П.С. Т. 44. С. 223; Красин Ю.А. Революционный процесс и реформы // Вопр. филос. 1977. № 9. С. 3-13.]

В силу чего это происходит? На наш взгляд, в обществе, которое находится в состоянии войны (Россия 1905г., в 1914-1918 гг., Германия 1914-1918 гг.) наиболее сильно проявляются разрушительные, некрофильные тенденции в душе человека (Э.Фромм). Революционные призывы созвучны им и, поэтому революционные преобразования осуществляются при широкой поддержке социальных низов, испытавших тяготы войны и, живущих в состоянии негативного отчуждения. Нельзя сказать, что революционная стратегия увлекает всех. Есть противостояние, борьба за альтернативы. Но поразительно то, что реформационная стратегия есть плод гуманизма творческой интеллигенции, а революционная отражает требования социальных низов, идеологами которой являются разночинцы и служащие. Неужели некрофильные тенденции сильнее проявлены в народе, а биофильные в интеллигенции? Будет неверно дать однозначно категорический ответ. Нельзя отождествлять охлос и народ. В критических социальных ситуациях агрессивное поведение неуправляемой толпы выплескивает эмоции без их идентификации с национальной культурой.

Причина в другом - социальные революции призваны ликвидировать негативное отчуждение (Маркс, Ленин), но они не решают проблемы человеческой ситуации. Не отчужденность одних, превращается в результате гражданской войны и репрессий в отчужденность. В своих лекциях об индустриальном типе общества Р.Арон заметил,



что “существует единая реальность – индустриальная цивилизация. Советское и капиталистическое общества являются лишь двумя видами одного и того же генотипа, или одного и того же социального образца, прогрессивного индустриального общества” [Aron R. 18 Lectures on Industrial Society. L., 1967, P. 42].

Реформаторская деятельность в XX веке в западноевропейских странах уже характеризуется одновременным доступом к власти и степенью владения производственными силами через административный аппарат государственного управления [Абдеев Р.Ф. Процессы управления в социально-экономической сфере / Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 223-235.]. Решающую роль в этом процессе играют научно-технические достижения, применяемые в экономике. Это ведет к тому, что наука становится непосредственной производительной силой общества. Научно-техническая революция формирует новые условия существования, снимая проблему социального противостояния. Личность реформатора осуществляет свою деятельность во всех сферах жизнедеятельности социума. С дифференциацией сфер жизнедеятельности социума усложняются способы его реформирования. Если до первой трети XX в. социальные преобразования носят преимущественно эволюционный или революционный характер, то историческая реальность XX в. акцентирует своё внимание на утверждении, что научно обоснованный и контролируемый процесс проведения реформ служит социально-экономическому и политическому прогрессу общества [Белл Д. Параметры знания и технологии: новая классовая структура постиндустриального общества / Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С.289-315.].

Существенной деталью является то, что технико-технологическая база общества поощряет преобразования, ведущие к упрочнению её статуса, и препятствует тем, кто пытается её разрушить. Формируется новая тенденция развития общества через триаду, справедливо отмеченная Г. Маркузе: “одномерное общество – одномерный человек – возможность альтернативы” [Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994]. Маркузе применяет понятие “одномерный” по отношению к современному высокоразвитому индустриальному обществу как обществу без оппозиции, утратившего в силу этого свою двухмерность (антагонистичность). Существование в современном обществе осознается одинаково всеми классами, ни один из них не является революционным, классовая диалектика отсутствует. Такое положение объясняется огромным приростом производительных сил, которые утратили свою революционизирующую роль и заинтересованы в возрастании эффективности существующей системы. Имеющиеся в ней антагонизмы интегрируются и утрачивают свой революционный потенциал. Научно-технический прогресс не только стабилизирует систему, но и способствует созданию аппарата “репрессии”: происходит своеобразное слияние техники и господства, рационализация и угнетения в общества, принуждение человека к определенному экономическому поведению.

“Одномерное общество вызвало к жизни структуры чисто физиологических реакций и потребностей человека. Формируется так называемый технократический, “рационалистический” образ мышления, оказывающий репрессивное воздействие на сферу духовного в обществе. Нормы и правила поведения в обществе престают восприниматься как навязанные извне. Человек не ощущает их как свое отчуждение. Разрабатываются технологии, которые в итоге увеличивают возможности правящей элиты в идеологическом прессинге: создается такая “одномерная форма общественной жизни”, в которой невозможна оппозиция. Сам человек становится “одномерным”.

Г. Маркузе считает, что прорыв из такого общества может осуществить тот, кто свободен от его интеграции. Это маргиналы, аутсайдеры, изгои, способные разрушить “одномерность”. Хотя эта мысль вызывает серьезные опасения исследователей социального взаимодействия в обществе. Известно, что разрушительность маргинальной

культуры несли невосполнимые потери в духовной сфере общества. Но каков же выход? Поиск альтернатив развития социума заключался, прежде всего, в проектах культурно-эстетического, нравственного, гуманистического типов общества. И большая роль в достижении этого виделась в технологиях осуществления разного спектра реформ, основными из которых являлись социальные реформы, определяющие сущность государства. Однако, даже при наличии отработанной готовой технологии осуществления реформы, нет гарантии в её успешности и легитимности. Весь процесс определен сущностью личности, стоящей во главе и воплощающей идеи реформы, используя известные социальные технологии. Очевидно, что, исходя из анализа средств и методов достижения цели, личностью-преобразователем мы будем определять кто есть эта личность – реформатор или революционер.

Несомненно, что между реформатором и революционером есть четкая грань, даже если они оба преследуют одну цель – прогрессивные изменения в обществе путем разрешения социальных конфликтов между противостоянием социальных слоев по поводу доступа к власти и управлению государством. Их различие лежит в наполненности души основными жизненными потенциями: социально-культурной созидательностью и разрушительностью (Эрос и Танатос З.Фрейда, биофильная и некрофильная ориентации Э.Фромма). Личность, воспитанная в обществе, где господствуют негативные формы отчуждения, не склонна к сотрудничеству. Борьба за выживание, агрессивное самоутверждение, культ материальных благ, отсутствие социальной поддержки – все это формирует агрессивно-разрушительную, некрофильную ориентацию души человека [Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С 13-35]. Она выражается в стремлении достичь желаемого любыми средствами. Цель общественно признана, будь то богатство, власть или идеал государственного устройства. Но средства, которые использует личность, социально не одобряемы, юридически наказуемы (Р. Мертон). Социальное поведение такого индивида аффективно-управляемое настроениями и страстями (М. Вебер).

Это обуславливает рождение революционера. Он потенциально готов разрушать традиционное, чтобы строить новое. Но новое – это лишь идея, идеал, цель, к которой стремиться революционер, в то время как реальность достижения являет собой господство разрушающих сил. Поскольку революционер пользуется не легитимными, осуществляемыми насильственно методами (в том числе мерой физического устранения), постольку и морально-нравственный барьер революционных действий снижен, по сравнению с прежним, дореволюционным уровнем. Фактически, революционер не может противостоять разрушительным тенденциям в обществе, им же внесенным. Он понимает, что аффективно-управляемое настроениями и страстями поведение людей неконтролируемо. Единственное средство – террор. И он открыто использует социальное насилие: террор и военное принуждение как средство достижения провозглашенной гуманной цели. Подлинное бытие революции – это разрушение существующего, стихийность непримиримой толпы, убивающих тех, кто не с нами, аффективно ведомых вождями, жаждущих власти на крови. Война и революция, некрофилия и оклокрапия – пока не выплеснут этот потенциал, процесс неуправляем.

Революциям в их насильственном воплощении (теория В.И. Ленина) противостоит реформаторство, как единственное созидательное начало человеческой деятельности в социуме. Если революционер имеет высокую степень свободы от традиций, пользуется неправомерными средствами достижения цели, то реформатор наоборот. Степень его свободы от традиций и морально-этических норм очень низка. Сам реформатор использует только легитимные средства достижения цели, причем его деятельность контролируется общественным мнением, что не позволяет ему прибегать к не легитимным средствам. Реформационные идеи должны нести в себе новые, более прогрессивные социальные ценности, чтобы быть поддержанными обществом.

Аксиология реформационных изменений в таком случае будет обусловлена созидательной сущностью реформы как средства преобразования социума. Реформатор становится истинным вождем для современников только тогда, когда его деятельность в обществе несет новые гуманные ценности. Его реформаторская деятельность есть полилог с преобразуемым обществом, имеющий толерантный характер. Созидательные тенденции в обществе, внесенные реформатором, отражают подлинную сущность взаимного человеческого сосуществования. Это в возможных рамках снятие человеческого негативного отчуждения в обществе, истинное разрешение противоречий между человеком и другими людьми, между сущностью и существованием, свободой и необходимостью, человеческим индивидом и его родом.

Возможно, непопулярность практики реформирования в России была связана с такими трудно осуществляемыми требованиями к деятельности реформатора. Историческое время как критерий подлинной оценки сущности преобразований, чаще свидетельствовало о том, что цели реформ либо не достигались, либо за декларацией одних целей реализовывались другие. Чаще в критические моменты, определяющие направление реформирования, реформационная инициатива переходила из одних рук в другие. Такая нестабильность и непредсказуемость связана с феноменом высокой социальной мобильности в России. Принадлежность человека к определенной страте напрямую зависит от материального обеспечения – от наличия частной собственности, а она как раз в России может непредсказуемо перераспределяться теми, у кого власть, подкрепленная возможностью осуществить прямое или косвенное насилие. В итоге, в России индустриальной и постиндустриальной-информационной не было длительного существования частных собственников, наделенных законодательной инициативой, как слоя, заинтересованного в экономических и социально-политических преобразованиях. Именно в преобразованиях, изменяющих прогрессивно общество, а не в изменении закона с целью приумножить капитал.

В рамках гуманистического социально-философского подхода есть возможность достичь реформированием такого общественного устройства, которое будет созвучно реализации основных сущностных сил человека, основанного на принципах гуманистической этики и управления государством, не противоречащего ходу общественно-исторического процесса. Динамика движения к достижению такого типа общества не замкнута и не ограничена историческими рамками. Реформаторство дает толчок двум социальным силам в достижении идеала общества. С одной стороны, преобразует социум согласно потребностям общественно-исторической практики и человеческой природы. С другой стороны, позволяет адаптироваться индивиду и проявить новые типы социального характера.

Единственное средство разрешения социальных конфликтов бескровным путем – это реформирование согласно социальным ожиданиям большинства крупных социальных слоев общества. В этом утверждении есть несколько условий:

1. действительное наличие масштабного социального конфликта, причиной которого могут быть национальные и общегрупповые интересы относительно доступа к власти и законодательной деятельности, доступа к решению общечеловеческих проблем, реализации прав и свобод, возможности осуществлять насущно необходимую для обеспечения жизнедеятельности индивида и его детей деятельность;

2. синтезирование различных ожиданий и предпочтений большинства из крупных социальных слоев в адекватные им идеи переустройства, изменения согласно принципу золотой середины;

3. осуществление социальной реформы должно опираться на прикладные социологические исследования с привлечением изученных данных общественного мнения;

4. необходимо поэтапное освещение осуществления хода преобразований, чтобы избежать явлений массовой социальной фрустрации, итогом которой может быть резкая неконтролируемая агрессивность людей в обществе;

5. открытость и прозрачность в осуществлении реформы, затрагивающей социальные устои жизни людей, позволит сформировать новые идеи в общественном сознании, определяя тем самым прогрессивное преобразование ценностно-нормативной системы общества;

6. относительная стабильность в обществе: отсутствие национальных и военных конфликтов, чрезвычайных ситуаций и крупных природных катастроф – иначе реформирование превратится в поиск способа разрешения конфликта, как средства снятия социального напряжения;

7. господствующей установкой менталитета народа должна быть установка не «власть обязана заботиться обо мне, потому что я дистанцируюсь от нее», а установка «мои интересы должны быть отражены в социальных интересах больших групп, и служить источником социально-политических и экономических преобразований».

Разумеется, предложить реформу как единственное средство разрешения социальных конфликтов, значит, признать, что другие средства: революция, государственное насилие, террор, объединение противников перед лицом внешнеполитической военной угрозы и т.д. – не способны решить социальный конфликт. Это не так. У каждого из них есть свои преимущества и недостатки, но реформа отличается более высокой степенью гуманизма, разумностью, культурностью в реализации варианта решения конфликта между социальными слоями или определенным слоем и властью. Здесь важна инициатива просвещения – знание механизма реформирования, целей, средств и сферы применения, чтобы такое знание формировало ценность гуманных способов разрешения социальных конфликтов.

## **РОЛЬ ПРОГРАММЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**О. В. Зайцева**

Новосибирский государственный университет

Политика – это вид общественных отношений, качественной спецификой которых является политическая власть, т.е. способность одного субъекта направлять деятельность другого. Субъектами политики являются различные социальные группы, которые имеют общую политическую цель. Одним из субъектов политической деятельности является политическая партия.

Исследователи уделяют пристальное внимание роли политических партий в политическом процессе. Если следовать современной теории демократии, партии представляют собой основной механизм, благодаря которому формулируются проблемы, выносимые на обсуждение в ходе избирательных компаний. Партии являются организационным инструментом предвыборной борьбы, которая концентрируется на вопросах, сформулированных в их программах. После проведения выборов именно партии ответственны за деятельность правительства, которая прежде всего сосредоточена на законодательном процессе. Поэтому партии должны быть динамичными организациями, ответственными за постановку в повестку дня и решение тех вопросов, которые меняются по мере изменения предпочтений или потребностей населения.

Партия – это политическая организация той или иной социальной группы наиболее сознательных представителей, объединенных на основе той или иной идеологии.

Идеология – это система взглядов определенной социальной группы, раскрывающая ее место в обществе, обусловленные этим местом объективные интересы, и дающая программу деятельности по их реализации.

Программа партии представляет собой перечень действий (план), необходимых для достижения цели, и фиксирующий концептуальные основы, цели и способы действия данной партии. Основными целями партий являются оптимальное воспроизводство существующей системы и ее трансформация в соответствии с потребностями данной социальной группы.

Очевидно, что совокупность подходов к проблемам практической политики, на основе которых партии составляют пакет утверждений, представляемых избирателям в качестве программ, существенным образом изменяется от пространственных и временных факторов, и от социальных условий, в которых возникают те или иные политические требования. Понятно, что любая партия будет регулярно пересматривать круг значимых для нее проблем и подходов к их решению, но дистанция между партиями будет сохраняться постоянно, что и позволяет судить об их специфике, обусловленной прежде всего идеологией.

Исследователи выделяют в составе партийных программ следующие типические блоки:

1. самоидентификация (изложение причин возникновения партии, ее главных ценностей и ориентиров).
2. анализ сущности сложившегося общественно-политического строя.
3. цели и задачи партии по совершенствованию системы государственной власти.
4. совокупность средств, форм и методов, с помощью которых будут решать поставленные задачи.

Конечным результатом подобного анализа является ответ на вопрос: какую модель общественного устройства мы обнаруживаем в программах, и с каким типом общественно-политического объединения имеем дело. Чтобы исследовать феномен политической программы, необходимо обратиться к социально-философскому анализу.

Любая социальная деятельность опосредована сознанием. Деятельность партий опосредована политической формой общественного сознания, которое непосредственно отражает взаимодействие субъектов, проявляющееся в сфере практической политики (борьба за захват, удержание и использование власти) и в сфере специализированной духовной политической деятельности (идейное обеспечение борьбы). Политическое сознание имеет два уровня:

Во-первых, это массовое сознание, которое обеспечивает описание окружающей действительности с точки зрения практической целесообразности для субъекта. Во-вторых, это специализированное сознание, которое обеспечивает рефлексию происходящих явлений и процессов. Субстанцией сознания является знание. Т.о., с помощью сознания происходит познание (отображение) действительности, что обеспечивает субъекта совокупностью знаний-описаний, с помощью которых он изучает и оценивает ситуацию. На основе знаний-описаний вырабатываются знания-предписания, составляющие в своем единстве программу, которая непосредственно направляет действия субъекта.

Применительно к деятельности партий можно заметить, что процесс познания и проектирования общества осуществляется с помощью особой группы носителей специализированного сознания (идеологов). Именно они осознают потребности и интересы своей социальной группы и создают продукт – партийную программу, в конечном счете предназначенную для регуляции практической деятельности. Программа партии существует как особый вид знания, преломленного через идеологию. Если идеология – это прежде всего система знаний-описаний политической системы, то программа – это

система знаний-предписаний, возможность и механизмы распространения которых всегда имеют конкретно-исторический характер. Идеология выступает как «онтология», определенная картина мира субъекта, необходимая для регулирования его деятельности в системе, источник выработки программы деятельности. Для построения программы знания-описания преобразуются в знания-предписания, которые и реализуются в деятельности субъекта. Каждое практическое действие, т.о., имеет свой идеальный аналог, который играет роль регулятора по отношению к практическим действиям.

Исследование программы как вида знаний, выступающего в функции идеального средства деятельности, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. С принятием закона о политических партиях изменились правила игры на политической сцене России. Партии стали основным субъектом политического и избирательного процесса, а партийные программы в условиях действия нового Федерального Закона «О политических партиях» приобретают статус необходимых документов для создания и функционирования политической партии.

## **ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА**

**В. Н. Старков**

Институт философии и права СО РАН

В современной социальной философии сложилась тенденция к проведению широкомасштабных исследований, направленных на выявления зависимостей между целостными, системными характеристиками того или иного общества, и различными частными особенностями его организации. При этом частная характеристика общества описывается как компонент некоторой целостной структуры, существующий и развивающийся внутри функционального единства всей совокупности общественных отношений. Для того, чтобы определить специфику целостного общества в современной социальной философии часто используется категория «культура» [1]. Культура описывается как совокупность ценностей, их реализаций и символического выражения, характерная для одного общества и отличающая это общество от всех других. Устройство любого общественного института или динамика того или иного социального процесса может быть понята только с учетом того, в рамках какой культурной среды существует этот феномен.

Политические отношения и государственные структуры также являются объектом исследований, проведенных на базе социо-культурных представлений [2]. Начиная с середины XX в. сложилось философское направление, ставящее себе задачи по определению тех влияний, которые оказываются на политическое устройство государства со стороны общественного мировоззрения. Цель настоящего исследования состоит в проведении системного анализа базовых характеристик западной политической культуры как фактора формирования и развития многопартийной системы государственного устройства. Кроме чисто теоретического интереса подобное исследование может иметь практическую значимость, так как даст возможность сопоставить тенденции в развитии западной и российской политических систем.

Действующие в большинстве западных стран принципы политического устройства имеют определенную специфику, зависящую от конкретного государства. В развитых демократических странах применяется несколько организационных моделей, отличающихся одна от другой. В то же время имеются и общие черты, одинаковые во всем регионе. В данной работе будут анализироваться только те характеристики политического устройства, которые являются общими для большинства западных стран.

Принцип многопартийного политического устройства предполагает принятие следующих социальных норм:

- в обществе одновременно существует несколько легально действующих политических партий, каждая из которых создает и пропагандирует свою идеологию. Партия рассматривается как активный носитель определенных идей. Вхождение человека в ту или иную партию определяется именно в соответствии с его идеологическими предпочтениями.
- партии ведут непрерывную борьбу за власть. Победившая партия в течение определенного срока формирует правительство страны и получает право контроля над жизнью общества. Сформировав правительство, партия начинает организовывать общественную жизнь по принципам, декларируемым в ее идеологической доктрине.
- проигравшие партии остаются неприкосновенными. Их деятельность является столь же законной, как и политика победителей. Против членов проигравших партий не ведется никаких преследований.
- результаты победы одной из партий не являются неизменными. Через фиксированный промежуток времени происходит новый виток политической борьбы, в результате которого возможен приход к власти ранее оппозиционных партий.

Таким образом, многопартийное устройство предполагает жесткую взаимосвязь между партийной принадлежностью людей и их идеологическими убеждениями. Фактически, на современном Западе действует принцип: одна партия – одна идеология. В случае если отдельный индивид меняет свою идеологию, он должен покинуть ту партию, членом которой ранее являлся. То же самое относится и к лидеру партии. Если же партийный лидер отказывается от ранее принятой им идеологии, это не приводит к смене идеологических установок партии.

В массовом сознании европейцев партия ассоциируется не с определенными людьми, которые входят в ее состав, а с известными идеологическими установками [3]. Это приводит к феномену длительного существования определенных партий в таких странах как Великобритания или США, где небольшое количество партий существует в течение нескольких веков. Таким образом, западная политическая партия – это объединение сторонников одной политической программы. Личные отношения между ними, их родственные связи, участие в совместном бизнесе и т.д. оказываются не существенными при организации политической борьбы. Поскольку на Западе существует несколько альтернативных идеологий, а внутри каждого идеологического направления развиваются множество вариантов одной доктрины, постольку возникает возможность формирование большого числа различных партий. Наличие плюралистического мировоззрения, при котором допускаются альтернативные взгляды на одно и то же политическое событие, оказывается фактором необходимым для развития многопартийности.

Второй существенной чертой многопартийной системы является независимость политической борьбы между конкурирующими группами от моральных оценок отдельных личностей. В западной Европе и США политический противник не рассматривается как личный враг. Такая ситуация возможна только в одном случае – партийная борьба рассматривается в западном обществе как нечто, не имеющее отношения к обыденной морали. При этом существуют определенные, общие для всех, правила политической игры, независимые от партийной принадлежности. Если человек не нарушает этих правил, то он воспринимается обществом как соответствующий этическим нормам вне зависимости от своей партийной принадлежности.

Специфичные черты западной политической культуры выражаются в символике власти. Успешный политик поддерживает стиль поведения и одежды успешного бизнесмена. В своей личной жизни он не должен отличаться от обычного человека. Такой стереотип позволяет политику пережить поражение на выборах. В случае отстранения

от власти, человек не воспринимает это как личный кризис. Эта ситуация рассматривается как «увольнение с работы». Поэтому политические партии в своей борьбе не идут на крайние меры. Когда возникает угроза потери власти в результате более успешной деятельности оппонентов, партии не пытаются удержать свое положение любой ценой. Политические лидеры просто переходят с одной работы на другую. На Западе достаточно часто наблюдается ситуация, когда бывший политик становится наемным менеджером или начинает собственный бизнес.

Независимость политики от морали порождает свое зеркальное отображение в виде гражданского общества. Под гражданским обществом понимается совокупность людей и отношений между ними, которые не зависят от политической власти [4]. Гражданский сектор существует в любом обществе. Однако на современном Западе он начинает исполнять роль, не свойственную другим культурам. Поскольку в западных странах наблюдается тенденция к обезличиванию политических отношений, постольку люди начинают стремиться к самореализации в тех областях социальной жизни, которые не связаны с государством. Усиление такого стремления ведет к возрастанию влияния гражданского общества на жизнь людей.

Третьей ценностной чертой многопартийной системы является стремление участников политической жизни действовать по фиксированным, документально оформленным правилам. Существенно, что само это стремление, чаще всего, нигде документально не зафиксировано. Ценностная установка, согласно которой все характеристики партии, такие как ее идеология, стратегические цели и тактические задачи, финансовый бюджет, отношения внутри организации и взаимодействия с соперниками, должны быть отражены в юридически корректной документации, является одной из наиболее характерных черт традиционной западной культуры. Такая установка воспринимается носителем западных ценностей как самоочевидная, не требующая дополнительных пояснений и доказательств.

Идея верховенства закона над деятельностью политика имеет очень давнее происхождение. Фактически, она была реализована в Европе еще до установления современной демократии. В период появления первых парламентов в качестве регулятора их действий выступал монарх. Наследственная и выборная власть выполняли функции взаимного сдерживания, что позволяло достигать баланса интересов различных слоев общества. В качестве средства для достижения консенсуса между этими двумя типами власти выступал формальный закон. Каждая из сторон обосновывала свое решение ссылками на юридически формализованный кодекс, который начинал мыслиться как независимый ни от одной из политических сил. Несмотря на то, что роль монархии в современных европейских государствах сведена к минимуму, такая система в какой-то мере продолжает существовать в ряде стран, включая Испанию, Нидерланды, Норвегию и Великобританию.

С ослаблением или даже полным исчезновением монархии был связан поиск других ограничителей выборной политической власти. Дело в том, что ценности индивидуальной свободы не позволяют гражданам западных стран принять идею ничем не ограниченного государственного органа, даже если его участники избираются всеми гражданами. По мнению идеологов демократии, государство должно быть достаточно сильно, чтобы выполнять свои функции, но в то же время, оно не должно быть слишком сильным, дабы не подавлять свободу личности. Для решения такой проблемы был реализован принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Назначение судебной ветви власти определяется как контроль над деятельностью исполнительных органов с целью установления соответствия ее принятым юридическим нормам. Принятие этого принципа позволяет любой политической партии обращаться с жалобами на своих соперников, если последние нарушают законодательство.



Одним из важнейших свойств политической культуры является отношение к тому или иному государственному устройству как к симптому «нормального», либо «кризисного» состояния общества. В Западной Европе несколько раз возникали ситуации формирования многопартийности, и также неоднократно происходил отказ от этой политической системы. Однако на Западе многопартийная система является симптомом стабильного, «нормального» общества, которое не испытывает серьезных внутренних проблем. Наоборот, отказ от этой системы говорит о том, что данная страна переживает тяжелый кризис. Например, отказ от многопартийности в Германии 30-х годов возник в результате затяжного экономического, политического и духовного кризиса, последовавшего за первой мировой войной. Даже А. Гитлер заявлял о том, что созданная им система правления должна быть отменена после достижения военной победы [5]. Следовательно, он не рассматривал такое государственное устройство как «нормальное», а считал его лишь средством преодоления кризиса. Известно, что как только ситуация в Западной Германии стабилизировалась, там была восстановлена многопартийность. Именно поэтому в рамках западноевропейского мировоззрения за «нормальную» признается только та страна, которая имеет несколько активно функционирующих политических партий, а государства не имеющие многопартийности воспринимаются либо как отсталые, либо как «тоталитарные» [6].

Можно отметить, что перечисленные выше ценности многопартийного устройства признаются сторонниками всех основных идеологий, действующих на Западе. В то же время, существуют и определенные отличия среди носителей разных взглядов в понимании того, какой тип политического управления максимально соответствует потребностям общества. В качестве наиболее крупных политических сил, действующих в рамках современного западного общественного пространства, могут быть названы сторонники либеральной, консервативной и социал-демократической идеологии. Наиболее последовательными пропагандистами необходимости многопартийности являются либералы [7]. С позиции либеральных авторов многопартийность описывается как один из основных показателей демократии. Делаются утверждения, согласно которым именно возможность выбирать между несколькими партиями создает гарантии для поддержания политических свобод личности. Так, с точки зрения Б. Крика демократическая политика возможна только тогда, когда общество плюралистично и разделено [8]. Если же в обществе отсутствует политический плюрализм, то оно начинает описываться либералами как тоталитарное, а следовательно, как противоречащее «общечеловеческим ценностям».

Консерваторы, как и либералы, в целом выступают как сторонники многопартийности, но в то же время, они постоянно критикуют отдельные элементы такой системы. Основным объектом критики является демагогичность политиков [9]. Делаются утверждения, согласно которым в момент политических выборов к власти приходят те люди, которые способны много обещать, но не могут выполнить эти обещания. Консерваторы исходят из принципа изначального неравенства людей, и поэтому они отказывают народной массе в возможности всегда совершать правильный политический выбор. В рамках консервативной идеологии утверждается тезис о том, что политиком должны заниматься профессионалы, подготовленные к данному роду деятельности интеллектуально и морально. Отсюда возникает стремление консерваторов ограничить полномочия выборных органов. В странах, где сохранились элементы монархического или аристократического правления, они проводят борьбу за усиление роли этих структур в управлении государством. Преимущество таких органов власти видится в отсутствии необходимости борьбы за право правления. Поскольку власть в этом случае передается по наследству, постольку ее носитель не должен ее добиваться. Европейские консерваторы заявляют, что демократическая власть внеморальна, тогда как традиционное

правление основывается именно на устойчивой морали. Без этого принципа государство превращается в кучку эгоистов, которые губят общество. Таким образом, умеренный европейский консерватизм, признавая необходимость многопартийного устройства в целом, добивается определенного ограничения демократии со стороны наследственной власти. Американские консерваторы не могут опираться на институт наследственной власти. Однако и они призывают к ограничению демократических свобод, в пользу предоставления дополнительных полномочий элитарным слоям общества. В качестве таких слоев рассматриваются носители крупных капиталов или профессионалы-чиновники.

Представители западной социал-демократии также как и либералы выступают за поддержание существующей в современных условиях системы многопартийного устройства государственной власти. В то же время они высказывают идеи ограничения полномочий государственного аппарата. Однако в отличие от консерваторов, которые стремятся ограничить демократию за счет расширения полномочий привилегированных слоев, социал-демократы пропагандируют идею ограничения выборной демократии за счет институтов прямой демократии. Лидеры социал-демократических партий выступают за необходимость расширенного использования всенародных референдумов в качестве способов принятия государственных решений. Утверждается, что уровень самосознания граждан на Западе настолько высок, что они способны принимать ответственные решения непосредственно, не прибегая к помощи специальных законодательных структур.

Таким образом, идея многопартийного политического устройства находит полную поддержку среди западных либералов. Сторонники консервативной и социал-демократической идеологии выступают за сохранение основных элементов многопартийного политического устройства, но, в то же время, утверждают необходимость ограничения действия этого принципа. Представители все трех идеологических течений настаивают на необходимости строгого соблюдения в обществе юридической законности. Поэтому право контроля над деятельностью партий со стороны судебных органов признается одновременно либералами, социал-демократами и консерваторами.

В завершении работы необходимо показать взаимосвязь между традиционной политической культурой Запада и теми ценностными установками, благодаря наличию которых возможно эффективное функционирование многопартийной системы государственного устройства. Если рассмотреть многопартийную систему с ценностных позиций, можно заметить, что обязательным основанием для такой системы является независимость политической идеологии не только от обыденной морали, но и от религиозно-нравственного сознания. Действительно, в рамках религиозного мировоззрения невозможно допустить существование множества истин. Религия предполагает, что истинный взгляд на мир может быть только один. Следование истине воспринимается как Добро, а противоборство ей – как зло. В соответствие с этим тезисом для носителя религиозного сознания многопартийная система может представляться либо как борьба одной, доброй, партии против злых, либо как внутренняя борьба в самом лагере зла. Поэтому для создания многопартийной системы необходимо либо доминирование на массовом уровне атеистического мировоззрения, либо наличие такой религии, которая не воспринимала бы властные отношения как область действия правил морали. Поскольку атеизм на Западе не является признанным большинством населения, постольку там наблюдается второй путь решения проблемы.

Доминирование на Западе многопартийной системы возможно лишь при условии определенного религиозно-мировоззренческого контекста, свойственного данному культурному региону. Можно утверждать, что западное христианство развивалось именно по пути секуляризации политических отношений от религиозного мировоззре-

ния. Особенно сильно эта тенденция проявилась в период Реформации. Протестанты воспринимают власть только как внешнего управителя, который имеет право вмешиваться в военную и экономическую жизнь людей, но не должен как-либо затрагивать их духовной жизни [10]. По мнению М. Вебера протестантская этика оказала влияние не только на самих протестантов, но и на их противников – католиков. В частности он считал, что секулярность политической культуры Европы возникла в период религиозных войн между протестантами и католиками, когда единственным вариантом примирения граждан одного государства было принятие идеи независимости гражданской власти от религии. Поскольку в большинстве европейских стран имелись как протестанты, так и католики такая идея была принята в большинстве западных государств, независимо от того, какая форма христианства в них преобладала.

Еще одним культурным стереотипом Запада, позволяющим создавать многопартийную систему, является ориентация на «законность» власти. Идея законопослушности впервые была сформулирована еще в античности. Уже в римском государстве начинает развиваться сложная юридически правовая система, которая, однако, почти полностью была уничтожена в момент нашествия варваров. В истории средневековой Европы можно увидеть постоянное усиление роли формальных законов в жизни общества. Окончательная победа этой социальной тенденции происходит после крушения феодализма и формирования капиталистических отношений. Идея законопослушности пронизывает на современном Западе всю систему отношений между политиками, чиновниками-управленцами и их подчиненными. Это ведет к деперсонализации власти, когда чиновник управляет не от своего имени, а от имени закона. Такой стереотип также берет свое начало в протестантском стремлении к отказу от подчинения другому человеку. Протестант должен подчиняться только Богу. Поэтому в своей земной жизни протестант стремится к тому, чтобы подчиняться не личностям, а формально установленным правилам. Применительно к многопартийности, этот стереотип приводит к развитию внутри партии системы юридически закрепленных отношений, которые не переносятся на личную жизнь политиков. Партийная деятельность воспринимается ими как «работа», а управление государством – как «менеджмент».

Таким образом, можно говорить о том, что базовые ценности протестантского религиозного мировоззрения, трансформированные через идеологическую призму либерализма составляют на Западе обязательное условие для эффективного функционирования многопартийной системы политического устройства. Кроме того, принцип многопартийности в значительной степени является отражением плюралистичности западного религиозного сознания. Поскольку, начиная с XVI века, в Европе существует несколько христианских конфессий, сторонники которых вынуждены мириться с существованием друг друга, постольку возникает необходимость развития механизмов мировоззренческой толерантности. При возникновении идеологии религиозный мировоззренческий плюрализм переносится в область политических отношений. Так как именно протестанты оказываются наиболее последовательными сторонниками религиозного плюрализма, то и созданная ими идеология либерализма наиболее полно отражает этот принцип.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. основными ценностями, позволяющими эффективно реализовывать принципы многопартийного устройства на Западе, являются независимость политической жизни от обыденной и религиозной морали, стремление к соответствию всех политических процессов формальному законодательству, представление о политическом плюрализме как о «нормальном» состоянии общества;

2. представители всех ведущих идеологий Запада в целом принимают идею многопартийности. В наибольшей степени эта идея соответствует ценностям либеральной идеологии;

3. в основе идеи многопартийности лежат мировоззренческие установки, сложившиеся в ходе взаимодействия католиков и протестантов. Плюрализм религиозной жизни Запада породил идею политического плюрализма, которая привела к возникновению многопартийного политического устройства.

### *Примечания*

1. См.: *Лотман Ю.М.* Статьи по типологии культуры. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1970; *Мердок Дж.* Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1994; *Уайт Л.* Понятие культуры. Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1994.

2. См.: Almond G. Comparative Political Systems // J. of Politics. XVIII. 1956. P. 376-398; Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963

3. См.: *Comparative Politics Today: A World View* / G.A. Almond (ed.). Boston; Toronto: Little, Brown. 1974. P. 50.

4. См.: *Рац М.В.* К концепции открытого общества в современной России // Вопросы философии, 1999. № 2. С. 23–35.

5. См.: *Мазер В.* Адольф Гитлер. 2-е изд. Минск: ООО “Попурри”, 2002.

6. См.: *Tuker R.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N.Y.; L., 1987; *Кусев И.Ю.* Образ государства в международных отношениях и социальное познание // Вопросы философии, 2003. № 5. С. 3–13.

7. См.: Arblaster A. The rise and the decline of western liberalism. Oxford, 1984.

8. См.: Arblaster A. The rise and the decline of western liberalism. Oxford, 1984. P. 77.

9. См.: *Comparative Politics Today: A World View.* P. 77.

10. См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма.

## **ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

**А. А. Кубанов**

Институт философии и права СО РАН

Современная общественная ситуация, как внутрисоссийская, так и общемировая, характеризуется крайне высокими темпами мобильности всех межчеловеческих отношений. XX век оказался периодом, в ходе которого происходили кардинальные изменения во многих сферах социальной жизни, начиная от принципиальных мировоззренческих сдвигов в научной картине мира, и заканчивая существенными переменами в повседневном быте. Подобные изменения в значительной степени затронули и область государственно-политических отношений [1]. Нынешний, XXI век, по-видимому, будет еще более нестабильным, чем предыдущий. Уже первые годы этого столетия охарактеризовались серьезными изменениями всего мирового устройства. Высказывается предположение, что мир сейчас находится на грани серьезных потрясений, которые окажут влияние на все человечество [2]. Большое количество негативных социальных процессов, наблюдаемых в последние десятилетия, заставляет искать выход из сложившейся ситуации. Для осмысления происходящих процессов и разработки методов преодоления кризиса необходимо применить понятийно-логический аппарат социальной философии к описанию существующих в обществе властных отношений.

Для того, чтобы перейти к построению понятийно-категориального аппарата, на базе которого может проведено исследование властных отношений, необходимо определить специфику социально-философского рассмотрения данной проблематики. Прежде всего, философия принципиально отличается от большинства общественных наук тем, что ее конструкции носят рефлексивный характер, т.е. они строятся с учетом тех ценностных установок, в рамках которых мыслит их автор. Отмеченное различие можно проиллюстрировать следующим примером. Один из классиков современного либерализма Джон Ролз [3] утверждает, что политические свободы не могут быть принесены в жертву никаким экономическим благам. Однако В.В. Целищев [4], в своей работе содержащей анализ концепции Дж. Ролза, справедливо указывает, что данное утверждение истинно только для автора, мыслящего в рамках западной политической традиции и ложно для исследователей из Китая. Он пишет, что «существует масса политических теорий, и между ними нет консенсуса в отношении самых фундаментальных вопросов устройства общества» [5]. Таким образом, социальные теории дают разную интерпретацию одним и тем же событиям, вследствие различия в ценностных установках их авторов. Специфика социальной философии состоит в том, что она позволяет автору той или иной теории четко фиксировать собственные ценностные позиции в виде рационально представленной конструкции [6].

Кроме того, существенным моментом философских исследований оказывается необходимость учитывать ценностные установки тех людей, которые участвуют в рассматриваемых процессах. Так, сопоставляя между собой политологию и политическую философию Дж. Алмонд и С. Верба [7] утверждали, что политология сосредоточивает свое внимание на описании самого политического процесса, тогда как политическая философия стремится учесть отношение участников этих процессов к происходящим с ними событиям. Если расширить это утверждение за рамки только политической философии, можно утверждать, что социальная философия в целом представляет себе общество как динамическую деятельность, обязательно включающую в себя ценностно-мировоззренческий компонент [8].

Еще одной чертой социально-философского описания политических процессов является стремление их авторов к достижению системной целостности своих воззрений. Можно согласиться с В.П. Черновым [9], который утверждает, что недостатком большинства научных исследований властных отношений оказывается их узкоспециализированный характер. Большинство политологов рассматривают государственные структуры в отрыве от того общественного контекста, в котором они существуют. Философское исследование предполагает необходимость учета множества аспектов социальной жизни, не входящих прямо в структуру государственно-политических отношений. Этнокультурные, геохимические и экономические факторы должны рассматриваться социальной философией как существенные компоненты развития государства. Хотя подобное описание не может претендовать на научную точность и проработанность отдельных деталей, за счет широты охвата исследовательского материала оно оказывается полезным для обнаружения макрозакономерностей, незаметных узкому специалисту [10].

Итак, социально-философский анализ динамики властных отношений предполагает исследование тех изменений, которые происходят в структуре общественных ценностей. Причем такое исследование должно носить рефлексивный и системный характер. Однако сама социальная философия состоит из множества несогласованных теорий, в основе которых лежит несколько различных моделей. Хотя все эти теории по отдельности могут обладать перечисленными выше свойствами, все вместе они приводят к несовместимости основных определений, интерпретаций фактов и конечных заключений относительно оценки сложившейся в обществе ситуации. Нельзя не согласиться с мне-

нием, что в области философии достижение единства всех мнений принципиально невозможно [11]. Единство мнений возможно только на основе некоторого консенсуса, заключенного между сторонниками той или иной конкретной теории. Такая ситуация требует четкого определения того, в рамках какой именно социально-философской модели проводится то или иное исследование.

Целью настоящей работы является определение специфики подхода, получившего название “политическая антропология” [12]. Первоначально термин “политическая антропология” применялся для обозначения исследований, направленных на изучение механизмов и институтов власти и социального контроля, сложившихся в рамках неевропейских цивилизаций. Так, Ж. Баландые утверждает, что в задачи политической антропологии входит сравнительное изучение политической организации первобытных и архаических обществ [13]. Похожее определение высказывает Л.Е. Куббель, по мнению которого предметом политической антропологии являются отношения власти и управления обществом, существовавшие преимущественно в доиндустриальные эпохи [14]. Акцентирование внимания на “примитивных обществах” свойственно далеко не всем авторам, работающим в пределах данного предмета. Так, М. Абеле считает, что в задачи политической антропологии входит “изучение властных процессов и систем, пронизывающих наши структуры, и способов, в которых проявляются корни и формы политического действия в наших обществах” [15]. Таким образом, с точки зрения этого учебного политическая антропология вправе исследовать современные процессы, происходящие в развитых индустриальных странах.

Большой интерес вызывает позиция, согласно которой политическая антропология позволяет проводить исследования процессов перехода от традиционного к модернизированному обществу. Например, В.В. Бочаров [16] считает, что политическая антропология изначально развивалась как наука о традиционных обществах. Однако в настоящее время ее объектом становятся полиэтнические властные структуры, устройство которых формируется в результате взаимодействия нескольких различных систем отношений. Прежде всего, В.В. Бочаров имеет в виду традиционные сообщества, включенные в контекст индустриально развитой культуры. Похожую точку зрения на роль политической антропологии высказывают авторы, занимающиеся изучением политической культуры в азиатских и закавказских республиках бывшего СССР [17]. Все эти ученые исходят из положения, что на современном этапе традиционные политические структуры находятся в постоянном динамическом взаимодействии с политическими структурами индустриальных государств. В ходе такого взаимодействия традиционные уклады претерпевают существенные изменения. В то же время, и индустриальное общество оказывается в зависимости от тех образований, которые составляют его политическую периферию.

Итак, политическая антропология – это научно-философское направление, в рамках которого отношения политического неравенства рассматриваются как базовые, существенные характеристики общества, определяющие всю остальную систему отношений. Антропология власти занимается уточнением понятия “власть”, описанием различных типов власти, выяснением структуры властных органов и механизмов их воздействия на жизнь общества. Кроме того, антропология власти выявляет обратную зависимость власти от жизни общества, описывает различные типы отношений подчиненных людей к своему правительству, показывает зависимость строения властных органов от экономических и социально-культурных событий, происходящих в управляемом ими обществе.

Как уже упоминалось выше, спецификой социальной философии является, во-первых, рефлексивность ее теоретических построений, а, во-вторых, акцентирование внимания на аксиологических аспектах изучаемых процессов. Применительно к поли-

тической антропологии это ведет к необходимости разработки теоретических моделей, которые позволяли бы описывать политические процессы, происходящие в конкретной стране и в определенный исторический период. Подобная характеристика коренным образом расходится с устремлениями большинства современных теоретиков, работающих в области политологии. Политологи пытаются создать такие конструкции, которые были бы в равной мере применимы для анализа всех событий, связанных с развитием властных отношений. Если же в ходе своих исследований они обнаруживают общество, не укладывающееся в общую модель, то это общество объявляется не соответствующим общечеловеческим ценностям. Следствием подобной ценностной установки оказывается стремление научно мыслящих авторов унифицировать все реально существующие государства в соответствии с требованиями одной общей модели. С другой стороны, политическая антропология нацелена именно на выявление специфики политических процессов, их соответствия местным, локальным системам ценностей [18]. Высказывается позиция, согласно которой структура властных органов, а также принятые в обществе нормы и методы управления обладают настолько сильными этнокультурными чертами, что они принципиально не вписываются в теоретические конструкции, разработанные для общего случая. Это вынуждает исследователей перейти от абстрактно-теоретических рассуждений об общих закономерностях социальных процессов к описанию тех политических реалий, которые определяют жизнь той или иной страны.

Однако здесь возникает возможность попасть в другую крайность, которая также ведет к неадекватности исследований поставленным перед ними проблемам. Поскольку общие рассуждения, построенные без учета местной специфики, часто оказываются неприемлемыми для понимания реальных процессов, постольку у ряда исследователей появляется желание совсем отказаться от теоретического моделирования и ограничиваться только сбором фактов. В то же время, отказ от использования теоретических конструкций для понимания эмпирического материала ведет к невозможности сопоставить события, происходящие в различных регионах или в разные исторические периоды. Акцентирую внимание только на конкретных событиях, исследователь не может учитывать закономерности наблюдаемого им процесса, и не способен строить сколь-нибудь долговременные прогнозы развития общества. Таким образом, при исследовании политических процессов возникает риск применить одну из двух одинаково тупиковых стратегий. Ни стремление чистого теоретика к построению предельно общих моделей, ни желание ряда узких специалистов совсем отказаться от теоретической работы не могут быть признанными в качестве приемлемого пути изучения общества.

Преодоление рассмотренных выше недостатков возможно в случае использования социально-философского подхода, позволяющего как фиксировать специфику объекта исследования, так и находить общие закономерности в рассматриваемых событиях. Суть этого подхода состоит в том, что на первом этапе исследования общество описывается как некоторая целостность, обладающая специфичными чертами, отделяющими данное общество от других обществ. Такие черты мыслятся как некоторые системообразующие признаки, влияющие на особенности всех остальных параметров исследуемого общества. Все структуры общества, а также все происходящие в нем процессы начинают описываться с учетом специфичности тех системообразующих признаков, которые обеспечивают целостность системы. Определение такой целостности задает ряд гносеологических аспектов, определяющих работу исследователя. Все понятия и категории, также как и теоретические конструкции применяемые для описания объекта, вводятся с учетом того, для изучения какого конкретного общества будет использоваться данная теоретическая конструкция. Другими словами, смысл всех понятий мо-

жет в определенной степени изменяться в зависимости от того социального объекта, для описания которого их применяют.

Описанный выше подход разрабатывается в социальной философии, начиная с 80-х годов XX века. В качестве основной категории, применяемой для описания специфических характеристик целостного общества, используется понятие “культура”. На основании этого такое направление философии получило название “социокультурный подход” [19]. Социокультурные исследования проводились с целью определения специфики того или иного социального феномена, встречаемого в контексте разных цивилизаций, в зависимости от особенностей данной цивилизации. Применительно к политико-философским исследованиям социокультурный подход был использован А.С. Ахиезером и его последователями [20]. А.С. Ахиезер признает, что политические отношения свойственны большинству человеческих обществ. Однако в социокультурном поле России политические отношения строятся по принципам отличным от тех, которые действуют в Западной Европе или Китае. Это налагает определенные требования к исследователю, изучающему политические отношения в различных социокультурных регионах.

Социокультурный подход позволяет как проводить исследования “внутри” объекта, так и сопоставлять процессы, происходящие в различных обществах или в одном обществе, но в разные исторические периоды. Чаще всего, социокультурные исследования строятся в несколько этапов. На первом этапе выделяется тот критерий, на основании которого одно целостное общество отделяется от другого. На втором этапе исследования показывается как сущностные характеристики изучаемых обществ детерминируют специфику конкретных структур или процессов. Третий этап работы состоит в сопоставлении отдельных процессов, происходящих внутри каждого из рассматриваемых социумов, с процессами, проходящими в других социумах. Наконец завершающим этапом социокультурного исследования является объяснение исторической динамики каждого отдельного социума исходя из представлений о взаимодействии различных целостных обществ между собой.

Завершая работу можно сделать вывод о том, что в настоящее время назрела необходимость в проведении социально-философского исследования, которое смогло бы объяснить происходящие в российском обществе изменения, касающиеся ценностных аспектов формирования и функционирования государственной власти. Подобное исследование необходимо чтобы понять реальный механизм тех политических событий, которые происходят в ходе реформирования российского государства. Можно надеяться, что на основании этой работы будет получено объяснение того, почему целый ряд мероприятий правительства, нацеленных на изменение общественной жизни, не реализуется на практике.

### *Примечания*

1. См.: *Лапин Н.И.* Проблема социокультурной трансформации // *Вопросы философии*, 2000. № 6. С. 3–48; *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопросы философии*, 2000. № 4. С. 3–28.
2. См.: *Чернов П.В.* Новый геополитический передел Мира: Что будет с Россией? М.: Изд-во Восточная литература, 2003.
3. См.: *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
4. См.: *Целищев В.В.* Наука и социальные ценности: социальная и концептуальная структура научного дискурса // *Философия: История и современность*, 2003. С. 3 – 13.
5. Там же. С. 12.



6. См.: *Целищев В.В.* Наука в демократическом обществе. // *Философия: История и современность*, 2001-2002. С. 3–13.
7. См.: *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 125–158.
8. См.: *Громыко Ю.В.* Деятельностный подход: новые линии исследований // *Вопросы философии*, 2001. № 2. С. 116–121.
9. См.: *Чернов П.В.* Россия: этногеополитические основы государственности. М.: Восточная литература, 1999.
10. См.: *Розов Н.С.* Начала рациональной философии истории. Выпуск 5. Познавательные средства теоретической истории. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000.
11. См.: Bunge M. Finding philosophy in social science. New Haven – L.: Yale University Press, 1996; Порти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997.
12. См.: *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001; *Он же* Предмет и задачи политической антропологии // *Политические исследования*. 1997. № 5. *Political anthropology*. Chicago, 1966; *Абеле М.* Политическая антропология: новые задачи, новые цели // *Международный журнал социальных наук*. Т. VI. 1998. № 20.
13. См.: *Balandier G.* Political anthropology / Translated by A.M.S. Smith. N.Y.: Random House, 1970.
14. См.: *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
15. Абеле М. Политическая антропология: новые задачи, новые цели // *Международный журнал социальных наук*. Т. VI. 1998. № 20. С. 30.
16. См.: *Бочаров В.В.* Власть. Традиции. Управление. М., 1992.
17. См.: *Этнические аспекты власти*. Сборник статей. СПб: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 1995.
18. См.: *Бочаров В.В.* Власть. Традиции. Управление; *Крадин Н.Н.* Политическая антропология; *Political anthropology*
19. См.: *Савостьянов А.Н.* Методология социокультурного анализа развития мировоззренческих традиций на примере российской науки // *Философия: История и современность*. Новосибирск, 2001-2002. С. 106–124.
20. См.: *Ахиезер А.С.* Как искать специфику российского общества, или Было ли осевое время в России // *Рубежи*. 1998. № 3-4; *Ахиезер А.С.* Двоевластие – форма социокультурной патологии // *Ильин В.В.* Ахиезер А.С. Российская цивилизация: Содержание. Границы. Возможности. М., 2000; *Ахиезер А.С.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // *Политическая культура*, 2002, Т. 7, № 3. С. 51-77.

### *Философские вопросы образования, творчества и культуры*

## **СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИФФЕРЕНЦИИ**

**В. Л. Лехциер**

Самарский государственный университет

В современном гуманитарном знании, на мой взгляд, явно, а чаще неявно, проводятся несколько актуальных методологических различий. Не все эти различия до конца ясны, здесь еще много тумана, много предчувствий и едва ощутимых симптомов. Но именно поэтому акцент на методологических различиях становится все настоятельней. Тем более, что проблематика гуманитарных наук началась, как известно, с обособления, с отличия от наук естественных, с разведения методов генерализации и индиви-

дуации (Риккерт), объяснения и понимания (Дильтей). Совсем недавно в России начали издавать собрание сочинений Вильгельма Дильтея, что подстегнуло новую серьезную дискуссию о специфике «наук о духе». Думаю, что тут предстоит еще многое выяснить, артикулировать, может быть, даже манифестировать. Я остановлюсь только о нескольких методологических различиях, актуальных для современных гуманитарных исследований.

1. Различие анализа и интерпретации. Это различие на практике осознается меньше всего. В теории тоже пока для него нет достаточно определенных критериев. Даже у самых крупных и известных авторов (у того же Дильтея). Тем не менее есть ряд исследователей, которые настаивают на подобной дифференциации. Например, В.И. Молчанов недавно применил ее при анализе феноменологии опыта Э.Гуссерля (1). Что имеется в виду? А имеется в виду то, что интерпретация и анализ – две принципиально разные технические процедуры: и по своему предмету, и по своим задачам, и по своему эпистемологическому статусу. Основанием этого различия служит в свою очередь другое и уже фундаментальное различие, аксиоматичное, в частности, для феноменологической философии сознания – различие между *мыслом* (значением) и *актом смыслополагания* (опытом). Вот этот акт, как его ни понимай: исключительно как психический (ментальный) акт или же как экзистенциальный акт (опыт существования), является *условием, причиной* смысла. На него и направлен анализ. Анализ имеет дело не со смыслом, а с его условием, с тем, как смысл возможен, как он конституируется. Анализ есть *рефлексия* предпосылок смысла. Со смыслом же (значением) имеет дело интерпретация, герменевтическая практика, экзегеза. Отсюда же и «неснимаемое», несмотря на попытки Г.Шпета, различие герменевтики и феноменологии как двух исследовательских стратегий, направленных соответственно на исследование смысла и тех актов, в которых этот смысл возникает. Интерпретация всегда относительна и множественна. «Интерпретация порождает новую интерпретацию. Интерпретация – это бесконечный процесс» (2.С.157). Причем, чем она нетривиальней, радикальней и даже скандальней, тем она оправданней. Ведь изначальная интенция интерпретации – это спор с текстом, с его кажущейся очевидностью. Она стремится уличить текст в дополнительных смыслах, обнаружить нечто «скрытое». Самое интересное, что самим своим фактом, точнее актом, интерпретация учреждает, производит это «скрытое» текста (3.С.18). Поэтому чем неожиданней ее находки, тем оправданней вторжение в чужой текст. Неслучайно, что интерпретации вступают, по словам П.Рикера, в конфликт, ибо конфликт – их стихия. Поскольку я интерпретирую только в том случае, если не согласен с другими интерпретациями. Интерпретируемый текст становится заложником либо имплицитной, либо иногда вполне открытой войны, которую ведут интерпретаторы. П.Слотердайк в этой связи говорит о «трансцендентальном полемосе», который управляет научной деятельностью (4.С.398). С анализом дело обстоит иначе. Анализ конечен, строг и скуп. Он не стремится к эффектности, но стремится к точности и, главное, к некой верифицируемости. Интерпретация всегда моя – тем и интересна! Она вызвана экзистенциальными мотивами самопонимания. Анализ, конечно, тоже провожу я, но все же рассчитывая на некую общезначимость, хотя бы конвенциональную. Анализ должен упереться в определенный грунт, дальше которого он копать не в состоянии, в определенные, далее неразложимые элементы. Главное, что он делает это с опорой на опыт, он последовательно *эмпиричен*. Например, само различие интерпретации и анализа, как отмечает Молчанов, является *аналитическим* различием, опирающимся на опыт сознания. А теперь я хочу спросить, какой опыт и опыт чего лежит в основе таких понятий, как форма, конфликт, сюжет, повествователь, хронотоп, пародия, ритм, образ и т.д., используемых литературоведами? Если они действительно поставлены на фундамент опыта (например, опыта интенционального сознания, как это, в частности, сделано у

Р.Ингардена), то тогда они являются инструментами анализа, если же нет, и они просто приняты как некие исходные конструкты, мифологемы, априорные смыслы, метафизические допущения, то тогда они являются исходными интерпретациями, на базе которых делаются уже другие интерпретации.

Аналитика опыта проводится как серия последовательных различений, сопровождающихся дескрипцией. Анализировать и значит описывать, нейтрально фиксировать те или иные процессы (акты), посредством которых возникает смысл. Скажем, возьмем понятие формы литературного произведения - это аналитическое или интерпретативное понятие? Оно может быть аналитическим, если мы действительно, опираясь на опыт сознания, опишем, *как* формируется тот или иной смысл. При этом мы должны внимательно следить за тем, что происходит с нашим сознанием, когда мы читаем произведение, или когда мы пишем. Если удастся указанные акты предъявить в дескрипции, значит получился *анализ* формы литературного произведения, который теперь каждый сможет сравнить со своим опытом. Так, в частности, возникает рецептивная или соответственно креативная эстетика, со всей сопутствующей проблематикой. Или, другой пример, понятие «романное мышление», насколько я понимаю, так же призвано закрепить анализ поэтики романа на фундаменте опыта сознания. Если же речь идет о форме как некой готовой, предданной системе или структуре произведения, независимой от реального опыта сознания, то тогда мы имеем дело с очередной интерпретацией.

Вообще надо сказать, что интерпретации часто рядятся в одежды анализа. Таков, скажем, психоанализ З.Фрейда, содержащий большую долю герменевтической антропологии, «семантики желания» (П.Рикер) или психоанализ Юнга, понятие архетипа которого по той логике различения, которую я здесь развиваю, является в чистом виде интерпретативным понятием. С другой стороны, и в процессе интерпретации нередко происходят аналитические открытия. Так многие гуманитарные науки в XX веке, открыто позиционировавшие себя как науки интерпретативные («понимающая социология» М.Вебера, качественная парадигма в социологии, «понимающая психология» К.Ясперса и др.), сделали множество по настоящему аналитических наблюдений. В иных случаях вопрос осложняется, например, в экзистенциальной аналитике М.Хайдеггера, которую он также называл «герменевтикой фактичности», или в случае теории и практики Dasein-анализа Л.Бинсвангера.

Однако, несмотря на выше проведенное различие, хочется все же усомниться в его реальной возможности и даже теоретической состоятельности. Ведь и анализ, и интерпретация являются актами смыслополагания. Любой анализ, даже самый внимательный к опыту, стремящийся опираться только на него, все равно укоренен в жизненном мире человека, откуда проистекают все науки, а это значит, что он не может полностью контролировать все свои основания. Различая, осуществляя дескрипцию опыта, анализ все равно черпает способы и язык описания из сферы повседневных значений той или иной культуры, сферы повседневных интерпретаций, в которой мы все живем. Следовательно «трансцендентальный полемос» распространяется и на него. Поэтому не будет ли честнее признать вслед за Ницше, что нет фактов, а есть лишь интерпретации, и без претензии на общезначимость занять в герменевтическом споре свою позицию?

2. Различие генетических методов и дескрипции. Данное различие во многом напоминает предыдущее, но не повторяет его, поскольку здесь нет различия интерпретации и анализа. Оно имеет собственную историю и проблемное поле. Речь идет о том, что в различных интерпретативных практиках конкурируют между собой две стратегии исследования. Для одной из них понимание смысла (действия, произведения, слова, обычая, события) предполагает выявление его условий, возможностей, предпосылок, истоков, причин. Эту стратегию понимания можно назвать *генетической*. Начиная с «Генеалогии морали» Ф.Ницше и до работ по археологии знания и генеалогии власти

М.Фуко гуманитарное знание строится по генетической модели. Другая линия понимания заключается в *дескриптивном* анализе смысла в том виде, в каком он представлен в реальном опыте человека. В этом случае мы имеем дело с совокупностью феноменов, которые можно описывать, сравнивать, интерпретировать, различать, выводить на свет, укрупнять, как под увеличительным стеклом, амплифицировать. Начиная с эмпирической психологии Ф.Брентано, «описательной психологии» В.Дильтея, феноменологии Э.Гуссерля и кончая современными аналитическими описаниями соответствующего региона опыта в этнографии, антропологии и т.д., гуманитарное знание строится по дескриптивной модели.

Генезис смысла может быть психологический, социологический, текстологический, жанровый, даже метафизический. Классический пример генетического исследования в литературоведении: интерпретация Бахтиным происхождения жанрового своеобразие романов Достоевского из «сократического диалога и Менипповой сатиры». Генетическое виденье процессов понимания нашло мощную подпитку в методологии психоанализа, структурной лингвистики, современной социальной критической теории. В особенности все большую популярность в нынешних гуманитарных исследованиях, в том числе и литературоведческих, приобретает социологическое виденье генезиса смысла, прослеживание его истоков в «скрытых стратегиях власти» социальных институтов, практик, норм. Человеческая реальность в таком знании предстает как анонимная *конструкция*, в рамках которой протекает конкретное существование человека и все его акты смыслополагания.

Как мне представляется, гуманитарное знание не может и не должно абстрагироваться от конкретного существования человека, от тех смыслов, которые сам человек считает своими и которые он переживает в своем реальном опыте. Поэтому наряду с «разоблачающей» генетической точкой зрения гуманитарное знание нуждается во внимательной и сочувственной дескрипции опыта. Генетик от гуманитаристики ставит себя в привилегированную позицию, он полагает, что знает о человеке лучше его самого, он парит, как бог, над исследуемым «ложным сознанием», видя все его тайные пружины и скрытые истоки (по крайней мере он полагает, что видит их). Напротив, тот, кто занят дескрипцией, не имеет привилегированной точки зрения. Он вообще ничего не знает до начала исследования. Ему не важно «почему», важно «что», причем то «что», которое важно самому субъекту опыта, все «почему», он впервые выводит из этого «что», из субъективной значимости того или иного феномена, как это происходит, например, в экзистенциальном анализе Л.Бинсвангера наперекор генетическому психоанализу З.Фрейда.

В литературоведческом исследовании часто трудно провести границу между дескриптивной и генетической установками. Что такое «структура» - дескрипция или генетика? И то, и другое, все дело в акцентах, в том, идет ли речь о *порождающих структурах* или о *структурах порожденных*, фактических. Даже в тех методологиях, где есть слово «генетика», не все так просто. Например, Ю.Кристева обозначает «генотекст» как порождающую силу всякого текста, силу долингвистическую и досубъектную, чистую энергию означивания, которая воплощается в жестких структурах «фенотекста». Тем не менее, интерпретация этой силы гораздо ближе к реальному опыту человека, спонтанному и множественному, чем фенотекст. Или, другой пример, генетическая критика во Франции (А.Грезийон, Ж.Бельмен-Нозль, Д.Феррер и др.). Она начала с анализа текста как законченного результата собственного генезиса, но погрузившись в изучение черновиков, пришла к пониманию того, что никакого текста как результата, то есть законченного текста не существует. Текст, как его *описывают* представители генетической критики, есть непрерывный процесс производства и воспроизводства

смысловой множественности и обратимости (5). Текст всегда есть черновик в принципиальном отсутствии черновика (6).

3. Различие конструкции и реконструкции. Выражая опыт в понятиях, аналитических или интерпретативных все равно, мы можем, как говорит Б. Вальденфельс, встать либо на сторону опыта, либо на сторону выражения (7). В первом случае мы выбираем стратегию *реконструкции* опыта, во втором - его *конструкции*. Не важно идет ли речь о выражении своего опыта или чужого. Конечно, когда мы выражаем свой опыт, например, рассказываем сон, то мы впервые даем ему слово, а когда мы имеем дело с чужим опытом, он всегда уже выражен в тех или иных знаках. Но и в том, и в другом случае можно делать ставку либо на реконструкцию, либо на конструкцию опыта. Проблема заключается в том, что когда мы начинаем выражать опыт, его самого уже нет, мы уже проснулись, обрадовались, огорчились, восприняли, испугались. Можно ли постфактум, в рефлексии, его достоверно описать именно таким, каким он протекал? Можно ли спать наяву? Можно ли провести археологические раскопки опыта, как Троянского царства? Одни полагают, что можно, и изобретают для этого разные методы, например, метод *эпохе* в феноменологии или метод *включенного наблюдения* в антропологии. Доведенная до логического конца эта позиция предполагает полное растворение в опыте, по сути новое его исполнение. Скажем, исследование романа в форме романа, стихи о стихах и т.д. Другие полагают, что опыт реконструировать нельзя, что, выражая его в понятиях, мы сознательно его конструируем лишь как возможный опыт или даже как невозможный (Ж. Батай).

А теперь я спрошу: что делает литературовед, когда исследует произведение, он реконструирует заключенный в нем опыт (смыслы) или его конструирует? Вот, например, методологи интертекстуального анализа прямо говорят, что текст есть «поле методологических операций» (8.С.415), следовательно, моя исследовательская и читательская конструкция. Кстати, классики структурализма тоже не всегда и не во всем однозначно настаивали на реконструкции. Например, К.Леви-Строс признавался в «Сыром и вареном», что, так называемое, единство мифа как объекта исследования - это не состояние самого мифа, а явление воображаемое, «порожденное усилиями интерпретации» (9.С.15). Откровенно конструктивистская позиция - дело достаточно редкое. В частности так понимали философию Ж.Делез и Ф.Гваттари: философия, с их точки зрения, не должна выражать какой-либо другой опыт, она сама есть самостоятельный опыт, творчество автореферентных концептов-симулякров. Такую же позицию, насколько мне известно, занимает постмодернистская литературная критика, для которой литературное произведение - лишь повод для самовыражения.

Вальденфельс предлагает сочетать в исследовании конструкцию и реконструкцию и строить гуманитарное исследование как «творческий ответ» на опыт. Я бы предложил такое определение: гуманитарное, в том числе литературоведческое, исследование - это *перевод одного опыта на язык другого*. Поэтому он подчиняется логике и проблематике перевода как такового. Любой настоящий перевод призван продемонстрировать печальную невозможность перевода. Но невозможность перевода можно почувствовать, только переводя. Аналогично: чтобы знать незнание (Сократ), нужно углублять знание. Теперь вообразим себе перевод, оригинал которого до нас не дошел. Мало ли таких случаев приводится в истории словесности и науки? Гуманитарное исследование опыта и есть такой перевод, оригинал которого потерян.

4. Ориентиры знания: власть или общение. Пожалуй, это самое принципиальное методологическое различие, поскольку оно мировоззренческое. Либо ты производишь знание, служащее орудием власти, либо ты пытаешься этого избежать и искать другие формы его производства. Даже если ты специально не выбирал то или иное знание, ты тем самым все равно выбрал. От выбора уклониться нельзя, ибо тут слово «метод» зна-

чит «путь», жизненная позиция. Что значит знание как власть? Эта тема сегодня обсуждается в двух аспектах: первый начат М.Хайдеггером, второй - М.Фуко. Хайдеггер писал о знании, стремящемся, начиная с Платона, подчинить бытие, превратить его в сущее, в представление, в «постав», в объект. Хайдеггер всю жизнь боролся с таким представляющим и покоряющим мышлением, реализованным в классической рациональности Нового времени и основанной на нем современной цивилизации, и искал ему альтернативы. Можно сказать, что вся философия XX века в той или иной степени искала эти альтернативы (Бубер, Сартр, Батай, Левинас, Франк, Лосев, Делез, Деррида и др.) и находила их в традиции апофатики. Гуманитарная апофатика - это понимание без *по-имания*, без имения, присвоения, представления, это понимание по принципу *быть*, а не *иметь*, это *умное непонимание*, это, наконец, диалог с бесконечностью текста.

Фуко описал знание как элемент социальных отношений, имя которым «власть». Это большая тема. Скажу только о нормативном знании. Нормативное знание - это общезначимое знание. Но главное даже не то, чего добивается знание, а как оно себя позиционирует. Если исследователь говорит от имени той или иной науки, от имени литературы, русской культуры, истины, духовности или др. «метанарративов», он тем самым производит норму, власть. Во многом эта позиция задана нам институционально, поскольку университет априори делает наши высказывания легитимными и авторитетными. Мы вольно или невольно участвуем в символической борьбе за определение реальности. Но даже при всех этих условиях можно строить свое знание на иных основаниях. Если ты все время оговариваешь статус своего высказывания как *своего*, если строишь его от «первого лица», по типу «мой Пушкин», значит ты ищешь не власти, а общения с другим, ищешь не всеобщности, а сообщаемости. От подобного методологического выбора зависит и решение проблемы границы. Для знания-власти границы необходимы, оно всегда будет под разными предлогами на них настаивать и институционально закреплять, ибо власть и есть ограничение. Другое знание, личное знание-общение, наоборот, ускользает от границ, оно онтологически внедисциплинарно, оно подрывает границы, все время их нарушает, ибо экзистенция внутри себя никаких границ не имеет, у нее есть только одна граница, абсолютная, перед которой все остальные лишаются существенного смысла.

### *Литература*

1. Молчанов В.И. Аналитическая феноменология в «Логических исследованиях» Эдмунда Гуссерля // Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). М., 2001.
2. Молчанов В.И. Гуссерль и Дильтей. Предпосылки и методологические процедуры // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. Материалы научной конференции РГГУ. М., 2002.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
4. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.
5. Генетическая критика во Франции. Антология. М., 1999.
6. Лехциер В.Л. Апология черновика или Прологомены ко всякой будущей // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 44.
7. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск, 1999.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
9. Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 1. Сырое и вареное. М., СПб., 1999.

## О ЧЕЛОВЕКЕ

Т. Н. Киятина, А. А. Туман-Никифоров, И. О. Туман-Никифорова

Красноярский государственный торгово-экономический институт

Термин «гуманитарные науки» может пониматься как минимум в трех значениях. В самом узком из них – это науки изучающие гуманистически-личностное в человеке, особенности его личностного, экзистенциального бытия, его специфически человеческий внутренний духовный мир. В более широком понимании гуманитарные науки это – синоним социальных, общественных наук, изучающих общество и добывающих социальное знание. Эти два значения уже получили широкое распространение и активно употребляются в специальной и прочей литературе.

Но нам представляется возможным и третье, еще более широкое понимание гуманитарных наук. Мы исходим из дословного понимания латинского термина *humanus*, что означает человеческий, человечный (не подразумевая отдельно выделение гуманистически-личностного в человеке) и предлагаем трактовать гуманитарные науки, как науки о всестороннем изучении человека со всех его сторон и во всех проявлениях. Но человек является предметом изучения не только социальных, но и естественных и психологических наук. Последние, за исключением социальной психологии, так же не могут быть полностью отнесены к социальным наукам, но к гуманитарным (за исключением зоопсихологии) вне сомнения.

Человека мы понимаем как совокупность трех взаимообусловленных сторон (составляющих): биологической, социальной и духовной, как биосоциодуховное существо. С биологической стороны человек является животным вида *Homo sapiens*, с социальной – гражданином, членом общества, лицом, включенным в систему социальных связей и отношений, с духовной – интеллигентом, субъектом сознания, души и духа, существом познающим, эмоционально реагирующим, деятельно и творчески преобразующим действительность.

Данное понимание гражданина и интеллигента несколько шире, чем-то, что уже принято в научном и обыденном языке, но мы полагаем его возможным. Человек, таким образом, *Homo sapiens* + гражданин + интеллигент.

Последние две составляющие можно обозначить сводным термином – «личность», на наш взгляд, именно этот термин более всего подходит для обозначения совокупности социальных и духовных качеств. Причем, социальные и духовные качества «человека вообще», «родового человека» мы предлагаем обозначить термином «личность вообще» – как общеродовое качество присущее, в той или иной степени, всем людям, а социальные и духовные особенности индивида – термином «индивидуально присущая личность» или «персональная личность». Внутренний духовный мир может рассматриваться как высшие, собственно человеческие слои психики и состоит из сознания, души и духа. Говоря о душе и духе мы вовсе не имеем ввиду никакого религиозно-идеалистического содержания, понимая их как еще две (наряду с сознанием), относительно самостоятельные, сферы человеческой психики. Душа – чувственно-эмоциональная сфера, т.е. способность произвольно реагировать на воздействия внутренних и внешних раздражителей (испытывать эмоции), а так же специфические процессы этого реагирования. Дух – активно-творческая, деятельностно-волевая сфера человеческой психики, способность к проявлениям активности и творчества, а так же специфические процессы этих проявлений. Подобно сознанию, душа и дух возникают и развиваются в процессе антропосоциопсихогенеза человека, в тесной взаимосвязи с изготовлением и применением орудий труда, а так же с развитием человеческой социальности, с усложнением форм социальной и культурной жизни. Но, в тоже время, духовное (в широком смысле: сознание + душа + дух) не правомерно рассматривать толь-

ко как продукт и проявление социального, как это было принято в рамках биосоциальной концепции человека. Духовное имеет относительную самостоятельность и от биологического и от социального и, в свою очередь, оказывает на них мощное детерминирующее воздействие.

Таким образом, подлинный интеллигент, человек с развитым, богатым внутренним духовным миром – это обладатель развитых – сознания (широта и глубина постижения действительности), души (богатство эмоционального восприятия), духа (активный, деятельный, волевой, творчески преобразующий действительность).

Отсюда следует, что гуманитарные науки можно понимать предельно узко, как науки именно об интеллигентности человека, об его специфически человеческом внутреннем духовном мире, и предельно широко, как науки о всестороннем изучении человека со всех его сторон и во всех проявлениях. Последнее представляется нам более верным. Гуманитарные науки должны изучать взаимосвязь всех сторон и проявлений человека, синтезировать естественнонаучное, социальное и психологическое знание о человеке. В связи с этим мы предлагаем внести некоторые коррективы в традиционную классификацию наук. Мы предлагаем классифицировать все науки как естественные (изучающие природу), социальные (изучающие общество) и пневматологические ((от греч. *pneuma* – дух) изучающие сознание, познание, мышление и, шире, духовность во всех её проявлениях). В своей классификации мы исходим из того, что выделение природы, общества и сознания (мышления), как трёх, относительно самостоятельных структур бытия, традиционно характерно для истории познания и имеет под собой объективные основания. Вот только трактовка третьей части как сознания или мышления представляется нам зауженной. Сознание категория более широкая чем мышление, но, в свою очередь, входит в еще более широкую категорию – духовность. Эту последнюю, во всех ее проявлениях, и должны изучать пневматологические науки.

Кроме трех частных областей научного знания: натуральных, социальных и пневматологических наук, существуют еще всеобщие науки, охватывающие, в той или иной мере, все три области мироздания. Всеобщая наука первого порядка – философия, как наука о наиболее общих законах природы, общества и духовного мира (последний мы понимаем исключительно как внутренний духовный мир человека, не вкладывая в его понимание никакого идеалистического содержания). Всеобщие науки второго порядка – математика, кибернетика и т.п. – исследуют какие-то частные аспекты, имеющие отношение и к природе, и к обществу, и к духовному миру.

Всеобщая наука третьего порядка – гуманология (и другие гуманитарные науки) – изучает человека как пересечение и проявление и природного, и социального, и духовного. Таким образом, мы понимаем гуманологию, как всеобщую науку о человеке (естественную + социальную + пневматологическую), синтезирующую различные подходы к изучению человека: естественнонаучный, социальный и психологический. Гуманология систематизирует знания о человеке, рассматривает самого человека, как сложную, динамическую систему, состоящую из различных подсистем, а так же различных отношений и связей между ними. В наиболее общем виде человек состоит из следующих подсистем: природность (*Homo sapiens*), социальность (гражданин), духовность (интеллигент). Их изучением и должна заниматься гуманология – синтетическое знание о человеке.

## **ПОНИМАНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИЯХ ДИСКРЕТНОГО РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ**

**И. М. Романова**

Алтайский государственный университет



Проблему кризиса культуры можно отнести к разряду “вечных” философских вопросов. Сложно найти философа, который бы в той или иной степени не касался этого вопроса. Идеи осмысления культуры в философии истории сосредоточены вокруг двух основных направлений: понимание культуры как процесса непрерывного линейного роста и характеристика её развития как прерывного, циклического. К приверженцам первого подхода можно отнести И. Канта, Ф. Шиллера, Г. Гегеля, К. Ясперса и др. Сторонниками же другой концепции являются такие мыслители как Д. Вико, О. Шпенглер, П. Сорокин.

Остановимся подробнее на рассмотрении кризиса культуры в версиях циклического развития культуры. Основу этих версий (вариантов) составляет учение о циклах (периодах) развития, социокультурных изменениях, формах циклических переходов, например, таких как фаза кризиса культуры. Здесь сразу выявляется одно из противоречий понимания кризиса культуры в циклических версиях разных философов, с одной стороны, он может являться одним из структурных составляющих цикла, а с другой стороны, переходной фазой между циклами и соответственно и причиной, обуславливающей смену циклов.

Кризис в понимании немецкого философа О. Шпенглера является процессом необратимым. Период кризиса культуры, как завершающий ее этап, О. Шпенглер определяет как период цивилизации, причем, он как бы подчеркивает существующий дисбаланс между культурой и цивилизацией, когда говорит о том, что не цивилизация поглощает культуру, а культура угасает и цивилизация выходит на поверхность. Шпенглер является сторонником идеи культурно-исторических циклов в сочетании с принципом дискретности локальных культур. Некоторые исследователи, такие как, например, О.А. Андреева, считают, что “Шпенглер в разработке идеи культурно-исторического цикла выбрал методологию идеалистичной абсолютизации исследуемых процессов, превращая, например, самобытность культурного развития в полную его обособленность и возвышая это частное умозаключение во всеохватывающую социокультурную концепцию, суть которой – круговращение истории и неминуемая гибель культур”. [1. с. 23]. Следуя логике автора, можно сделать вывод о том, что концепция Шпенглера выступает своеобразным теоретическим обоснованием неизбежной гибели европейской культуры и хаоса всемирной истории.

Таким образом, в концепции органического циклизма О. Шпенглера кризис, определяемый им как период цивилизации, выступает одним из этапов органической ритмики развития культуры. Причем этот вариант циклизма предполагает локальность культур в отличие, например, от концепции “циклической флуктуации” П. Сорокина, где присутствует идея преемственности культур. Кризис, следовательно, это некий переход от одного типа культуры к другому. Основой для выделения таких типов является доминирующий принцип, или ценность, в соответствии с которым организуются и развиваются все остальные элементы культуры. Динамика культуры, по мысли П. Сорокина, находит своё выражение в постоянном изменении культур, в их волнообразном движении от одного типа к другому.

Еще один вариант циклизма – это идеи, выраженные в концепции исторического круговорота. Ярким примером этого варианта циклизма служат взгляды Д. Вико. По мнению Вико, следует говорить об идеальной истории вечных законов, согласно которым движутся деяния всех наций в их возникновении, движении вперед, упадке и конце. Вико проводит мысль о неутомимом ходе истории, согласно которой все нации проходят определенные этапы развития, составляющие вместе некий цикл. Одним из таких этапов является период варварства, который рассматривается Вико как неотъемлемый период в поступательном развитии человеческого общества, по окончании ко-

того начинается очередной цикл развития. На наш взгляд, период варварства можно определить как своеобразный кризис в развитии человеческой культуры. Мы делаем такое утверждение, исходя из тех характеристик данного периода, которые дает сам Вико. Он различает две тенденции в определении периода варварства: первая, с которой этот период начинается, названа им “естественное варварство”, и его он характеризует как “варварство чувств”; вторую тенденцию он считает хуже первой и именует ее “варварством рефлексии”. За долгие века варварства люди так “глупеют и тупеют, что не чувствуют больше удобств изысканности, наслаждений и роскоши, но лишь одну необходимую жизненную полезность” [2; с. 469]. Второе варварство расценивается им как еще более жестокое, ибо в этот период, последовавший после достигнутого людьми высокого уровня культуры, жестокость отличается более искусными и тайными средствами. В этот период процветает утонченный эгоизм, возникает еще более отчаянная и непримиримая борьба. Но и этот период заканчивается, и на смену ему, согласно Вико, приходит новый цикл, который повторяет этапы предшествующего, но уже в “новой окраске”.

Таким образом, можно выделить ряд общих тенденций в рассмотрении кризиса культуры, характерных и для концепции органического цикла О. Шпенглера, и для теории циклического круговорота Дж. Вико, и для концепции циклической флуктуации П. Сорокина, каждая из которых является своеобразным вариантом идеи циклического развития культуры:

1. В концепциях присутствует исходная установка, что не прогресс является универсальной формой развития культуры, а циклизм.
2. Видение культурного развития не как непрерывного процесса, а как фазисного, дискретного.
3. Понимание кризиса как конца культурной эпохи или локальной культуры.
4. Присутствие финалистской интуиции, ощущения конца, завершенности.

### *Литература*

1. Андреева О. А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. Таганрог, 2000.
2. Вико Дж. Основания Новой Науки об общей природе наций. Москва. Киев. 1994.

## **СИМВОЛ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

**Е. В. Манихина**

Институт философии и права УрО РАН

Символ, безусловно, относится к числу базовых философских категорий. Первые труды, написанные на эту тему, появились еще в эпоху Античности, их авторами явились Аристотель и Платон, именно поэтому в исследовании символа нельзя поставить точки. Сегодня появляются теоретические исследования, которые раскрывают новые грани, стороны природы символа. Подобные труды нельзя оставлять без внимания, приступая к анализу какого-либо конкретного символического языка.

В более позднее время проблема определения символа и его роли в культуре и философии занимала таких мыслителей, как Кант, Юнг, Кассирер, Лосев, Лотман. Этот ряд громких и значимых имен можно продолжить в связи великим многообразием самих символов, так как в каждой отдельной области культуры, науки и даже в различных видах искусства символы имеют свою специфику. Особое место занимают работы философов - постмодернистов Бурдьё, Бодриера и других. Именно в XX веке развива-

ется семиотика, появляются теории, связанные с многообразием символических и знаковых систем в современном мире.

Одними из самых фундаментальных трудов по теории символа являются работы А.Ф. Лосева, который показал значение проблемы, привлек к ней внимание, исчерпывающе осветил ряд аспектов и побудил к дальнейшим исследованиям. В своем исследовании Лосев рассуждает о природе символа и пытается выявить его особенности через сравнение с близкими ему категориями: аллегория, схематическое олицетворение, художественный образ.

По мысли Лотмана, наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания. Стержневая группа символов имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе. С тех же времен осталась за символом и способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты. Символ легко вычлняется из семиотического окружения, не теряя смысловую и структурную самостоятельность, и столь же легко входит в новое текстовое окружение. Символ представляет собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума. Символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие образования из одного пласта культуры в другой. Следующий важный тезис Лотмана связан со смысловым резервом символа. Смысловые потенции символа всегда шире их данной реализации: связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей.

Юнг пользуется словом «архетип» для обозначения тех универсальных символов, которые обладают наибольшим постоянством и действенностью, максимальным потенциалом для психоаналитической эволюции. Но архетип обладает значением, которое отличает его от символа. Юнг пишет так: «Архетипы представляют собой структурные элементы психики и обладают определенной автономией, а также психической энергией, дающей им возможность притягивать из сознательной части души наиболее подходящие для них содержания. Символы действуют в качестве преобразователей, их функция состоит в том, чтобы превращать «низшую» форму либидо в «высшую»... Архетипические образы являются источником мифологии, религии, искусства. В этих культурных формах происходит постепенная шлифовка спутанных и жутких образов, они превращаются в символы, которые предохраняют человека от непосредственного соприкосновения с колоссальной психической энергией архетипов.

Кассирер в своих размышлениях логически подходит к проблеме выявления главной особенности, определяющей сущность человека. Функциональный круг человека шире, он открыл новый способ адаптации к окружающей среде. У него между системой рецепторов и системой эффектов есть звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало человеческую жизнь. Вместо определения *animal rationale* Кассирер предлагает дефиницию *animal symbolicum*. Именно так можно обозначит его специфическое отличие, а тем самым понять новый путь, открытый человеку, - путь цивилизации. Символическое мышление и поведение самые характерные черты человеческой жизни, на которых зиждется весь прогресс человеческой культуры. Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью – волшебное слово, которое позволяет войти в специфически человеческий мир, в мир человеческой культуры. Миф, религия, искусство, язык и даже наука – вариации на одну тему, все они являются символическими формами.

Основная идея Кассирера заключается в том, что он смотрит на символ в широком, глобальном смысле слова. Символ - категория, которая предопределяет существование культуры (в широком смысле слова), отличающей человека от животного. Символическая функция - основа для понимания сущности человека, она определяет весь творче-

ский процесс в его единстве, является тем фактором, в результате которого рождается все многообразие человеческой культуры. Каждая из представленных работ является отдельным, уникальным опытом философского осмысления такого явления как символ, представленные исследования – лишь малая часть работ, посвященных данной проблеме, они лишь демонстрируют многообразие возможных подходов к пониманию сущности символа. Во всем многообразии знаково-языковых средств, какими располагает культура, символу принадлежит особое, определяющее место. Символ – это наиболее емкая и значительная, продуктивная и концентрированная форма выражения культурных ценностей и смыслов. Символ – это наиболее мощный из всех имеющихся в культуре «инструментов» реализации ее духовных возможностей. Важными характеристиками символа являются лаконичность формы, устойчивость, постоянство, способность концентрировать в себе глубочайший смысл и оставаться при этом актуальным и понятным многим культурным поколениям и эпохам. Символ отражает саму суть вещи, обобщает ее, но при этом в нем заключены все возможные варианты и проявления этой вещи. Символ противоречив, он является единством противоположностей: изменчивости и постоянства, формы и содержания, тождественного и различного, единичного и всеобщего, подвижности и покоя, конкретного и абстрактного, конечного и бесконечного.

На сегодняшний день проблематика символа является актуальным направлением философского и научного исследования. Наш мир перенасыщен разнообразными символическими языками и знаковыми системами, появляются все новые и новые виды коммуникации, в основе которых лежит символ.

## **ФИЛОСОФИЯ КАК АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА)**

**М. В. Бабак**

Новосибирский государственный университет

Специфика философской деятельности такова, что не позволяет рассматривать сформулированные каким-либо философом идеи в отрыве от условий и характеристик его жизнедеятельности. Ибо ключевым моментом философского мышления является рефлексия, то есть, созерцание некоего образа себя, взаимодействующего с неким образом мира, причем эти образы жестко взаимосвязаны в том смысле, что они не являются произвольными друг относительно друга, и, вообще говоря, четко друг от друга не отделены. Так что имеет смысл говорить о характере деятельности философа, как она представляется ему в рефлексии; именно она определяет и образ мира, и образ себя, взаимодействующего с этим миром. Итак, в основу анализа философских идей следует, на мой взгляд, класть марксистский тезис о том, что деятельность определяет форму сознания, то есть, рассудок.

Прежде чем перейти к общему рассмотрению философии Канта, следует еще сделать замечание относительно понятия *объекта деятельности*. Объект деятельности – это тот образ мира, который мерцает перед человеком при рефлексии; следовательно, чем более определен род деятельности, тем более определен ее объект, тем яснее предстает перед ним картина мира. Какие-то объекты, не связанные напрямую с деятельностью человека, входят в эту картину мира случайным образом – то есть, остаются на периферии, не связанные с его сущностными элементами. Поэтому следует различать вопросы, которыми занимается философ, на основные и периферийные (случайные для данного философа).

Как известно, в так называемый «докритический период» своей деятельности Кант занимался главным образом естественнонаучными вопросами, причем, этот род деятельности (наука) был для него доминирующим. Следует, видимо, полагать, что все остальные вопросы, касающиеся его жизнедеятельности, были подчинены для Канта этой деятельности, то есть, рассматривались им сквозь ее призму. Таким образом, мир, как он представлял Канту – это мир, существующий в пространстве и времени и единый – единство его заключается во взаимосвязанности его элементов, обусловленной причинно-следственной связью. Основная характеристика взаимодействия Канта, как субъекта, с таким миром как объектом деятельности – *познание*. То есть деятельность Канта в докритический период – это деятельность индивида направленная на познание мира (обладающего указанными характеристиками), на построение его целостного образа.

Имея именно такое представление о собственной деятельности (и не имея другого, что особенно важно) Кант, в силу определенных причин, которые здесь не важны, встал перед необходимостью поиска ее оснований. Для подобного исследования у него имелся более чем богатый материал: несколько созданных им самим теорий; то есть, картина мира была вполне глубоко им проработана и четко представлена.

На мой взгляд, «Критика чистого разума» содержит ядро философии Канта, поскольку именно там Кант проанализировал основания собственной доминирующей деятельности, то есть там были рассмотрены основные для него вопросы (как возможно естествознание, как возможна математика, как возможна метафизика – именно те дисциплины, которыми он исключительно и занимался в докритический период). Политические и этические вопросы следует считать периферийными для философии Канта, несмотря на то, что им посвящена достаточно обширная часть его трудов. Свобода (ключевое понятие в этих вопросах), по свидетельству самого Канта (антиномия свободы), – это свобода от природной необходимости; о смысле последней Кант имел, в силу своего видения мира, вполне научное представление как о причинно-следственной связи, наблюдаемой в физическом мире.

В марксистской литературе о Канте, изданной в нашей стране, встречается замечание о принадлежности Канта буржуазии (что, само по себе, достаточно бессмысленно), интересы которой он каким-то образом отражал в своей философии, а затем сразу делается переход к его взглядам, которые рассматриваются в полном отрыве от его научной деятельности (на которую указывается опять-таки мимоходом). Поэтому делаются, например, упреки в абсолютизации (своеобразной, впрочем) евклидова пространства, и приводится пример неевклидовой геометрии, как будто это доказывает ошибочность взглядов Канта. То есть вместо того, чтобы рассматривать, *почему* Кант что-то утверждает, начинают анализировать, *что* он утверждает, – не принимая во внимание то, что для ученого понятия пространства, времени и причинности (основные характеристики кантовского мира) гораздо более содержательны, нежели для человека, не обладающего таким опытом исследований в науке. Принадлежность Канта определенному сословию лишь дала ему возможность стать *ученым*, и именно им он себя всю жизнь и осознавал. То есть именно это следует в первую очередь учитывать при разборе философии Канта. Все остальные характеристики жизнедеятельности Канта оказали влияние, скорее, на его решение периферийных для него вопросов (политических и этических).

Итак, разбирая философские взгляды какого-либо философа, следует особо учитывать специфику той деятельности, в которой был завязан философ, в том (в первую очередь) виде, в каком она предстает самому философу при рефлексии. Методологически неверно, на мой взгляд, напрямую связывать философию отдельного индивида (а философ такой же индивид, как и все остальные) с глобальными общественными процессами, – но необходимо проследивать факторы, опосредующие включение индивида в эти процессы (учитывать общественные процессы, конечно же, необходимо). Первое

звено в этой включающей цепочке, ведущей от индивида, – это именно те характеристики своей деятельности, которые сам индивид воспринимает как существенные. Именно они определяют понятийное ядро разрабатываемой им философии и первый смысловой пласт этого ядра. И уже после того как этот пласт вскрыт, целесообразно переходить к последующим звеньям цепочки, ведущей от отдельного индивида к индивиду как элементу целостного общества.

## **ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ МОРАЛИ**

**В. В. Сычева**

Новосибирский государственный университет

Целью данной статьи является желание понять, возможен ли процесс трансформации морали, причем процесс трансформации на уровне внутреннего механизма самой схемы морали. Предлагается начать рассматривать этот процесс через несоизмеримость двух крайних точек зрения на мораль. В современном мире традиционно принято противопоставление по отношению к морали между либеральным индивидуализмом (ницшеанство в той или иной версии) и аристотелевской традицией (в той или иной версии).

Существуют две наиболее представительные точки зрения на мораль. Первая, выражающая собой телеологический подход, являет собой взгляд Аристотеля, который рассматривает мораль как процесс движения социума к благу и совокупность правил для этого процесса. Вторая, деонтологическая, впервые выраженная в христианстве, получившая своё продолжение в проекте Просвещения и нашедшая логическое завершение в ницшеанстве, рассматривающая мораль как совокупность правил, навязанных извне, например Богом. Первая точка зрения носит явно динамический характер, т.к. присутствует цель и средства её достижения. Вторая – статический, т.к. цель отсутствует. Уже в этом кроется несоизмеримость, подобная несоизмеримости течения реки и воды, налитой в пробирку; или же несоизмеримости волны и частицы в квантовой механике.

Классическая форма моральной схемы, предложенная Аристотелем, подразумевает три элемента: 1) концепцию необлагороженной человеческой природы, 2) концепцию человеческой природы, какой она могла бы быть, если бы реализовала свою цель (telos), 3) свод этических предписаний как средство перехода от первого состояния ко второму. Второй элемент предполагает, что у человека есть сущность, и что она определяет его истинные цели. Аристотель считал, что мораль является инструментом достижения конечной цели – счастья (иными словами она создана для оптимизации благосостояния общества). По Аристотелю, мораль – это, во-первых, процесс движения социума к благу, и, во-вторых, совокупность правил для этого процесса. Для Аристотеля не возникает потребность обоснования морали, т.к. это обоснование изначально заложено в его схеме морали. Эта схема является цельной, самодостаточной. И в этой самодостаточности уже и кроется обоснование морали. Оно совершенно чётко выражено в наличии самой цели и средств её достижения, т.е. в процессе, в движении. У Аристотеля в его схеме нет отдельного источника морали – он как бы возникает из цели, замкнут на неё.

Христианство сместило акцент с цели на источник, вынеся источник морали в область трансцендентного – в Бога и цель и источник. Так в схеме морали появился источник. При этом схема по-прежнему оставалась самодостаточной. И, следовательно, вопрос об обосновании морали по-прежнему не вставал. Христианство заменило процесс и цель, присущие аристотелю понятию морали, бесконечно удаленным источни-

ком - Богом. Второй раз и навсегда данные на горе Синай правила морали неизменны и исключают всякий процесс движения, развития морали с библейской точки зрения.

Реформация лишила неизбежности христианский источник морали. Сам факт раскола единой церкви на католиков и протестантов показал, что единственно верный путь как минимум не единственен. А какой же верный? На какой вариант морали опираться, совершая какие бы то ни было действия? Вот тут-то и появляется вопрос об обосновании морали. Последовавшая далее Эпоха Просвещения предлагала разные варианты обоснования, но все варианты объединял отказ от телеологичности морали – в этом-то и заключалась новизна проекта Просвещения - (т.е. мораль оставили без изначально заданной цели). И все предпринятые попытки сходились в желании дать рациональное обоснование морали. Таким образом, в схеме морали остались источник и средства достижения. Но достижения чего? Если нет цели, не может быть и средств. Убрав из схемы цель, тем самым, лишили её движения и от процесса оставили лишь набор правил, по которым осуществлялся этот процесс. Так средства достижения цели трансформировались в набор правил. Важно, что позиции религии по-прежнему сильны и источник морали по-прежнему оставался в Боге. Итак, движение исчезает, цель заменяется источником. С библейской точки зрения источник совпадает с целью - Бог есть благо. Остается сделать последний шаг - убрать источник и превратить понятие морали в первоатом категории - мораль как совокупность правил.

Теория эволюции Чарльза Дарвина показала, что Бог является не единственно возможным источником происхождения всего на земле. Это и стало причиной появления Ницше. Он убирает Бога как источника морали. Тем самым, оставляет в схеме морали только набор правил. Но что такое набор правил сам по себе? Но если нет цели - блага, и источника - Бога, то правила становятся не обязательными для избранных "сверхчеловеков", могущих над этими правилами возвыситься. Итак, как только понятие морали расщепляется на исходные категории - оно становится релятивным и перестает существовать как нечто обязательное, присущее человеку и обществу.

Итак, у Аристотеля в схеме морали есть цель и есть процесс достижения этой цели, сопровождаемый набором правил. Сама схема является самодостаточной и, как следствие, не возникает морального релятивизма. У Ницше в схеме морали нет цели, как следствие нет движения, есть набор правил, но нет источника этих правил. Его схема является не полной, что приводит к релятивизму. Концепция Аристотеля телеологична – в ней есть и цель (благо) и средства достижения этой цели (процесс) и в этом смысле её можно считать динамической. У Ницше концепция деонтологична – просто набор правил и, в этом смысле её можно считать статичной. В этом, на наш взгляд, и заключается несоизмеримость вышеозначенных концепций. Несоизмеримость аналогичная разнице между фильмом и фотографией.

Итак, подведём итоги. У Аристотеля обоснованием морали является движение к цели. Поскольку целью является общее благо, то релятивизма не возникает. У него мораль – это живой организм, который развивается по своим законам. В Христианстве цель отрицается и таким образом отрицается движение, но есть основа для морали (т.е. для обоснования морали цель заменяется Богом). Пока в схеме морали есть Бог, релятивизм не возникает. Мораль в Христианстве, таким образом, инструмент жизнеспособный, но не подверженный каким-либо изменениям. Ницше отрицал Бога. И как только он убрал Бога из моральной схемы, так сразу возник релятивизм. Тем самым, отрицая Бога, Ницше отрицает мораль как таковую. Образно говоря, раздели луковицу до конца.

Показав трансформацию морали в историческом срезе, мы вправе сделать вывод: мораль изменяема. В современном мире с постоянно растущей численностью населения всё более обостряется конфликт интересов на почве распределения ресурсов. Так-

же немаловажен тот факт, что расстояния перестали играть роль в разделении между культурами (и, соответственно, моральями). «Всеобщая интеграция в мировое пространство» просто вынуждает нас вырабатывать правила общежития на планете Земля. В этом смысле было бы крайне полезно понять законы изменения морали и возможность их использовать.

## **ДИСКУРС ТЕЛЕСНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЭТНОДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИХ ПРАКТИК**

**О. В. Пак**

Институт философии и права СО РАН

Восприятие телесности можно назвать одним из основных факторов при формировании представлений об отличительности индивидов. Роль данного фактора тем более актуальна, что в телесность «вписано» множество оценочных стереотипов и целый шлейф ожиданий, связанных с ними. Несмотря на то, что политкорректная риторика пытается по возможности исключить оценочную семантику телесности из публичного дискурса, в повседневных практиках именно эти смыслы часто определяют специфику реагирования и поведения индивидов. Одним из контекстов для смыслопорождения телесности выступают этнодифференцирующие практики, поскольку репертуар представлений об этнических характеристиках того или иного сообщества включает в себя образы телесных отличий данной группы.

Телесность здесь рассматривается как текст, считываемый с физического тела, либо ассоциированный с ним. Это семантика означенного тела, и каждое конкретное физическое тело имеет опосредованную связь с фрагментами этого текста. В публичной и бытовой коммуникации данный текст имеет разные способы транслирования и тактики прочтения.

В публичном этноконсолидирующем дискурсе (в частности, в политическом и массмедийном) преобладает семантика «традиции», «культурных практик», «общности корней» и т.п. Телесность в данном случае проявляется как вторичный мифопоэтический атрибутивный текст, сам по себе наделенный символическим смыслом, а также включенный в сеть более широких символических связей (как вариации образов богатыря-героя или народной красавицы, в которых «свернуты» пространственные смыслы от национального характера и национальной эротики до национальной культуры и истории). В публичном коммуникативном пространстве важно представить эталонное собирательное тело, облекающее этномифологию в плоть. И именно эта публичная телесность становится символом идентичности и сохраняет свои коннотации даже при утрате референта. Телесное позиционирование этничности использует практики вторичного означивания уже существующих этнических смыслов и символов. Так, например, фотовыставка «Русская красавица» будет транслировать визуальный текст, составленный на основе отбора телесных образов в соответствии с теми или иными представлениями об эталонной этнической телесности и ее символическими смыслами (допустим, в связи с гендерными ролями, моралью, чертами «национального характера» т.п.). Поэтому актуальной будет связь текста тела с тем или иным концептом, а не с физическим телом того, кто на фотографии (иными словами, важно не сходство конкретного тела с его изображением, а возможность найти телесный образ-знак для того или иного смысла).

Что касается повседневных межличностных взаимодействий, то здесь телесность, наоборот, предстает как первичный текст, своего рода код для дальнейшей коммуникации. Публичные этнические смыслы создают ярлыки, за которыми «упакованы» представления и ожидания по отношению к тому или иному субъекту или ситуации. Эти



ярлыки, в свою очередь, ассоциированы с этническим – символическим – телом. В публичной риторике этноманифестирующие и этноквалифицирующие смыслы не имеют приоритетом актуализацию телесности, тем более – конкретной («мы/они те-то, поэтому мы/они ведем/ут себя так-то», «для нашей/их культуры характерно ...», «у нас/у них есть такая традиция...» и т.п.). Однако на уровне частных столкновений именно «антропологическая» инаковость индивидов создает ситуацию, когда идентификация телесности с неизбежностью актуализирует этнопредставления и связанные с ними ожидания и оценочные суждения. В данный момент избегающая телесности публичная риторика будет «вочеловечена», вписана в конкретную телесность. Но не по принципу подбора «подходящего» тела к представлениям, а на основе того, что является «подходящим» к телу. Происходит означивание физического тела. При этом смыслы, которые возникают на основе прочтения «телесного текста» оторваны от физической телесности как таковой. Так, узкие глаза не могут быть привлекательные или не-привлекательные, быть свидетельством того, что данный человек следует или не следует той или иной традиции, имеет или не имеет те или иные черты характера и т.д. Но прочтение телесных признаков как знаков и интерпретация такого текста рождает суждения о привлекательности и предпочтительности, задает ожидания относительно поведения и т.п. Взгляд на конкретное лицо означает это лицо в соответствии с тем, что будет квалифицировано как знак (раскосые глаза, высокие скулы, смуглая кожа и т.д.), а смыслопорождение проведенного означивания будет зависеть от семантики свернутых за этими знаками образов. Причем до того, как развернутся этнические смыслы, текст конкретного тела получит «заголовок»-код – этнономинацию. Физическое тело станет символическим телом, которое будет включено в сеть этнопредставлений, стереотипов, предубеждений. Такая этнодифференцирующая практика представляет собой акт подмены текста физического тела текстом тела символического, которое уже предопределяет контекст и интенциональность коммуникации.

Отсюда понятно, что одно и то же физическое тело может иметь разные тексты символической телесности, и какие-то из них будут важным ресурсом, открывающим доступ к другим ресурсам, а какие-то – мотивирующим фактором дискриминационных практик. В рассуждениях о дискриминации телесность является основным смыслом, вокруг которого формируются ожидания, опасения и поведенческие практики. Символика телесных особенностей является спусковым механизмом актуализации предубеждений («они бы и не подумали так, если бы я от них ничем внешне не отличался»). В рассуждениях об идентификации незнакомых «своих» тоже лидирует дискурс телесности, несмотря на то, что при размышлении о факторах солидарности идентичной группы телесность уступает место смыслом общности культуры, языка, истории, национального характера и т.п.

Итак, телесный текст – многоуровневая семантическая конструкция, обладающая социальной символикой. Для этнодифференцирующих практик дискурс телесности имеет двоякую прагматику: вторичное обобщение символических конструктов этничности в образ, телесно репрезентирующий идентичность, а также означивание в процессе межличностной коммуникации конкретного тела в соответствии с располагаемыми кодами, за которыми свернуты этнические смыслы, мотивирующие те или иные ожидания, предубеждения, поведенческие решения.

## **СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСТВА В СРЕДЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ**

**А. Н. Бадулина**

Институт искусств и культуры Томского государственного университета

Художественное освоение новых технологий всегда заметно опережало теоретическую разработку проблемы связи творчества, искусства и техники. Вместе с тем, очевидно, что оцифрованная реальность располагает особыми эстетическими средствами внушения, интуиции, художественности. Сегодня формируется новый тип медийно-активного художника и реципиента. Современные коммуникационные технологии стимулируют возникновение новых видов искусства и значительно изменяют классическую парадигму творчества, построенную на оппозиции автора и публики. Интерактивное телекоммуникационное искусство выводит на первый план социально - коммуникативную природу творчества. Технологии интегрируются в сам креативный процесс, становятся средствами и способами созидания. Техника становится и материалом и инструментом художника.

Изучая характер влияния коммуникационных технологий на процессы создания и восприятия произведений искусства, исследователи обратили внимание на интересную особенность: с развитием коммуникативной техники креативный процесс все в большей степени приобретает открытость для продолжения; художник создает полуфабрикат, с одной стороны, законченный, но, с другой стороны, требующий в дальнейшем продолжения со стороны потребителей. В конце XX в. такая тенденция стала основой интерактивного телекоммуникационного творчества, широко открытого для продолжения и со-участия. В телекоммуникационных событиях изображения, графика, тексты и т.п. создаются как бы попутно, они не являются целью креативного процесса.

Телекоммуникационное творчество направлено главным образом на создание *коммуникативного контекста*, в котором каждый из участников может реализовать свою креативность. В этом контексте изображения и тексты создаются и развиваются так же, как в диалоге рождаются и развиваются новые идеи. В телекоммуникационном искусстве продукты креативной деятельности становятся не результатами, а, скорее, документами, фиксирующими креативный процесс своеобразного телекоммуникационного диалога.

В традициях европейской культуры всегда присутствовала объектность - апелляция к объекту - посреднику в отношениях между субъектами. Искусство новых технологий претендует на разрушение этой традиции, порождая связь со зрителем без материализации работ в виде объектов. Резкое смещение акцентов с субъектно-объектного к субъектно-субъектному взаимодействию и с результатов деятельности к *процессуальности* не только дематериализует объект искусства, но и радикально изменяет представление о субъекте творчества. В классической линейной модели креативной коммуникации и творчества художник имеет привилегированный статус создателя произведения-сообщения. Современные коммуникационные технологии способствуют развитию иной парадигмы, представляющей художника в качестве инициатора открытого коммуникативного поля, в котором осуществляется креативное взаимодействие. В таком креативном процессе происходит не просто смена ролей художник - зритель, но полное снятие этого противопоставления. Вклад каждого участника оказывается не произведением, а элементом общего коммуникационного поля, который может использоваться и трансформироваться любым субъектом, оказавшимся в сети коммуникаций. В интерактивном творчестве нет произведения, есть система создания и производства культуры в реальном времени, где пересекаются креативные потоки и нет постороннего зрителя, так как он тут же оказывается вовлеченным в креативное сообщество.

Новые технологии изменяют не только средства выражения в культуре, они меняют и способы культуросозидания, и культуру в целом, провоцируют формирование новых историко-культурных феноменов. Сетевое пространство идеально пародиру-

ет и имитирует реальную художественную ситуацию. Но в нем нет посторонних зрителей, каждый оказывается в *сотворчестве*. Одновременно медиа-художники все больше обращаются к идее сотрудничества с людьми, обладающими иными знаниями, вырабатывая совместно новые междисциплинарные проекты, что открывает перспективы интеграции новых медиа в художественную практику и художественное образование.

Электронные технологии во многом изменили наши отношения с пространством и временем. С развитием технологий искусство начинает дематериализовываться. Поток поступающей и обрушиваемой на пользователя информации не образует даже в виде упрощенной логической схемы хотя бы приблизительную линейную конфигурацию, характерную для исторического процесса. Как пользователь, так и художник существуют в этом отношении в одной и той же экстремальной среде неожиданно сталкиваясь с ее чрезмерной плотностью и перегруженностью "здесь-и-сейчас": динамичное соотношение текста, видеоряда и звука, сливающееся в компрессию формы и содержания.

Современное искусство во многом строится на интерпретации. Искусство последних 50-80 лет, его артефакт медленно начинает обрастать бесконечными "нитеями" интерпретаций. Именно поэтому Сеть и стала для современного искусства новой средой обитания: Интернет, это среда, которая множит интерпретации, которая формирует мифы. Ещё одной характерной чертой нет-арта провозглашается свобода - от государственных установлений, от ангажированности, а искусство, по определению обладающее сродной природой, смакует свою свободу и независимость от земных институтов в этой "питательной среде".

Таким образом, многими исследователями современного искусства, активно дискутируется тот факт, что в мировой коммуникационной Сети реализована новая модель символического обмена. Сетевое искусство можно рассматривать как феномен, возникший в результате исторического развития коммуникационных отношений в обществе, создавший предпосылки для формирования символизма нового типа на базе сетевых информационных средств.

## **О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В РАЗВИТИИ ИСТОРИОГРАФИИ**

**Д. В. Максимов**

Иркутский государственный университет

Новый исторический период характеризуется кризисом современной цивилизации (Панарин, 2002): стратегия устойчивого развития (Рио-де-Жанейро, 1992) теряет популярность, ошибки технической цивилизации носят планетарный характер, что грозит банкротством всей исторической эпопеи человечества, самонадеянно подменившего спонтанное рациональным. В условиях глобализации в России происходит новый этап возрождения православия, вместе с тем - централизация страны на новой социальной, экономической и политической основе. В связи с этим вновь актуален важнейший вопрос отечественной науки - «внутренняя» история народа, ее истоки и движущие силы. При этом основная методологическая проблема - переосмысление спектра базовых научных ценностей и выработка неидеологизированных понятий и представлений исторической концепции

Путь, который может привести к выработке таких понятий, - междисциплинарное взаимодействие различных гуманитарных и естественных наук. Вероятно, плодотворным может оказаться подход, когда тот или иной переходный исторический период (например, 40-60-е гг. XIX века) рассматривается как исторический экотон, когда

существует как бы временной стык разных течений, и в результате их взаимодействия происходит изменение вектора поиска смысла русской истории (Маджаров, 2001). Это, на наш взгляд, характерно и для современного исторического периода.

Особенно плодотворно взаимодействие философских и исторических направлений. Для разработки неидеологизированного исторического подхода необходимо, на наш взгляд, более глубокое внедрение в логическую схему исследования таких понятий как «развитие» и «время». В последнее время интерес к этим понятиям усилился (Конструкция времени..., 1996; и др.). Этому немало способствовали труды И.Пригожина с соавторами (Пригожий, Стенгерс, 2003; и др.), в которых заявлено о переоткрытии понятия времени и о принципиально другой основе научного метода как такового, когда «обратимость и жесткий детерминизм применимы только в предельно простых случаях». В качестве первоочередной задачи данного исследования ставится сравнительный анализ трансформации понятия «время» в зависимости от исторического, социального или религиозного статуса исследователей.

## **МЕТАФИЗИКА КОММУНИКАЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

**В. Л. Афанасьевский**

Самарская государственная экономическая академия

Современная философия подчеркивает значимость для индивида его окружения. Общение с Другими есть основа для формирования личности, способной к саморефлексии. В этом смысле Другой - конкретная необходимость «здесь и сейчас», каждый раз устанавливаемая заново. «Я» возможен только если Другой санкционирует мое видение мира. Другой имеет значение инаковости от наличного. Другой есть самобытное начало, открывающееся по своему почину. Итак, Другой выступает как автономная, несводимая к моему «Я» онтологическая структура.

Соотношение «Я-Другой» - модель более широкого соотношения «Я-Другие», ибо один Другой репрезентирует остальных Других, становится их символом. Признание влияния Другого проявляется как смысл существования человека, состоящий в освобождении от его «тотального засилья». Для коммунологической традиции западной философией свойственно обоснование «онтологической» потребности индивида в Другом. «Монологическому» отношению к миру объектов противопоставляется «диалогическое» отношение к Другому, указывающее на недопустимость обращения с человеком как с вещью. Диалогу присуще «принятие» Другого, без влияния которого человек не может обрести целостность, а значит и смысл существования.

Суть проблемы Другого выражена Мерло-Понти: «Как понять «Другого», не пожертвовав его нашей логике, а ее ему». Межличностный конфликт есть защита индивидами своей определенности. Поиск же собственной определенности на «территории» Другого может лишить индивида такой «собственности». Но как сохранить Другого как Другого не отрицая, его «авторитетной ценностной позиции вне меня?» (М. Бахтин). Существует «общая территория» в пространстве коммуникации, в которой есть «места соединения», но «нет централизации». «Собственное» и «Другое» здесь равноценны. Присутствие «всеобщего» в соотношении «Я-Другой» неизбежно. Соотношение «Я-Другой» есть лишь более доступная для рассмотрения модель реального общения. «Бытие-с-другим» необходимо для мышления, но не фактично. Оно априорно. Реальное общение всегда влетено в сеть взаимосвязей, оно неизбежно осуществляется на социальном фоне и детерминировано им. Индивиды вступают в общение как носители социального, то есть определенных ценностей. Поэтому то, что с необходимостью возникает в пространстве коммуникации в качестве надиндивидуального общего, мож-

но определить как «отблеск» конкретной всеобщности, в которой коммуникация укоренена и которая есть *реальность человеческой культуры*. Стремление общающихся к суверенитету своих внутренних миров должно реализовываться в присутствии самого «всеобщего». Связь коммуникации с миром культуры обнаруживается на «общей» мне и Другому территории, в реальной сфере «между», порождаемой нашими субъективными мирами, и приобретающей надындивидуальный характер. Сфера «между» обладает свойством «общий для каждого». Именно «присутствие-и-доступность-мира-для-каждого» есть принципиальная особенность смысла сферы «между». Таким образом, сфера «между» выражает интерсубъективность как связь одного субъекта с другим субъектом.

Детерминация внутреннего мира индивида социумом осуществляется посредством сферы «между». Вся последующую жизнь индивида можно представить как «перекидывание мостиков», соединяющих его с Другими, как жизнь в «между-сферах». Социальная символика, являющаяся содержанием посредствующей сферы, позволяет представить ее как звено, соединяющее субъективные миры индивидов с духовным миром человечества. Но сфера «между» как посредник существует в единстве проявлений объективного и субъективного. Усваивая общезначимые символы, индивиды придают им «личностный смысл и звучание». Доведенная до предела субъективация всеобщего содержания может привести к изоляции пространства общения от «опытов», людей, от бытия в культуре. Но социальная природа коммуникации предполагает ее принципиальную открытость для восприятия новых культурных смыслов. Субъективный же фактор предопределяет то, что сфера «между» существует в расчете на *ответное привнесение собственного содержания в состав трансценденции*. Но для этого необходим тот, кто примет данное содержание. Следовательно, должен быть Третий, существующий вне соотношения «Я-Другой», но способный понимать смыслы, наполняющие посредствующую в этом соотношении сферу.

Необходимость присутствия Третьего, находящегося вне соотношения «Я-Другой» и вне феры «между», состоит в том, что Третий выступает как *понимающий*. Но «понимание» часто выступает в связке с «обладанием». Поэтому отношение с Другим определяется стратегией завоевания и освоения. Другой должен быть понят в его реальности. Именно понимание со стороны Третьего обеспечивает сохранение и распространение «продуктов», созданных общающимися индивидами. Так, Бахтин вводит категорию «третьего» и определяет диалогическую позицию как особую позицию понимающего диалог. Но диалогу недостаточно ближайшего понимания, ответное понимание предполагается его авторами в «метафизической дали». Категорией «третьего» подчеркивается непрерывность истории, преемственность культуры и неуничтожимость смыслов. Онтологический статус Третьего сохраняется даже с утратой позиции «со стороны» конкретным человеком. Позиция Третьего принципиально неустранима. Коммуникативный акт всегда ориентирован на «взгляд со стороны». Именно существование «взгляда со стороны» придает смысл общению. Соучастие Третьего - *гарант преодоления замкнутости общения, неуничтожимости смыслового содержания сферы «между»*.

В лице Третьего перед общающимися индивидами предстает общество в целом. Посредством Третьего общество как бы выносит решение - принимать содержание сферы «между» в общее культурное пространство, ибо неспособность Третьим понять это содержание говорит о невостребованности его обществом, препятствует введению инноваций в общественное сознание. Подчеркнем: Третий - реальный соучастник межиндивидуального общения, представитель социума, персонификатор культуры.

## МЕЧТА КАК ПРООБРАЗ ЦЕЛИ В ГОРИЗОНТАХ СОЗНАНИЯ\*

Н. А. Лукьянова

Томский политехнический университет

Опыт феноменологии, и полученные ею теоретические результаты дают возможность исследовать природу таких феноменов как «цель» и «мечта» как феноменов сознания, поскольку они тесно связаны с процессом движения человеческой мысли, а предметом исследования феноменолога становится сознание, рассматриваемое с точки зрения его интенциональной природы. Именно феноменологический подход дает возможность выявить значение мечты как прообраза цели в горизонтах сознания человека. Поскольку «цель» и «мечта» существуют, как два различных «Я» в разных измерениях, из которых одно является продолжением другого и наоборот. Мечта как движение вверх, мы мечтаем и ощущение, передающее наше внутреннее состояние, не поддается никакому измерению, последовательность шагов по направлению к мечте не имеет ничего общего с рядоположенностью в пространстве. Однако, и «цель», и «мечта» – это процессы осмысления человеком реалий настоящего для определения своих временных горизонтов, поэтому можно сказать, что мечта по отношению к цели проявляется как интенция – стремление. Использование феноменологического метода, в частности, таких понятий как интенциональность» и «время», дает возможность доказать, что мечта является прообразом цели в горизонтах сознания человека. В нашем рассуждении феноменом, существующим лишь постольку, поскольку осознаётся и подвергается осмыслению является «мечта», как определенный образ, который «определен своей интенцией» [1 С.127]. Такие мысленные ситуации создаваемые воображением, фантазией никогда в целом не воспринимались человеком в единой целостности. Они основаны в действительности на оперировании конкретными чувственными образами или наглядными моделями действительности. Мечта, тем самым создание образов желаемого будущего, не воплощаемых непосредственно в те или иные продукты деятельности, проявляемая себя по отношению к цели как интенция, которая может играть активизирующую роль в жизни индивидуума и общества, если заключённая в ней идея ведёт к дальнейшим практическим преобразованиям, как только вы ставите перед собой конкретные задачи её достижения. Интенциональность мечты по отношению к цели пронизывает все три модуса времени. А. Бергсон, отмечал, что именно интуиция – это тот механизм, который определяет эволюцию человека.[4 С. 95], поскольку интуиция как самосозерцание жизни может адекватно воспринять ее неуловимую стихию – длительность. «Длительность- это не только изменение, становление, подвижность, но бытие в самом жизненном и активном смысле. Время не становится на место бытия, оно понимается как рождающееся бытие...» [5 С.172]. Э.Гуссерль в работе «Феноменология внутреннего сознания времени» отмечает, что важно различие между восприятием настоящего и только-что-прошедшего: настоящее дано нам с очевидностью в восприятии, а прошлое и будущее (в том числе только-что-прошедшее) - в суждении. А это значит, что прошедшее существует только в силу отнесенности к настоящему. Всякое сознание как процесс непрерывного протекания интенционального переживания имеет свою внутреннюю временную структуру. Каждая актуальная фаза переживания несет с собой «шлейф» бывших фаз переживания и предвосхищает будущие. При этом, как отмечает Э.Гуссерль «...очевидно, что когда появляется ожидаемое, точка «теперь» становится настоящим, то самое состояние ожидания прошло; если будущее стало настоящим, то настоящее стало относительно прошлым» [6 С.60]. Причем в этом временном потоке постоянно происходят модификации. Поскольку, когда мы смотрим вперед, мы видим случайность, а когда мы оглядываемся назад, то видим закономерности. И с каждым своим последующим шагом мы теряем случайность, поскольку в

этот момент мы ориентируемся на внутренне время-сознание – это предпосылка понимания сознания как потока переживаний. Исходным моментом в этом потоке переживаний является точка «теперь» настоящего времени, вокруг которой – в горизонте сознания – собраны только что произошедшие события и возможное будущее. Таким образом, сознание в точке «теперь» постоянно соотносено со своим временным горизонтом – индивидуальной мечтой. Эта соотношенность позволяет воспринимать, вспоминать и представлять. Хайдеггер писал о том, что парадоксальным образом прошлое возникает из будущего. Пролшло возникает из будущего таким образом, что происходящее будущее выпускает из себя настоящее, именно из будущего как обнаруживается, рождается и настоящее и прошлое. Иными словами «мечта» как феномен сознания в своей интенциональной отнесенности к цели выглядит следующим образом; мы мечтаем, и наши мечты о будущем актуализируют ценностные ориентиры прошлого и соответственно определяют последовательность шагов в настоящем. Именно, временность Хайдеггер характеризует такими свойствами, как конечность, экзистенциальность, горизонтальность. [7 С. 376-377]. Феноменология дает основание утверждать, что прошлое, настоящее и будущее взаимно проникают друг друга. Пролшло постоянно присутствует и влияет на настоящее и будущее, существующие всегда. Настоящее и будущее влияют друг на друга и на прошлое. В переживании образа рождается мечта как интенция, и становится прообразом цели, это переживание находится в нескольких временных накладывающих друг на друга фазах, которые образуют полный временной горизонт данного переживания или восприятия. Образ, получаемый в восприятии, «оттеняет» себя в прошлое и будущее, непосредственно не созерцаемые в данном «теперь». Следовательно, мечта как непрерывный поток переживаний – своеобразный психологический феномен, объединяющий воспоминание и восприятие. Воспоминание настоящего возникает оттого, что переживание оттеняет себя в прошлое, и это прошлое существует сейчас, в настоящем. [6 С.57-58]. Но восприятие может оттенять себя не только в прошлое, но и в будущее, т.е. может происходить как бы непосредственное продление образа вперед «...актуальное восприятие, – по определению Э.Гуссерля, - конституируется на основе ощущений, как презентация...» [6 С.38]. Момент, который должен для нас наступить, уже начат в настоящем. Пролшло, настоящее и будущее представляет неразрывный континуум. Пролшло интенционально устремлено в будущее, и таким образом происходящее интенциональное будущее рождает и настоящее и прошлое. Мы мечтаем, и наши мечты о будущем лежат в основе оценки прошлого и соответственно наших социальных ожиданий и целенаправленной деятельности в настоящем. Мечта, как прообраз, получаемый в воображении, предопределяет видение будущего, поскольку ухватывает саму сущность, идею созерцаемого.

\* Исследование выполнено при поддержке грантов Президента РФ № 2617.2003.06, РФФИ № 04-06-80192

#### *Примечания*

1. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия.- Спб: Наука. 2001.
2. Исследования по феноменологии и философской герменевтике.- Мн.: ЕГУ, 2001.
3. П.П.Гайденко. Философская энциклопедия в 4-х томах. М. 2001.
4. Бергсон А. Собрание сочинений в 4 – х томах. Т.1. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. М; 1992, 336с.
5. Мерло-Понти М. В защиту философии. М: Изд-во гуманит. литературы, 1996 (французская философия XX века).

6. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени (пер. с нем.) Составл., вступ. сл., перевод В.И.Молчанова. М: Изд-во «Гнозис», 1994.
7. М.Хайдеггер Бытие и время. Пер. с нем. В.В.Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003.

## **РОЛЬ ДИСКУРСА ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**Н. А. Грозина**

Новосибирский государственный университет

Сегодня большое внимание уделяется механизмам формирования различных аспектов идентичности человека. Каждая из множества попыток построения общей схемы – со стороны философии, психологии, социологии, культурологии и пр. – дает несколько односторонний взгляд на эту проблему, поэтому наиболее перспективными, на мой взгляд, являются интегральные подходы.

Понятие *идентичность* в философии и в психологии определяется как осознание индивидом непрерывности, тождественности во времени собственной жизни. Человеческая природа детерминирована историческими, социальными и лингвистическими силами, это те рамки, в которые общество включает индивида, определяя для него набор разрешенных видов культурного поведения. Идентичность выкристаллизовывается в социальных процессах, при этом интериоризуются готовые образцы, взятые из окружающей действительности; она поддерживается и видоизменяется социальными отношениями, оказывая и на них свое влияние.

Бергер и Лукман наглядно показали, что мир, который социальные индивиды воспринимают как изначально и объективно данное, конструируется самими людьми в ходе их социальной деятельности. Индивиды переживают мир повседневной жизни, который создается в мыслях и действиях, и воспринимаются ими в качестве реального. Реальность повседневной жизни уже систематизирована в образцах, которые кажутся независимыми от понимания индивида и налагаются на него. Объективность социальных институтов воспринимается им так же как объективность природных феноменов. Мысль о том, что институциональный мир не имеет независимого онтологического статуса, а является всего лишь объективированной человеческой деятельностью у индивида просто не возникает. Фундаментальное наложение логики на объективированный социальный мир происходит при помощи языка. Индивидам приходится интерпретировать свои чувства, потребности и намерения в соответствии с наличными структурами лингвистической intersubjectивности. Язык кажется присущим самой природе вещей, человек, в большинстве случаев не дает себе отчета в его конвенциональности.

Если придерживаться диффузной концепции Фуко, в которой власть понимается как совокупность социальных стратегий в обществе, то можно предположить, что именно власть и формирует жизненный мир индивида, а, следовательно, конструирует его идентичность, определяя границы нормального и аномального. Специфические практики власти конституируют тело человека (посредством наказания, описаний удовольствий), а сознание человека выстраивается дискурсами, одновременно прививающими признание власти в любом качестве.

Образовательная система в обществе глубоко задействована в воспроизводстве существующих властных отношений. При этом не стоит смешивать разные аспекты реализации власти в системе образования.

С одной стороны, структуры, занимающиеся производством и передачей знаний, – университеты и научно-исследовательские институты – являются очагами централизованной власти. Они имеют в обществе автономный статус и стремятся расширить свое



влияние. С другой стороны, система образования, является проводником децентрализованной власти (в смысле Фуко).

Какую бы цель не провозглашало образование, реальным результатом является формирование определенного типа личности, пригодной для бесперебойного функционирования общества. Физически формируются "дисциплинарные тела" учащихся, способные к длительной неподвижности и умственным нагрузкам. Язык, значения, принятая символическая система именно посредством образования, навязываются всему населению.

Учащийся находится в состоянии не-знания не зависимо от того, какими сведениями он обладает, до тех пор, пока учитель не санкционирует это знание. Преподаватель обладает не самостоятельным авторитетом, а авторитетом сопричастности к социально признанному знанию – его высказывания подтверждаются аргументами или даются доказательства.

Система образования – основной институт, посредством которого к людям применяется символическое насилие. Символическое насилие, по Бурдьё – это насилие, которое применяется к социальному агенту при его участии. Оно осуществляется косвенно, во многом посредством механизмов культуры и противоположно более непосредственным формам социального контроля. Это приводит к воспроизводимости существующих систем власти путем проекции их в будущее. Таким образом, создается практическое отношение индивида к будущему, которое управляет его сегодняшней деятельностью.

Но образование представляющее собой программу планирования определенного типа личности может привести к результатам, радикально отличным от декларированных. Как показал опыт различных социалистических образовательных систем, прямо провозглашавших в качестве цели создание ответственных, полных энтузиазма и социально активных граждан, гораздо чаще эти системы производили людей равнодушных и пассивных. Бодрийяр описывает вариант пассивного сопротивления каким-либо манипуляциям – возникновение "молчаливого большинства", инертной массы, полностью утратившей сознательную активность, в которой увязает и гаснет всякое идеологическое воздействие.

Фуко говорил – "где власть, там обязательно есть сопротивление", этот же тезис последовательно развивал Лакан. У постструктуралистов субъект – всего лишь пассивная сущность, конституируемая участием в социальном языке. Идея сопротивления ставит под вопрос эту пассивность и подчеркивает уникальную способность субъекта отвергать или деформировать социальные директивы. Выражение "субъект содержит дискурс" может пониматься разными способами. Дискурс может содержаться в памяти, как свободно плавающая "упаковка", не воздействующая на другие дискурсивные содержания внутри системы личности. Это просто единица памяти, не участвующая в конституировании субъекта, которая может быть рано или поздно забыта. Дискурс, оказывающий более серьезное воздействие на субъект, есть нечто не просто содержащееся в "я", а то, что структурирует "я".

История знает много примеров, когда идеологическое воздействие порождает такие формы субъективности, в которых нежелаемые условия кажутся сносными или неизбежными. Но всегда остается выбор – сопротивляться "плохой" идеологии, или знанию того, что идеология плоха. То есть человек может принимать и использовать знание для своего освобождения, а может сопротивляться ему и отвергать его, чтобы сохранить существующий порядок дел.

В результате вышеизложенных аргументов мы приходим к выводу о том, что влияние общества на индивида не является односторонним. И хотя дискурс власти посредством системы образования во многом задает основные составляющие социокультур-

ных идентичностей, у личности всегда остается возможность выбора реакции на данную социальную структуру – поддерживать ее или сопротивляться ей.

## **ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ В РАМКАХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КУРСОВ**

**В. В. Петров**

Новосибирский государственный университет

В системе современного образования наряду с четко разграниченными курсами в области точных, гуманитарных и естественных наук особое место занимают междисциплинарные курсы, которые, находясь «на границе» разделов, связывают в единое целое знания из различных, на первый взгляд не связанных между собой, областей.

Подобная взаимосвязь рассмотрена на примере специального курса «Наука о Земле», который разработан автором и рассчитан на учащихся старших классов школ физико-математического и химико-биологического профиля [3].

Основная цель курса - мобилизовать ранее полученные знания и достижения таких наук, как философия, история, физика, химия, астрономия, биология, география и других на освещении важнейших биологических, геологических и экологических аспектов развития нашей планеты и жизни на Земле с точки зрения человеческого общества.

При работе с учащимися используется хорошо зарекомендовавший себя многоуровневый подход [2]. В зависимости от глубины проработки и сложности усвоения информации, весь подготовленный материал разбивается на три условных уровня.

Первый, общегуманитарный уровень, содержит лишь те сведения, которые необходимы в повседневной жизни любому грамотному человеку.

Второй уровень – технологический. На данном уровне учащийся приглашается для обсуждения полученного материала с попыткой раздумий и последующей привычкой использовать полученные знания в практической деятельности.

На специализированном третьем уровне производится углубленное изучение предмета, рассматриваются конкретные природные и техногенные ситуации, которые побуждают учащихся производить сложные логические рассуждения. На этом уровне происходит систематическое возвращение к основным понятиям, которое позволяет постепенно переходить от наблюдений к формулировкам и доказательствам [3].

При работе с учащимися автор отступает от традиционной схемы построения занятий, при которой занятие разбивается на известные части - опрос домашнего задания, работа преподавателя, самостоятельная работа учащихся.

Альтернативой деления занятия на традиционные части является выделение отдельно лекционных и практических занятий. На практических занятиях учащимся предоставляется возможность самостоятельно заниматься, используя полученные знания. При этом необходимо создать создавая такие условия, чтобы человек начал *думать*, а не *вспоминать*.

Дело в том, что когда у человека появляется необходимость что-либо узнать или выяснить, он может этого достичь двумя путями: а) вооружиться справочниками и энциклопедическими словарями, б) прийти к этому самостоятельно, используя знания из «смежных» наук.

Важнейшая задача любого курса различной сложности заключается в том, чтобы понятно объяснить непонятное или то, что сложно себе представить. В нашем случае «непонятное» вполне может быть известно учащемуся, человек может даже его знать, но не понимать или понимать не до конца.

Один из классических примеров – необъятность Вселенной. Несмотря на то, что размеры Солнечной системы известны, многим из учащихся очень трудно выйти за повсеместно используемые привычные меры длины.

Когда речь заходит о миллионах километров или о миллионах световых лет – для большинства людей это воспринимается только на уровне цифр. В подобном случае можно либо просто нарисовать и показать «условно масштабную» схему Солнечной системы, либо подвести учащихся к тому, чтобы они самостоятельно подошли к мысли изобразить это в масштабе. В процессе построения масштабной схемы становится понятно, что в наших условиях это сделать нереально, поскольку масштабно мы можем отразить или только расстояния между планетами, или только размеры планет, но никак ни все вместе. В конечном итоге, представив Солнце в виде теннисного мяча и Плутон в виде пылинки, отнесенной на расстояние 400(!) метров (длина беговой дорожки вокруг стадиона), человек только начинает задумываться об истинных размерах Вселенной. И если он доходит до этого самостоятельно, то в мозгу остаются не сухие безликие цифры, а образное восприятие явления и методы воссоздания реальной картины.

Аналогичным образом легко понять, почему многих учащихся, даже изучивших школьные курсы природоведения, физической географии и астрономии, элементарный вопрос о направлении вращения Земли нередко просто ставит в тупик. Пытаясь *вспомнить*, вместо того, чтобы *подумать* и построить логическую цепочку простейших рассуждений, связанных с восходом и заходом Солнца, или хотя бы с разницей во времени между Москвой и Новосибирском, человек очень часто дает неправильный ответ.

Важную роль играет контроль и оценка знаний учащихся. При этом особое внимание уделяется «...умению понимать, видеть и пользоваться минимумом фундаментальных знаний для получения новых и порой неочевидных результатов» [1]. Для того, чтобы человек начал именно *думать* и *рассуждать*, необходимо поставить его в нестандартную ситуацию, то есть проверочное задание не должно быть построено по образу и подобию разобранного на занятиях материала.

Контроль и оценка знаний учащихся проводится тремя способами:

1. С помощью тестовых заданий в конце каждого лекционного и практического занятия. Это дает возможность определить степень усваиваемости материала, выявить наиболее трудные и непонятные вопросы, что дает возможность скорректировать следующее занятие.

2. Тестовые задания, рассчитанные на определение эффективности самостоятельной работы. Подобные задания предлагаются по окончании темы.

3. Контрольные работы, привязанные к завершению разделов. В рамках контрольных работ учащимся предлагается выполнить различные расчеты и смоделировать какие-либо ситуации.

Итоговая оценка складывается из результатов многочисленных небольших тестов, промежуточных контрольных работ и итогового контрольного задания, включая оценку самостоятельной работы на практических занятиях.

Описываемая идея организации и проведения занятий с успехом применяется автором с 1999 года при преподавании курса «Землеведение» и специального курса «Наука о Земле» в Специализированном учебно-научном центре Новосибирского государственного университета.

### *Литература*

1. Биченков Е.И. Принципы обучения физике в Новосибирской физико-математической школе //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Педагогика». Том 1, выпуск 1. Новосибирск: НГУ, 2000.

2. Никитин А.А., Белоносов В.С., Зеленьяк Т.И. и др. Новые подходы во взаимодействии средней и высшей школы в математическом образовании //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Педагогика». Том 1, выпуск 1. Новосибирск: НГУ, 2000.

3. Петров В.В. Методологические принципы построения междисциплинарных образовательных курсов //Перспективы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск: НГУ, 2003.

## **ГУМАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК МУЛЬТИАСПЕКТНАЯ МЕГАТЕНДЕНЦИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

**В. К. Сергеев**

Томский политехнический университет

Актуальность вопросов гуманизации высшего профессионального образования не вызывает сомнений. Человек, изменяя социальную реальность (постиндустриализм, информационное общество и т.д.), постоянно сталкивается с необходимостью измениться самому: выработать новое отношение к миру, к своему месту в нем, найти новые основы взаимного развития, взаимного обогащения искусственной и естественной среды миробитания, сформировать общечеловеческую духовную общность, а также отразить новые социально-философские основания изменяющегося образа науки. Данные императивы современной эпохи интерпретируются многими исследователями как проблемы культурного перехода.

Требования культурного перехода не могут не распространяться на высшее образование и как на важнейший социальный институт, и как на важнейшую сферу человеческой деятельности. Как перед социальным институтом перед высшей школой стоит задача модернизации, совершенствования, что предполагает диалектическое преодоление устаревшего и принятие инновационного курса в развитии. Вместе с тем давно известно: игнорируя общие вопросы (или хотя бы не пытаясь их решить), браться за частные нельзя – первые будут регулярно напоминать о себе при решении вторых. В соответствии с этой методологической установкой вопросы как учить? или чему? неизбежно отступают перед необходимостью целеполагания задач модернизации зачем учить?

Попытаемся определить в главных чертах образ выпускника вуза с позиций основных социальных институтов. Обществом востребована широко образованная личность, гуманистически мыслящая, имеющая высокую культуру и духовно развивающаяся. Государство видит в выпускнике законопослушного гражданина, готового в особых случаях сменить сферу деятельности, отличающегося толерантностью и желательной положительной социальной активностью. Работодателю нужен работник с дипломом (лучше престижного) вуза с опытом практической работы, обладающий высокими личностными качествами и способный освоить новые знания (1). Системе образования выгоден дисциплинированный студент, которого она через несколько лет превратит в узкого специалиста. Как всякая самоорганизующаяся система она стремится к самосохранению и самовоспроизводству. В результате давно назрел кризис в области образования, проявляющийся в противоречивости целей собственно системы высшей школы и тех социальных институтов, которые предъявляют ей свой социальный заказ.

Нетрудно заметить, что одним из общих знаменателей социального заказа является требование гуманизации высшего профессионального образования – одного из характерных признаков культурного перехода.

Гуманизация образования в самом общем смысле означает поворот всей его системы к человеку: уважение его достоинства, создание благоприятных условий для раскрытия личности студента в его самоопределении и саморазвитии. Гуманизация образования должна найти свое выражение во всех сферах деятельности вуза: управлении, учебном процессе, воспитательной работе и т.д. В настоящем дискурсе мы рассматриваем гуманизацию высшего образования не только как социального института, но и как целенаправленного процесса обучения и воспитания. Гуманизация мыслится нами как многоаспектная проблема в формировании современной системы образования.

Социально-философское основание гуманизации состоит из принципов светского гуманизма как мировоззрения, которые разделены на шесть групп: 1) личностные; 2) нравственные; 3) гражданские; 4) эстетические; 5) интеллектуальные; 6) экологические (2).

Аксиологический аспект гуманизации заключается в признании поликультурности общества, в рефлексии равноценности людей и уникальности каждого индивида., в пропаганде общечеловеческих ценностей.

Психологический аспект гуманизации предусматривает формирование адекватной самооценки субъектов образовательных процессов. Это достигается через самопознание, через осознанный выбор пути личностного развития в соответствии со своими способностями.

Демократический аспект гуманизации изучается нами в двух ипостасях. Во-первых, это открытость, доступность образования для всех желающих и имеющих для этого адекватные природные задатки. Во-вторых, это – возможности выбора индивидуальных образовательных траекторий для акторов системы высшего образования.

Экзистенциальный аспект гуманизации содержит в себе признание личной ответственности за собственное и социальное благополучие, за собственный выбор индивидуальной стратегии и траектории образования и самосовершенствования.

Эвристический аспект гуманизации включает в себя развитие исследовательских, творческих способностей личности, проявление инициативы. Это закладывает основы саморазвития личности. В этом саморазвитии личность студента превосходит свои собственные пределы, приводит к актам прогрессивной трансгрессии. Стоит пометить, что индивидуальные и коллективные трансгрессии одобряемы обществом, если они основаны на принципах гуманизма (3).

Акмеологический аспект гуманизации концептуализирован в требованиях к преподавателям высшей школы: самообразование, самоактуализация творческих потенциалов, постижение высот самосовершенствования.

Воспитательный аспект гуманизации выявляется в прививании участникам образовательных процессов умений и навыков социально-культурного партнерства. Воспитание не только посредством обучения, но и посредством внеучебных видов деятельности: студенческое самоуправление, олимпиады, викторины, студенческие стенгазеты, вузовские вечера и т.п.

Важно отметить, что все перечисленные аспекты гуманизации конвенциональны, концептуально близки друг другу, взаимопроникают друг в друга. Они рассмотрены нами дискурсивно.

На основании проведенных многочисленных исследований, в том числе и проведенных нами, правомерно рассуждать о таких образовательных тенденциях, как гуманитаризация, индивидуализация, самостоятельность, непрерывность. Они суть частные

формы проявления мегатенденции в становлении современной системы высшего профессионального образования гуманизации.

### *Примечания*

1. Герчиков В.И., Холодняк И.В., Баян Г.З. Хорошо ли работник из студента? // ЭКО. 1998. - 10. С. 133, 135.
2. Кувакин В. Современный гуманизм // Высшее образование в России. 2002. - 4. С. 6- 47.
3. Гитлинг М. Атрибуты трансгрессии в педагогике // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2003. - 10. С. 36-40.

## **КРИЗИС РЕЛИГИИ И ДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**О. Шелудченко**

Укрзапозначення, г.Київ

Рубеж веков ознаменован целым рядом явлений в экономической, политической и духовно-нравственной жизни общества. Ускорившийся темп жизни и новые ступени научно-технической революции не могли не повлиять на формирование общественного сознания индивида, его жизненных позиций и мировоззрения.

Искусственный интеллект, новые технологии, научные знания становятся важнейшими составляющими нашей жизни. Информационная революция, основывающаяся на соединении компьютера с телекоммуникационными сетями, коренным образом преобразовывает человеческое бытие и сознание. Она открывает границы, позволяет пользоваться любой информацией из самых отдаленных уголков земного шара, устанавливать контакты без ограничений. Благодаря интернету, общение с людьми из разных стран стало возможным в режиме «реального времени». Средства массовой информации навязывают политические и религиозные взгляды различных общественных групп и отдельных лидеров. Отовсюду звучит реклама. Люди, в основном, заняты добыванием средств к существованию и мало кому удастся задуматься о духовности, нравственности, нормах поведения. Воспитание подрастающего поколения сводится к «накормить» и «одеть». Нормы морали, нравственности, духовные ценности постепенно уходят в небывтие.

Понятие «духовность» имеет тысячелетние корни. В жизнь славян оно вошло со страниц Нового Завета (1 Пет 2:5, 1 Кор 2:13-15 и т.д.) В послании апостола Павла к римлянам (8:4-6) говорится: «Ибо живущие по плоти, о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир» [1]. Ввиду этого его нельзя рассматривать в отрыве от библейских традиций.

Духовный человек – это праведный человек, живущий в обществе по законам Бога и для Бога. Если духовность – это жизнь по законам Бога, то жизнь конкретного человека и общества в целом и надо рассматривать с этих позиций. Законы Бога стары как мир и не менялись много тысяч лет: это заповеди Моисея, данные иудеям и принятые также христианами, законы Христа, данные христианам; в других религиях – свои законы, но они говорят примерно о тех же духовно-нравственных принципах жизни.

Служители религий изначально должны были поддерживать духовный уровень своего народа, к ним всегда шли за советом, они были своеобразными проводниками между Богом и Его народом (будь-то у христиан, иудеев, индусов и т.д.). Мы, живя, на православной земле, будем говорить о христианстве. Религия постепенно ветшает, об-

рядовость ставится во главу угла. Священнослужители, не являясь образцами духовности, нравственности и добродетели, уже давно не в состоянии удерживать паству от деградации.

Средства массовой информации сплошь и рядом пестрят сообщениями о «закулисной» жизни церкви, неблагоприятных поступках священников, их преступлениях перед Богом и государством. Институт церкви превратился в средство наживы и по организации своей деятельности, ведению дел, практически, не отличается от государственных органов управления (съезды, заседания, протоколы и т.д.) [2].

Религия распадается на глазах. Этому немало поспособствовала и экспансия иностранных миссионеров, благо, что после распада СССР, почва была благодатной. Постсоветское пространство превратилось в поле боя за передел паствы различными религиозными течениями, руководители которых строили и строят свое материальное благосостояние, собирая дань с прихожан. Только Украину в 2003г. посетили 11,947 тыс. зарубежных религиозных деятелей, что составляет почти половину от всех священнослужителей Украины. В Москве, по состоянию на 1.01.2003 (по данным Государственного реестра) зарегистрировано 696 религиозных организаций, из них 46% принадлежат малым религиям и религиозным течениям. [3].

Христос предупредил 2000 лет назад, что дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Мф 12:25) [1], поэтому вполне закономерно и логично, что христианство не избежит этой участи.

В сознании людей материальные ценности вытеснили духовные, у общества отсутствуют идеалы, жизнь по библейским законам никого не вдохновляет. Старое поколение живет, еще придерживаясь правил морали, а в сознании молодежи превалируют стремление к наживе, легким деньгам, получению удовольствий. Понятие духовности вытеснено и даже не обсуждается молодым поколением. Это наше настоящее. Будущее же следует из настоящего: куда идем, туда и придем, если, конечно, во время не остановимся, не посмотрим на плачевные результаты нашей хозяйственной деятельности на земле; не признаемся себе, что древние были мудрее нас, и ничего нового для разумного сосуществования людей в обществе мы придумать не можем; что стоит вернуться к давно забытым духовно-нравственным нормам.

На данный момент, общество находится на той стадии развития, что даже не нужно «потустороннего» вмешательства в виде потоков, комет и т.д., накопленный военный потенциал способен уничтожить нашу цивилизацию в кратчайшие сроки, мы сами истребим себя в войнах и террактах. Появление новых и наличие старых болезней также ведут цивилизацию к постепенному вымиранию.

Обществу необходима постановка новых целей, кардинальное изменение приоритетов, поиск средств для изменения нашего будущего. Если этого не произойдет, то дальнейшая наша жизнь на земле очень сомнительна. Существовали до нас цивилизации, сценарий и причины их упадка известны из священных писаний разных религий, мифов народов земли. Еще Экклезиаст говорил, что нет ничего нового под луной, все уже было. Так как мы идем, то тоже последуем их путем, если не искореним в себе, в частности, и в обществе, в целом, причины, ведущие к распаду цивилизации.

### *Литература*

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1993.
2. Сборник документов и материалов Юбилейного архиерейского собора Русской Православной Церкви, Москва, 13-16 августа 2000 г. – Нижний Новгород, 2000. – 287 с.
3. Материалы с сайтов [www.sedmica.orthodoxy.ru](http://www.sedmica.orthodoxy.ru) и [www.religare.ru](http://www.religare.ru)

## Раздел III Теоретические проблемы права

### КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

А. Б. Дидикин

Новосибирский государственный университет

Инновационное развитие современного общества предполагает глубинные изменения в структуре общественного производства, которые связаны с вовлечением в гражданский оборот объектов интеллектуальной собственности (далее - ИС) в форме знаний и информации и распространением правового регулирования на различные виды общественных отношений в этой области. В этом смысле инновационная деятельность направлена на реализацию результатов научных исследований и разработок в экономической, культурной и иных сферах жизнедеятельности общества. Поэтому основная роль в этом процессе принадлежит науке как социальному институту преобразования общества. Кроме того, наука представляет собой информационную систему, содержание которой составляет совокупность знаний об объективной действительности. Научное творчество направлено на открытие новых закономерностей функционирования и развития человека, общества и окружающей среды, разработку фундаментальных и прикладных теорий, концепций, гипотез и иных научных положений. Тем самым научное познание как творческая деятельность порождает особые объекты ИС – научные и научно-технические результаты.

Идея правовой охраны научной ИС неоднократно возникала в юридической науке и в основном касалась закрепления общих положений в проектах законов об интеллектуальном творчестве (объединение авторского и изобретательского права – Н.А.Райгородский, В.Я.Ионас), о науке (В.А.Рассудовский), об охране научных результатов (Е.Л.Белиловский, Э.П.Гаврилов), о научно-техническом прогрессе (В.А.Дозорцев), о научной ИС (А.Венгеров)[1]. В настоящее время термин «научный результат» используется в Законе о науке 1996г., в Положении о порядке присвоения ученых степеней 2002г. и др.[2]. Поскольку научные результаты, как правило, оформляются в виде научных произведений либо воплощаются при создании изобретений, полезных моделей, промышленных образцов (научно-технические результаты), на них распространяются нормы авторского и патентного права. Однако авторское право охраняет лишь форму изложения научных выводов, но не сами выводы (п.4ст.6 Закона об авторском праве)[3]. Несмотря на предположение об органическом единстве содержания и формы авторского произведения, в научной литературе справедливо указывается на двойственный характер научных произведений [4]. Авторское право возникает с момента создания произведения и распространяется на его оригинальные элементы, которые не могут быть созданы разными авторами независимо друг от друга. В произведениях науки отсутствует подобное единство формы и содержания, так как научное исследование направлено на получение или применение конкретного научного результата, объективно повторяемого по своей природе. Это объясняется тем, что научное знание всегда включает в себя достижения прошлого, и в этом смысле существуют общие тенденции развития научных областей, что и приводит к повторению отдельных результатов в науке. Тем самым для подтверждения эффективности научной деятельности необходим такой механизм правового регулирования, который закрепляет приоритет и право авторства в достижении научного результата, воплощенного в публикации. Таким образом, научный результат может являться объектом



гражданских прав независимо от научного произведения. При этом нормы авторского права распространяются на интеллектуальные правоотношения по поводу научных результатов лишь в случае неправомерного заимствования оригинальной формы и тем самым содержания произведения, если доказан факт заимствования.

Однако научный результат может быть основой для создания различного рода изобретений. И правовой охране в патентном праве подлежит именно изобретение как техническое решение задачи в пределах его формулы, содержащей существенные признаки. Необходимость соответствия научно-технического результата критериям патентоспособности, а также сложная и длительная экспертиза заявленных решений не позволяют обеспечить должной правовой охраной множество результатов научных исследований (в т.ч. в области общественных наук). В этом смысле публикация научного произведения исключает патентно-правовую охрану объекта ИС, если ранее не была подана заявка на изобретение. Кроме того, в соответствии с п.2 ст.4 Патентного закона не подлежат патентованию открытия, научные теории, математические методы и иные решения[5]. Таким образом, институты авторского и патентного права лишь косвенным образом обеспечивают правовую охрану научных результатов.

Попытки создания специального правового режима для научных достижений можно разделить на три основных этапа: 1. Система государственной регистрации научных открытий (1947-1991гг.) на основе Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973г. и ст. 517-519 Гражданского кодекса РСФСР 1964г., которые сегодня официально не отменены, но не применяются в связи с прекращением такой регистрации[6]. Открытием признавалось установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира, вносящих коренные изменения в уровень познания. Тем самым правовая охрана распространялась на научные результаты в области естественных наук. И ученый обладал не только субъективными авторскими правами на научную публикацию, но и правом авторства на ее содержание, в котором было отражено открытие. Критериями научного открытия являлись абсолютная мировая новизна, фундаментальность (вклад в уровень познания материального мира) и достоверность. Приоритет закреплялся в связи с опубликованием либо с подачей заявки на регистрацию открытия до публикации. Однако сложность экспертизы заявленных решений и субъективная оценка критериев охраноспособности привели к упразднению всей системы.

2. Проект Закона “О научной интеллектуальной собственности и усилении ее охраны”1991г., который распространял правомочия собственника на промежуточные, конечные и побочные результаты НИОКР (знания, идеи, формулы, методы, опытные образцы и т.д.)[7].

3. Регистрация научных открытий, идей и гипотез в Международной ассоциации авторов научных открытий (с 1997г.). При этом заявки принимаются и на открытия в области общественных наук; ими “признается установление интеллектуальных связей между понятиями и (или) концепциями, которые воспринимались ранее несвязанными”[8]. Однако подобная регистрация не влечет правовых последствий и позволяет лишь зафиксировать приоритет в получении научного результата, а также создать базу данных, содержащую сведения о достижениях многих областей науки.

Между тем ст.4 Закона о науке провозглашает право научного работника на признание его автором научных результатов, объективную оценку научной деятельности, на доступ к информации о научных результатах. Создание системы государственной регистрации научных результатов способствует упорядочению научной информации, более четкой фиксации приоритета в области научных достижений, а также повышению качества научных произведений и более полной защите прав и интересов ученых. Гражданско-правовая природа интеллектуальных правоотношений по поводу науч-

ных результатов позволяет включить основные положения об этом институте ИС в гражданское законодательство.

Научный результат в широком смысле представляет собой идеальный объект, информационное содержание которого отражает совокупность знаний об объективной действительности и закономерностях ее развития. В ст.2 Закона о науке научный результат определяется как продукт научной деятельности, содержащий новые знания и зафиксированный на любом информационном носителе. К числу объектов правовой охраны относятся конечные (открытия) и промежуточные результаты научных исследований (постановка научной проблемы, гипотеза, научный факт, метод, теория). Поскольку научное знание как нематериальное благо является продуктом мыслительной деятельности, научный работник с момента объективного воплощения знания приобретает правовой статус автора научного результата. Тем самым он вправе требовать признания научного достижения и своего авторства, и в этом смысле ученый обладает субъективным гражданским правом абсолютного характера. Реализацией права авторства является подача заявки на регистрацию определенных теоретических положений в качестве научного результата. Государственным органом по регистрации может быть Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам либо Всероссийский научно-технический информационный центр. Возможен и третий вариант – включение Международной ассоциации авторов научных открытий в состав Министерства образования и науки РФ [9]. Охраненный документ, таким образом, удостоверяет признание, приоритет и право авторства. Но регистрация может быть признана недействительной в случае нарушения требований к оформлению заявки либо в связи с обоснованным протестом научного сообщества по поводу регистрации конкретного научного результата. Кроме того, регистрация не может служить юридическим фактом для возникновения исключительных прав на научный результат. Исключительное право представляет собой совокупность правомочий по использованию объекта ИС и запрещению такого использования другим лицам. Поскольку научное знание с момента его объективного воплощения становится всеобщим достоянием и включается в информационную среду общества, установление монопольных прав на результаты научного труда будет препятствием общественному прогрессу. Поэтому субъект научного творчества имеет личные неимущественные права на творческие идеи, право собственности на материальный носитель и на охраненный документ, удостоверяющий права на научный результат. К числу субъектов научной деятельности в соответствии со ст.3 Закона о науке относятся физические лица (научные работники) и юридические лица (научно-исследовательские и иные организации). Реализация ими гражданских прав и обязанностей осуществляется на основе правовых форм организации научного труда: индивидуальной (творческая автономия ученого в пределах гражданской правосубъектности), групповой (правоотношения соавторства) и коллективной (трудовые отношения в научной организации).

Концептуальные основы построения механизма правовой охраны интеллектуальной собственности в науке включают в себя совокупность теоретических положений о правовой природе нематериальных результатов творческого труда, а также правовые принципы, направленные на обеспечение свободы научного творчества, возможностей реализации творческого потенциала и научных интересов, защиты прав научных работников на разных этапах творческого процесса [10-13].

#### *Примечания*

1. См.: Райгородский Н.А. Изобретательское и авторское право в системе гражданского права // Правоведение.1958.№1; Ионас В.Я. Произведения творчества в

гражданском праве. М.,1972; Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР. М.,1973 (гл. XII); Белиловский Е.Л. Государственная регистрация научных результатов: опыт и перспективы. М.,1990; Гаврилов Э.П. Об установлении права авторства на научный результат // Вестник АН СССР.1989.№4; Дозорцев В.А. Законодательство и НТП. М.,1978.

2. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 12.07.96 (в ред. от 23.12.2003)// Собрание законодательства РФ.1996.№35.Ст.4137.Парламентская газета.№239.27.12.2003.№1.06.01.2004; Положение о порядке присвоения ученых степеней, утвержденное постановлением Правительства №74 от 30.01.2002// СЗ РФ.2002.№6.Ст.580.

3. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.93// Ведомости РФ.1993.№32.Ст.1242.СЗ РФ.1995.№30.Ст.2866.

4. См.: Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. Юриздат,1957.С.99.

5. Патентный закон РФ от 23.09.92 (в ред. от 07.02.2003)// Ведомости РФ.1992.№42.Ст.2319.СЗ РФ.2003.№6.Ст.505.

6. Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 21.08.73// СП СССР,1973.№19.Ст.109.

7. Проект Закона «О научной интеллектуальной собственности и усилении ее охраны»// Вопросы изобретательства.1991.№1.С.49-54.

8. См.: Заявка на научное открытие (научную идею, научную гипотезу). Методическое пособие по подготовке и оформлению. М.,1999.С.3.

9. См.: Указ Президента «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» №314 от 09.03.2004// Российская газета.№48.11.03.2004.

10. Дидикин А.Б. Право интеллектуальной собственности: теория, законодательство, практика // Труды XL международной научной студенческой конференции «Студент и НТП». Новосибирск,2002.

11. Дидикин А.Б. Модели интеллектуальной собственности в юридической науке и законодательстве // Перспективы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск,2003.

12. Дидикин А.Б. «Интеллектуальная собственность» как языковой феномен социальных отношений // Бытие и язык: традиции и модернизм. Сборник научных трудов. Новосибирск,2004.

13. Дидикин А.Б. Методологические проблемы исследования правоотношений в сфере интеллектуальной собственности // Классика и модернизм научной мысли. Сборник научных трудов. Новосибирск,2004.

## **КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ**

**С. В. Зыков**

Институт философии и права СО РАН

В действующей Конституции впервые в отечественном акте такого рода идёт речь об интеллектуальной собственности. Некоторые авторы делают вывод даже о формировании нового “межотраслевого правового института”, “в основе которого лежат нормы конституционного права” [1]. Такой вывод представляется необоснованным: среди положений второй главы Конституции Российской Федерации немало таких, которые носят совершенно определенный отраслевой характер. Действительно, нам

не мешает рассматривать право собственности исключительно как подотрасль гражданского права ни его конституционное закрепление, ни использование данного термина в уголовном и административном праве. Для формирования правового института необходима однородность регулируемых отношений, единство предмет и метод регулирования, а не просто использование одного и того же термина.

Указанная проблема, впрочем, подводит нас к другому, более общему, вопросу: каково положение норм об охране интеллектуальной собственности в рамках Конституции Российской Федерации, каков генезис их формирования?

Правам на результаты творческой деятельности посвящена ст.44 Конституции Российской Федерации. Указанная статья в отличие от многих других, содержащихся в главе 2 “Права и свободы человека и гражданина” носит комплексный характер. Она закрепляет обязанности личности по сохранению культурного наследия (п.3), провозглашает культурные права разного порядка (свобода творчества и свобода преподавания), а также экономического характера (охрана интеллектуальной собственности).

Более того, говоря о конституционном урегулировании отношений, связанных с созданием и использованием результатов творческой деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, мы не можем ограничиться нормами, содержащимися лишь в ст.44 Конституции Российской Федерации, поскольку ряд институтов интеллектуальной собственности закрепляет личные неимущественные (скажем, право авторства), то соответствующие отношения не сводятся к экономическому содержанию. В этом смысле можно опереться, например, на п.1 ст.23 (защита чести личности) – в сопоставлении с правом на защиту репутации автора (п.1 ст.15 Закона “Об авторском праве и смежных правах”[2]). Кроме того, в силу своего экономического содержания “охрана интеллектуальной собственности” связана с иными экономическими правами и свободами, декларируемыми во второй главе Конституции Российской Федерации, например, правом личности на свободное использование своих способностей для занятия любой не запрещённой законом экономической деятельностью (п.1 ст.34 Конституции Российской Федерации). Вышеуказанные нормы, закрепляющие свободу творчества и преподавания также тесно взаимосвязаны с иными нормами, а именно устанавливающими социально-культурные права и свободы, например, со свободой мысли и слова (п.1 ст.29 Конституции Российской Федерации).

Чем же можно объяснить сведение столь разнородных, связанных с иными положениями в одной 44 статье Конституции Российской Федерации?

В её рамках в центре внимания законодателя находится комплекс вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью. Как известно, это, прежде всего совокупность норм, регулирующих отношения по созданию и использованию результатов творческой деятельности. В этой сфере можно выделить три категории субъектов: 1) авторы; 2) лица, осуществляющие их коммерческое использование (пользователи); 3) потребители культурных ценностей.

Права и свободы всех трёх групп получили закрепление в первых двух пунктах статьи 44 Конституции Российской Федерации. Интересам авторов соответствует декларация свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности (как было отмечено выше, присуще не только экономическое содержание поскольку соответствующие субъективные права включают также личные неимущественные правомочия). Применительно к пользователям следует указать на имущественный аспект исключительных прав, в качестве отражения интересов потребителей провозглашается право на доступ к культурным ценностям. Таким образом, отношения, связанные с творческой деятельностью получили обособленное конституционно-правовое урегулирование. В тоже время очевидна несамодостаточность указанного нормативного материала. Вызывает определенные сложности у исследователей определение его юридиче-

ской природы. Например, некоторые относят права на интеллектуальную собственность к категории культурных прав человека и гражданина [3].

Разомкнутость нормативного регулирования отношений интеллектуальной собственности в рамках самой Конституции проявилась в тех дискуссиях, которые велись участниками Конституционного совещания. Следует отметить, что такие споры не были слишком многочисленны. Основные дискуссии в Конституционном совещании разгорались вокруг других вопросов, в частности, вокруг государственного устройства Российской Федерации. По вопросу же об интеллектуальной собственности мы не найдём серьёзных разногласий уже в представленных на обсуждение проектах, так называемом “президентском”, опубликованном в газете “Известия” от 30.04.93 г. (ч.1 ст.49): “Свобода литературного, художественного, научного и технического творчества, преподавания, а также интеллектуальная собственность охраняются законом” [4] и подготовленного конституционной комиссией в соответствии с постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 16 июня 1990 г.: “Свобода художественного и технического творчества, научных исследований и преподавания, а также интеллектуальная собственность охраняются законом” [5].

Таким образом, формулировки законопроектов различались незначительно и сводились к редакционным различиям. Действительно, “Художественное” и “литературное” соотносятся как родовое и видовое понятия. Оставление перечня результатов творческой деятельности открытым, для чего было введено дополнение “и других видов творчества” не вызвало в последующем возражений. Право доступа к культурным ценностям, сформулированное вначале как право гражданина, без особых дискуссий было преобразовано в право человека посредством замены “гражданин” на “каждый”, аргументация строилась на отсылках к нормам международного права. Кроме того, было принято предложение разграничить свободу творчества и охрану интеллектуальной собственности, не смешивая эти разнородные категории в одной фразе, а “чётко гарантировав охрану интеллектуальной собственности в отдельной части” [6].

Однако ряд предложений не был принят. Так, несмотря на то, что некоторые участники совещания настаивали на включении положений об охране интеллектуальной собственности в “фундаментальную статью о собственности”, была принята контраргументация: поскольку указанные права имеют разную юридическую природу, смешение этих абсолютных прав (чему способствовало бы употребление одного и того же термина, предопределенное словоупотреблением международных договоров, которым по замыслу создателей буквально должен был бы соответствовать текст Конституции Российской Федерации) не соответствовало бы отечественным правовым традициям и юридически некорректно [7].

Подводя итог, можно отметить следующее. Конечно, существуют резервы для совершенствования текста статьи 44 Конституции Российской Федерации. Например, можно было бы закрепить личное неимущественное право авторства – общее, применительно ко всем результатам творческой деятельности.

Однако основной задачей принятия Конституции Российской Федерации не было урегулирование всех отношений в данной сфере. Даже ГК РФ в ст.138 обуславливает признание исключительных прав наличием норм федерального закона, иного, чем Кодекс. Иными словами нет федерального закона – нет объекта интеллектуальной собственности. Задачей общих положений Конституции Российской Федерации было лишь наметить путь развития законодательства об исключительных правах, в тоже время оставив ему необходимый простор. Не случайно вызвали аплодисменты слова одного из участников Совещания произнесенные, именно в связи с рассматриваемым вопросом о том, что Конституция “... это декларация! Ничего не подкрепляется...” и,

следовательно, “не надо урезать” [8]. Такой подход – больше прав, пусть даже только на бумаге соответствовал, если не настрою общества в целом, то, по крайней мере, именно той его части, которая творила законы.

Правота такого подхода в том, что регулирование вопросов интеллектуальной собственности – предмет федерального законодательства. Довольно с Конституции Российской Федерации и того, что на права на интеллектуальную собственность получили статус конституционных.

### *Примечания*

1. Халипова Е.В. Конституционно-правовые основы интеллектуальной собственности. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 1999. – С.4.
2. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. - 1993. - № 32. - Ст.1242; Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995.- №30. – Ст.2866.
3. Э.П. Григонис, В.П. Григонис. Конституционное право России. - СПб., 2002. – С.103.
4. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. 29 апреля – 4 июня 1993 г. - Т.1– М., 1995. – С.22.
5. Там же. - С.509.
6. Там же. 9 июня 1993 г. - Т.4. – М., 1995. - С.64; 11 июня 1993 г. – Т.6. – М., 1995. – С.345; 9 июня 1993 г. - Т.4. – М., 1995. - С.163.
7. Там же. 11 июня 1993 г. - Т.6. – М., 1995. - С.341, 352; 15 июня 1993 г. - Т.9. – М., 1995. - С.124; 25, 26, 28 июля 1993 г. - Т.15. – М., 1996. – С.354-355.
8. Там же. 11 июня 1993 г. - Т.6. – М., 1995. - С.348.

## **ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

**И. А. Коршунова**

Институт философии и права СО РАН

Доктрина под защитой понимает комплексную систему мер, применяемых для обеспечения свободной и надлежащей реализации субъективных прав, включая судебную защиту, законодательные, экономические, организационно-технические и другие средства и мероприятия, а также самозащиту гражданских прав. Законодатель, напротив, оперирует различными терминами для обозначения защиты субъективных прав: «способы», «меры», «средства» и «формы», это приводит к тому, что некоторые ученые воспринимают вышеуказанные понятия в научной литературе как идентичные. Защита гражданских прав выступает важнейшей категорией цивилистики и гражданского процессуального права. Это позволяет утверждать, что без уяснения смысла защиты гражданских прав, в дальнейшем невозможно будет понять особенности гражданско-правовых санкций, их содержание, форму и механизм реализации, а также иные вопросы, прямо или косвенно вытекающие из правонарушений, а, следовательно, и из их защиты.

Многие исследователи – праведы определяют право на защиту в обобщенном виде как предоставленную возможность управомоченного лица применить меры правоохранительного характера с целью восстановления своего нарушенного или оспариваемого права. Однако данное определение в науке является спорным. Одна группа

ученых, представляющих большинство, считает, право на защиту составной и неотъемлемой частью самого субъективного права одновременно с правом на собственные действия, включая право требовать определенного поведения от обязанных лиц. Другие склоняются к тому, что неотъемлемым качеством субъективного права является его обеспеченность возможностью государственного принуждения, существующая не параллельно с другими закрепленными возможностями субъективного права, а свойственная им самим, без которого их правовая природа не была бы юридической. Выдвигается и третья точка зрения, согласно которой право на защиту представляет собой самостоятельное субъективное право. Несмотря на дискуссионность понятия права на защиту доктрина в качестве определения самого термина «защита» рассматривает в общетеоретическом аспекте его соотношение с субъективным правом на защиту, состоящего из возможности совершения правомочным лицом собственных положительных действий, а также возможности требования определенного поведения от обязанного лица. Следует отметить, особенно защитой субъективных гражданских прав охватываются в предмете не только сами субъективные гражданские права, но и охраняемые законом интересы (ст. 3 ГПК РФ). Учитывая их близкую понятийную связь, они не всегда разграничиваются в юридической литературе, однако их различие зачастую обусловлено практическим значением. Более того, возможны ситуации, когда будет иметь место только защита охраняемым законом интереса (например, защита чести, достоинства), а не субъективного права.

Гражданский кодекс РФ в названии ст. 12 использует терминологию «способы защиты гражданских прав», анализируя которую отдельные исследователи говорят об эклектичности данного названия, в частности, разграничивая это понятие как обозначение отдельных действий в виде разных элементов деятельности по защите субъективных прав. В качестве отражения специфичности дефинитивного аппарата ГК РФ учеными противопоставляются способам защиты гражданских прав, выделенных ст. 12 ГК РФ, цивилистические разработки 1970-1990 гг., касающихся не защиты прав вообще, а защиты хозяйственных прав в частности. Несомненно, подобная сфера защиты была опосредована преобладанием государственного сектора собственности в гражданском обороте и доминированием планового хозяйствования. По указанным причинам научной мыслью были сформулированы пять этапов развития защиты прав и законных интересов хозяйственных (социалистических) органов: возникновение конфликта (при условии наличия имущественного ущерба, наличия препятствий и т.п.); документальная фиксация хозяйственного конфликта (включая установление причинно-следственной связи); защита (состоящая из оперативной защиты права, например, отказ от оплаты счета, и (или) претензионной защиты); иск (как особое средство принудительной защиты); исполнение решения суда. Приведенный подход видится некорректным, поскольку в этом случае правовое понятие подменяется экономическими причинами, а термин «защита» объединяет в себе систему мер экономических и организационно-технических мероприятий, направленных на урегулирование «хозяйственного конфликта».

В юридической литературе защита гражданского права фигурирует в двух основных формах: юрисдикционной и неюрисдикционной. Первая форма защиты представлена в виде деятельности уполномоченных органов государства по защите нарушенных или оспариваемых субъективных прав. Предназначение юрисдикционной формы выражается в возможности заинтересованного лица, чьи права и законные интересы нарушены неправомерными действиями, обратиться к государственным или иным компетентным органам за защитой, которые в соответствии со своей компетенцией принимают меры для восстановления нарушенного права и пресекают правонарушение. Вторая (неюрисдикционная) форма защиты включает весь спектр действий гражд-

дан и организаций по защите субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов, совершаемых ими самостоятельно, без обращения за помощью к государственным или иным компетентным органам. Приведенные формы защиты позволяют предположить, что законодатель под защитой гражданского права подразумевает взаимосвязь нескольких составляющих: с одной стороны, необходима нарушенная или оспариваемая связь права и правонарушения, с другой стороны, необходима возможность проявления способов защиты права посредством форм его реализации. В тоже время право вообще, и право на защиту в частности, реализуется только при наличии и с помощью субъектов права. Следовательно, чтобы определить сущность защиты гражданского права необходимо указать субъектов гражданского оборота и их цели защиты.

Конституция РФ ст. 2 провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Между тем, защита как гарантия государства упоминается в Конституции РФ с нескольких позиций: во-первых, ст. 35 Конституции РФ равным образом говорит о защите частной собственности юридических лиц, имеющих частную организационно-правовую форму собственности. Во-вторых, гарантируется судебная защита прав и свобод гражданина (ст. 46 Конституции РФ). Одновременно в «хозяйственной» конституции страны – в ГК РФ – отражается конституционная норма о защите нематериальных благ (п. 2 ст. 2 ГК РФ). В этой связи, определение возможности защиты прав граждан имеет весомое значение, поскольку всякий гражданин так или иначе участвует в гражданском обороте, как-то: пользуется услугами, товарами предпринимательских организаций, вступая с ними в различные гражданско-правовые отношения. При этом, избегая научных дискуссий и теоретических разногласий, следует отметить, основной ценностью и значимостью государства является его опора на право, которое как регулятор различных общественных отношений (например, налоговых, материальных и иных) выступает подлинной юридической гарантией, обеспечивающей защиту и охрану. Нередко, сопоставляя «объем», «способы», «средства» и «меры» защиты гражданских прав граждан и граждан – предпринимателей, многочисленные исследования показывают, что защита гражданских прав граждан как физических лиц является скорее декларативной, нежели гарантированной категорией в отличие от граждан, занимающихся деятельностью, направленной на получение прибыли. Выдвижение данного тезиса основывается на анализе законодательства РФ, оно, будучи источником права, содержит пробелы и неточности в сфере его реализации. Так, например, ст. 18 Конституции указывает, что права и свободы человека опосредуют содержание и смысл, а также применение законов местного самоуправления. Одновременно, ст. 132 Конституции, определяя объем полномочий, относящихся к ведению органов местного самоуправления, не включает вопросы, связанные с защитой права граждан. Это позволяет предположить, что способы и формы защиты прав граждан на местном уровне не только не учитываются функциями органов местного самоуправления, но и фактически в данной сфере находятся в «подвешенном» состоянии. Подобная ситуация разрешается с помощью руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, при этом именно данный подход к устранению противоречий и пробелов определяется доктринальным толкованием как единственно верным и наиболее благоприятным способом устранения несоответствий закону.

Современный гражданский оборот, признавая за своими участниками определенные гражданские права, гарантирует и их охрану, под которой понимается вся совокупность мер, обеспечивающих достаточную возможность реализации прав. Основным законом, регулирующим деятельность предпринимательского оборота (ГК РФ),



не дается легального определения понятия защиты гражданского права. Поэтому учеными – цивилистами было выдвинуто несколько предположений о возможности обозначения данного термина. Например, в качестве действий или элементов и мер по защите права. Преобладающей является точка зрения, где под способами защиты субъективных гражданских прав понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, с помощью которых производится восстановление нарушенных или оспариваемых прав и воздействия на нарушителя. Защита гражданских прав осуществляется на основе способов, поименованных ст. 12 ГК РФ, данный перечень не является исчерпываемым. В тоже время, практически по истечении десятилетия использования ГК РФ, правоведами, в частности практиками, признается, что данный перечень нельзя признать научно обоснованным – многие из перечисленных способов защиты взаимно перекрывают друг друга, однако закрепление даже такого несовершенного перечня является полезной мерой, поскольку потерпевшие ориентируются на возможный инвентарный средств защиты своих нарушенных прав, что существенно облегчает их выбор. Несомненно, подобная аргументация связана с детализацией способов защиты в ГК РФ, в отличие от ГК РСФСР 1964г., а также с включением в список таких средств защиты как самозащита и компенсация морального вреда. Следует учитывать, что в основе построения ст. 12 ГК положен универсальный принцип, позволяющий в случаях отсутствия в специальной норме указания на конкретный способ защиты, использовать «иные способы, предусмотренные законом».

Доктрина и правоприменительная практика подразделяют способы защиты гражданских прав, перечисленные в ст. 12 ГК РФ на три группы: способы, осуществляемые только судом; способы, которые могут быть использованы как без обращения в суд, так и с помощью суда; способы защиты гражданских прав без участия суда (помимо самозащиты, ГК РФ подразумевает в качестве своеобразной формы защиты нарушенных прав односторонний отказ от исполнения договорных обязательств без обращения в суд, однако при условии существенного нарушения условий договора одним из его контрагентов). Подробное изложение каждого способа защиты гражданских прав, перечисленных ст. 12 ГК РФ, представляется нецелесообразным в виду обобщенности исследования, хотя одному из способов защиты следует уделить внимание – прекращению или изменению правоотношения.

Законодатель среди перечня способов защиты гражданских прав закрепил прекращение или изменение правоотношения. Характерно, с одной стороны, данный способ был перенесен из ГК РСФСР 1964г., а, с другой стороны, он нашел форму своей реализации посредством ст. 8 ГК РФ, предусматривающей основания возникновения гражданских правоотношений, среди которых называется судебное решение. Теория права исходит из предпосылки: источниками возникновения гражданских прав и обязанностей являются юридические факты, которые самостоятельно порождают гражданское правоотношение в целом (например, сделка или причинение вреда). Поэтому закрепление термина «судебное решение» в качестве самостоятельного юридического факта не совсем удачно, поскольку судебное решение (точнее судебный акт в значении «документ, определяющий решение суда») приводит к возникновению гражданского правоотношения только в сочетании с иными юридическими фактами, то есть принимает участие в сложном юридическом составе. Одновременно ст. 12 ГК РФ исходит из того, что прекращение или изменение гражданского правоотношения предполагает случаи, когда судебное решение направлено на преобразование спорного гражданского правоотношения, однако его следует рассматривать в качестве самостоятельного юридического факта, порождающего только отдельные субъективные гражданские права и обязанности, но не правоотношение в целом. При

этом характерной особенностью такого судебного решения будет выступать наличие правомочия суда на преобразование спорного материального правоотношения в виде его изменения, прекращения или уничтожения, но не возникновения, поскольку судебная власть в соответствии с Конституцией РФ не наделена правотворческими функциями. Таким образом, прекращение или изменение гражданских правоотношений как способ защиты гражданских прав есть совокупность предусмотренных законом специальных мер принудительного характера, посредством которых производится защита нарушенных прав при условии изменения, прекращения или уничтожения правоотношения.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что защита права по российскому законодательству представлена совокупностью материальных и процессуальных норм, предусматривающих право потерпевшего защитить свои непосредственные интересы в зависимости от конкретного правового казуса и в пределах, предусмотренных законом, либо с помощью судебного вмешательства, либо самостоятельно с использованием средств самозащиты.

## **ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА В США ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА**

**С. С. Костяев**

Новосибирский государственный университет

С 1995 года в Государственной думе идет работа над проектом федерального закона «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», внесенным В. А. Лепехиным, поэтому изучение опыта США, страны с наиболее разработанным законодательством подобного рода, может оказаться весьма полезным. В модели политической системы, предложенной Д. Истоном, на «выходе» мы видим решения, а на «входе» – поддержку и требования. Одной из форм артикуляции последних является лоббизм, который представляет собой «специфическую систему функционального представительства групповых интересов в органах государственной власти, дополняющую и в разнообразных направлениях перекрывающую систему географического представительства интересов, осуществляемого депутатами парламенте» (Н. Г. Зяблюк). Источники: первая поправка к Конституции 1791, билль Карзуэя 1928, билль Блэка 1935, ст. 12 закона о холдинговых коммунальных компаниях 1935, ст. 807 закона о морском торговом флоте 1936, закон о регистрации иностранных агентов 1938, закон о регулировании лоббизма 1946, поправка Фулбрайта 1966, поправка Берда 1989, билль Левина 1993, закон о раскрытии лоббизма 1995, акт о технических поправках 1998, протоколы Конгресса США 1928–2004, доклады Главного контрольно-финансового управления 1975–2004. Эти документы отражают систему лоббистского права США в исторической динамике. Цель данного исследования – выявить изъяны этой системы, которые необходимо избежать при разработке российского закона.

В процессе политического развития США в XX веке был выработан основной принцип регулирования лоббизма: лица, воздействующие на органы исполнительной и законодательной власти, должны подавать отчеты о своей деятельности Клерку Палаты представителей и Секретарю Сената. Рассмотрим опыт правового регулирования лоббизма через призму таких категорий как *субъекты, объекты, методы* лоббизма, а также проанализируем *систему реализации* лоббистского законодательства.

К *субъектам* лоббизма, согласно законодательству, относятся только лица профессионально занимающиеся подобного рода деятельностью. В законопроектах 1920

– 1930-х годов какого-либо специального критерия профессионализма не было, и лоббистом считалось любое лицо, занимающееся лоббизмом. Закон 1938 года таковым признавал только агента иностранного принципала, т.е. действующего в интересах зарубежных государств, партий, организаций и, по поправке Фулбрайта 1966 года, – бизнес нерезидентов. В законе 1946 года вводится понятие «главная цель», в связи с этим лоббистом признавалось лицо, главной целью деятельности которого является лоббизм; это позволяло многим лоббистам уклоняться от регистрации на основании заявления о том, что лоббизм-де не является их главной целью. Сенатор К. Левин в своем законопроекте попытался ввести объективный временной критерий профессионализма лоббистской деятельности: лоббистом считается то лицо, лоббистская деятельность которого занимает не менее 10% его рабочего времени, однако, здесь возникает проблема вычисления этих процентных соотношений, которую практически решить крайне сложно.

В ходе обсуждения своего билля Левин пошел на уступку, и по ныне действующему закону 1995 года установлен порог в 20%. На опытный вашингтонский юрист может решить нужную проблему, не затрачивая более 20% своего рабочего времени, а следовательно, его деятельность не будет подлежать регистрации. Поправками 1998 года иностранные лоббисты выведены из под сферы закона 1938 года, который субъектами лоббизма признает зарубежные правительства и партии, и переведены под компетенцию закона 1995 года. Установлено, что субъектами лоббизма являются не только группы гражданского общества, но и сами органы государственной власти, что не нашло отражения в законодательстве. Это, впрочем, вполне объяснимо, т.к. чиновники занимаются лоббированием в силу своих должностных обязанностей. Поэтому решение данной проблемы в России лежит не в сфере регистрации, а в необходимости повышения прозрачности государственного аппарата, путем перехода на электронный публичный документооборот, что отчасти у нас уже делается.

Проблема *объектов* лоббизма оказалась для законодателей одной из наиболее сложных. По биллю Карзуэя лоббист должен регистрироваться только при взаимодействии с Конгрессом, Блэк пошел дальше, распространив это требование и на контакты с органами исполнительной власти, однако, в законах 1935 и 1936 годов речь шла только о комиссии по ценным бумагам и бирже, федеральной энергетической комиссии и министерстве транспорта, контакт со всеми остальными государственными структурами не считался лоббистским и не подлежал раскрытию. Несколько изменил ситуацию закон о регистрации иностранных агентов 1938 года, распространявшийся на все органы власти, однако, как уже отмечалось внутренний лоббизм лежал вне сферы его регулирования. Закон 1946 года ввел в категорию субъектов лоббизма Конгресс, при этом контакты с сотрудниками аппарата Конгресса и всеми органами исполнительной власти были исключены из правового поля, и лоббист прибегавший к ним автоматически освобождался от необходимости раскрывать свою деятельность. Поправка Берда 1989 года, наконец, признала, что объектами лоббизма являются все федеральные ведомства, но раскрывать следовало только лоббирование федеральных контрактов, грантов, ссуд и совместных соглашений; если же лоббист решал проблемы скажем бюджетных программ, то никаких регистрационных форм заполнять не требовалось.

По ныне действующему законодательству объектами лоббизма считаются органы исполнительной и законодательной власти. Причем если в случае с последней контакт с любым сотрудником Конгресса США может расцениваться как лоббистский, то в случае с исполнительной властью, а именно такой ее частью как вооруженные силы, коммуникация лоббиста с чиновником ниже ранга 0-7 ( бригадный генерал, контр-адмирал ) ни при каких условиях не будет считаться лоббистским, и следовательно,

подлежащим раскрытию. Исследователями установлено, что судебная система также является объектом лоббизма, однако, де-юре это не так, что позволяет лицам, лоббирующим судебную систему, избегать регистрации.

По *методам* лоббизм подразделяют на прямой (при наличии непосредственного контакта) и не прямой (кампании в СМИ, подложные письма, телеграммы избирателям). Вплоть до 1954 года все лоббистское законодательство исходило из того, что лоббист использующий методы как прямого, так и косвенного лоббизма должен отчитываться о своей деятельности, при прочих равных условия. Однако, по результатам процесса США против Харриса, Верховный Суд принял решение вследствие которого, лицо, использующее методы непрямого лоббизма освобождается от регистрации. Поскольку решения Верховного Суда окончательны, и обжалованию не подлежат, эта проблема до сих пор остается нерешенной.

*Система реализации* лоббистского законодательства остается наиболее слабым звеном на протяжении всей его истории. Ответственными за исполнение законов 1935 и 1936 годов были комиссия по ценным бумагам и бирже, федеральная энергетическая комиссия и министерство транспорта соответственно. За закон 1938 года до сих пор отвечает министерство юстиции, которое не воспринимает эту задачу всерьез. Так в 1957 году за достоверностью 307 регистрационных форм следили 14 сотрудников отдела регистрации, а в 1972 году на 481 форму приходилось лишь 9 контролеров. В июле 1990 года Главное контрольно-финансовое управление Конгресса США опубликовало доклад о степени эффективности закона о регистрации иностранных агентов. Было выявлено, что: 50% иностранных лоббистов не раскрывают свою деятельность во всех деталях; более половины отправляют отчеты с нарушением установленных законом сроков. Отдел регистрации Министерства юстиции время от времени проводит среди лоббистов инспекции направленные на выявление нарушений этого закона, однако из времени из проведения секрета он не делает, что дает инспектируемым возможность вовремя исправить все недочеты в документации. Самое интересное, что объектом таких проверок являются только зарегистрированные по данному закону лоббисты. Следовательно, чтобы избежать общения с чиновниками министерства юстиции, достаточно просто не регистрироваться, что большинство лоббистов и делает; благо за 60 лет действия закона о регистрации иностранных агентов ни один уклонившийся от регистрации не был наказан.

Не лучше обстояли дела и с исполнением федерального закона о регулировании лоббистской деятельности 1946 года. Согласно проведенному ГКФУ исследованию из 1900 квартальных отчетов третьего квартала 1974 года 48% были заполнены с нарушениями. 61% отчетов был направлен с опозданием В 1989–1991 годах ГКФУ, изучив более тысячи отчетов лоббистов, выявило, что менее 20% лоббистов в требуемой форме отчитались о своих расходах; почти 90% не указали свои доходы от лоббизма; более 95% не обозначили свои расходы на связи с общественностью и рекламу; более 60% вообще не отчитались о своих расходах на лоббизм; 10 тыс. из 13,5 тыс. вашингтонских лоббистов не зарегистрировали по закону 1946 года; 2/3 из них лоббировали не только законодательную власть, но и исполнительную; и только 32% представленных отчетов содержит информацию о законах, являвшихся объектом лоббизма. Причина этого в том, что Клерк Палаты представителей и Секретарь Сената не имеет полномочий, позволяющих требовать от лоббистов своевременного и полного предоставления отчетов, он может лишь сообщать о нарушениях министру юстиции.

Пытаясь решить эту проблему, К. Левин в своем билле ввел положение о создании специального Управления регистрации и раскрытия лоббистской деятельности, которое вследствие активного сопротивления лоббистов отсутствует в утвержденном тексте закона 1995 года. Все осталось по-прежнему в ведении аппарата Конгресса, и ад-

министрирование системы лоббистского права все также малоэффективно как и прежде, хотя количество регистраций и возросло вдвое после принятия закона 1995 года.

На основе проведенного анализа мы приходим к заключению: что в российском законе о лоббизме не должно быть временного критерия профессионализма, в сферу его действия должны быть включены: государственные ведомства как субъекты лоббизма с особыми методами регулирования, судебная система как его объект, непрямой лоббизм, создать эффективную систему контроля за исполнением закона.

## **СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА**

**Н. Ю. Никуличева**

Институт философии и права СО РАН

Понятие репутации (от лат. *reputatio* — обдумывание, размышление) связано с оценкой определенных качеств субъекта. Деловая репутация представляет собой частный случай репутации вообще и является отражением уровня профессионализма организации. Исходя из смысла понятия «деловой», используемого в ряде статей ГК РФ, логичен вывод о том, что его уместно использовать лишь применительно к осуществлению субъектом предпринимательской деятельности. «Указание в новом ГК РФ на возможность опровержения по суду распространенных сведений, порочащих деловую репутацию,— отмечает в этой связи П. Я. Трубников,— обусловлено сложившимися современными экономическими отношениями, необходимостью защиты правомерной предпринимательской деятельности»[1] Отрицая распространенный подход к определению деловой репутации как оценки профессиональных качеств лица, связанных не только с осуществлением им предпринимательской деятельности, но и любой другой (экономической, социально-полезной, благотворительной, по выполнению государственных функций), отметим следующее:

1. Статья 5 ГК РФ под обычаем делового оборота признает сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения. Статья 438 ГК РФ использует понятие «деловые отношения» наряду с обычаями делового оборота, что также приравнивает эти отношения к предпринимательским. Таким образом, сравнительный семантический анализ законодательства позволяет провести аналогию, распространив сферу предпринимательского оборота на отношения по осуществлению права на деловую репутацию.

2. Статья 2 ГК РФ, определяя круг отношений, регулируемых гражданским законодательством, относит к ним отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием. Так, лицо, претендующее на использование деловой репутации как субъективного права, способно его осуществить лишь будучи хозяйствующим субъектом (в противном случае, оно выходит за пределы специальной правоспособности). Договоры, опосредующие передачу деловой репутации, обычно являются предпринимательскими, что требует наличия соответствующего статуса у его участников.

Предусмотренные гражданским законодательством статус и виды коллективных участников гражданского оборота (государство, юридические лица, в том числе коммерческие и некоммерческие организации, их объединения, иностранные компании и др.) сами по себе не способны в полной мере соответствовать всем многообразным формам и способам осуществления современной предпринимательской деятельности. Более того, представляется спорным утверждение об исключительности юридического лица как единственно возможного варианта участия в коммерческом обороте кол-

лестивного предпринимателя. Стремительное, основанное на международных технических достижениях в сфере коммуникации развитие экономических отношений зачастую не нуждается в оформлении статуса юридического лица, обеспечивающего интересы кредиторов условным уставным капиталом. Важна деловая репутация, надежная предшествующая коммерческая деятельность контрагента, добросовестность лиц, стоящих во главе организации или контролирующих ее. В этом случае юридический статус, сохраняя юридическое значение в вопросах возможного судебного разбирательства, теряет первостепенную значимость в реальном исполнении достигнутого соглашения.

Гражданское законодательство и правоприменительная практика в определении участника предпринимательского оборота уже вышли за, казалось бы, жесткие рамки юридического лица. Примером этому, в частности, могут служить финансово-промышленные группы, не являющиеся юридическими лицами, но активно участвующие в имущественных отношениях.

Гражданское право связывает наличие субъективных гражданских прав с субъектами, перечень которых является исчерпывающим. Так, коллективными участниками коммерческого оборота ГК РФ называет хозяйственные товарищества и общества, государственные и муниципальные унитарные предприятия и производственные кооперативы. Среди них общей правоспособностью обладают хозяйственные товарищества и общества, а также производственные кооперативы (п. 1 ст. 49 ГК РФ). Отсюда следует, что эти юридические лица способны обладать правом на деловую репутацию как неотъемлемым атрибутом коммерческой деятельности. Государственные и муниципальные унитарные предприятия, согласно ст. 3 Федерального Закона от 11 октября 2002 г. «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»[2], может иметь гражданские права, соответствующие предмету и целям его деятельности, предусмотренным в уставе этого унитарного предприятия, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Поскольку правоспособность унитарного предприятия является специальной, недопустимо осуществление им деятельности, не указанной в уставе. Отсюда, представляется обоснованным наделение унитарных предприятий правом на деловую репутацию, но лишь в тех сферах предпринимательской деятельности, которые определены в уставе (это требование согласуется с универсальным принципом законности).

Некоммерческие организации создаются ради достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ (ст. 2 Федерального Закона от 8 декабря 1995 г. «О некоммерческих организациях»[3]). Учитывая ограниченные возможности некоммерческих организаций участвовать в предпринимательских отношениях, наличие заинтересованности в достижении иных целей, следует исключить их из числа обладателей субъективного права на деловую репутацию. Указанное обстоятельство соответствует положениям гражданского законодательства, согласно которым юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах (п. 1 ст. 49 ГК РФ). Отсюда, юридические лица, если отвлекаясь от конкретных условий и целей их деятельности, в равной мере обладают способностью иметь гражданские права, хотя круг конкретных субъективных прав (к числу которых можно отнести право на деловую репутацию), возникающих в процессе реализации

правоспособности, должен соответствовать их специальной правоспособности и, следовательно, может быть различным у различных юридических лиц.

В ряде зарубежных стран наряду с полноправными юридическими лицами (*de jure*) допускается существование так называемых относительных (усеченных), или фактических, юридических лиц (*de facto*), то есть организаций, которые с точки зрения закона не являются субъектами права, но в определенных правоотношениях признаются таковыми. В них относятся, например, полные и командитные товарищества германского права, партнерства англо-американского права, объединения с общей экономической целью по французскому праву. В российском праве схожую природу имеет финансово-промышленная группа, юридически не обладающая статусом юридического лица, тем не менее, фактически имеет некоторые его признаки (усеченное юридическое лицо): организационное единство, имущественная обособленность. Не отрицая наличия у финансово-промышленной группы правосубъектности (в рамках публичных правоотношений, связанных, в частности, с ее созданием, государственным контролем), однако, ввиду невозможности самостоятельного участия в гражданском обороте, вне рамок определенной организационно-правовой формы, пока нет достаточных оснований относить финансово-промышленную группу к субъектам-участникам коммерческой деятельности (даже с условным статусом), способным быть обладателем права на деловую репутацию.

В законодательстве Германии предприятие наделяется некоторыми элементами правосубъектности. Оно может быть зарегистрировано в торговом реестре в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта, может иметь собственное фирменное наименование, имеет самостоятельный баланс. Действующее российское законодательство, современная юридическая доктрина, отказавшись от единого понимания и применения понятия «предприятие», используют его одновременно в нескольких значениях: как субъект права, как объект права и как обобщающую категорию для отдельных юридических лиц. Понятие предприятия не только многозначно, но и в связи со своим новым содержанием (имущественный комплекс) должно выражать тенденции, обозначившиеся в гражданском праве.

Итак, не являясь субъектом гражданских прав, в то же время предприятие способно объединить в своем составе имущественные и даже неимущественные права (п. 2 ст. 132 ГК РФ). Действующее предприятие (только такое и рассматривается в качестве объекта) не только предполагает, но и в ряде случаев в обязательном порядке содержит черты социального и личностного характера. Эти моменты нельзя не учитывать, поскольку, участвуя в предпринимательском обороте, имущественный комплекс «одушевлен», следовательно, деловая репутация как определенный элемент «внешнего выражения» предприятия, не следуя за вещами, все же следует за отношениями, в которых, хоть и опосредованно, участвует предприятие-объект. Что касается обладателя деловой репутации — юридического лица, то защита деловой репутации может быть осуществлена только лицом, способным обращаться с иском в суд, то есть субъектом. С другой стороны, деловая репутация как таковая имеет отношение не только к лицу — собственнику предприятия, но и к самому действующему имущественному комплексу. Пока в рамках современного гражданского законодательства предприятие самостоятельно не способно осуществлять право на деловую репутацию, тем не менее, оно является важным фактором, влияющим на его величину.

#### *Примечания*

1. *Трубников П. Я.* Применение судами законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации // Законность.— 1995.— № 7.— С. 7.

2. Собрание законодательства РФ.— 2002.— № 48.— Ст. 4746.
3. Собрание законодательства РФ.— 1996.— № 3.— Ст. 145.

## **ПРАВОСПОСОБНОСТЬ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА**

**А.А. Попов**

Институт философии и права СО РАН

С принятием Закона от 19.11.92г. "О несостоятельности (банкротстве) предприятий", а затем Федеральных законов от 8.01.98г. и от 22.10.02г. "О несостоятельности (банкротстве)" в отечественном законодательстве появилось понятие - "несостоятельность", характеризующее особое состояние субъекта, проявляющего неспособность исполнять свои обязательства. За незначительный по историческим меркам развития права период законодательство о банкротстве стало заметной частью правовой системы, оказывая существенное влияние на общественные отношения. Такое влияние оно приобрело благодаря стоящим перед ним задачам, которые условно можно разделить на три основных направления: защита кредиторов при неплатежеспособности должника; развитие инвестиционных отношений для улучшения финансирования предприятий, их структурной перестройки; создания объективных условий для предотвращения неплатежеспособности, осуществление публичного контроля для защиты финансовых вложений и обеспечения национальной безопасности (экологической, военной и пр.).

Перечисленное выше можно назвать задачами правового обеспечения, определяющими концептуальный и методологический подходы к регулированию отношений банкротства. Характерной его чертой является то, что возникающие правоотношения рассматриваются как результат повышенного интереса публичной власти к должнику или, если быть точнее, к его имуществу, что влечет появление новых имущественных отношений в рамках банкротства и новых субъективных прав участников этих отношений.

Как известно, во всех мировых правовых системах кредиторы в той или иной степени ограничиваются в правах (например, в праве получать удовлетворение своих требований в общем гражданском порядке). Но, как представляется, степень этого ограничения не зависит от степени проявляемой законодателем "заботы" о приоритете прав, например, должника по сравнению с правами кредиторов или наоборот, что позволяло бы делить все системы права, как это предлагают некоторые специалисты, на "прокредиторские" и "продолжниковские". Противопоставление прав кредиторов и должника само по себе лишено смысла, так как при банкротстве происходит вмешательство государства в имущественные отношения должника с кредиторами не в целях защиты одного перед другим, а в целях изменения экономического состояния имущества должника. Для этого государство, с одной стороны, одновременно игнорирует право собственности должника и права кредиторов, переводя их в иной режим имущественных отношений, а с другой - вводит новые правила, изменяя статус должника и кредиторов.

Так, действующий в настоящее время Федеральный закон от 22.10.2002г. содержит нормы, определяющие такие права, которые существуют только в рамках банкротства и качественно изменяют положение участников, изначально определенные в обязательстве. Например, кредиторы наделяются правом участвовать в управлении делами должника, а по сути - в управлении его имуществом, что выражается в праве избирать арбитражного управляющего, определять вид процедуры банкротства, утверждать план внешнего управления и отчет о его исполнении, выполнять контроль-



ные функции. Перечисленные нематериальные права аналогичны тем, которые имеют участники хозяйственных обществ, с характерным отличием: действия участников хозяйственных обществ направлены на формирование правовой воли субъектов права, действия же кредиторов несостоятельного должника направлены на то, чтобы помимо воли должника как субъекта права определить поведение другого субъекта - арбитражного управляющего - по распоряжению имуществом должника.

Появление соответствующих прав у кредиторов должника связано с изменением его правового статуса. Поэтому закрепление за ними прав по участию в управлении имуществом должника через воздействие на волю арбитражного управляющего является не чем иным, как правом на определение статуса арбитражного управляющего в правоотношениях. В этом смысле содержание объекта правоотношений банкротства следует определять исходя из содержания субъективных прав кредиторов, правового статуса арбитражного управляющего, который здесь выступает в роли должника, что позволяет утверждать о наличии особых субъективных качеств арбитражного управляющего, не являющегося участником обязательственных отношений, поскольку его поведение определяется специальными нормами законодательства о банкротстве.

Каково же состояние самого должника? В результате отстранения органов управления должника полномочия по управлению переходят к арбитражному управляющему, который, однако, не становится органом управления ни по определению, ни по содержанию полномочий. Согласно ст.20 Федерального закона от 22.10.02г. арбитражный управляющий является самостоятельным субъектом права, т.е. обладает самостоятельными правами, интересами, самостоятельной волей и поэтому действует в правоотношениях от своего имени. Значит, в правоотношении банкротства должником выступает, по существу, не сам должник, а другое лицо - арбитражный управляющий. А что же происходит с самим должником?

Еще Гегель указывал, что "исходной точкой права является воля"[1]. С этой позиции правоспособность есть не что иное, как возможность проявления индивидуальной воли лицом, которую государство признает и защищает. Прекращая полномочия органов управления и передавая эти полномочия арбитражному управляющему в момент введения внешнего управления или конкурсного производства, Федеральный закон от 22.10.2002 г. лишает должника этой возможности. Должник становится неспособным сам совершать хоть какие-то юридически значимые действия по отношению не только к своему имуществу, но и вообще ко всем объектам гражданского права. Полагаю, что такое положение должника не может быть объяснено утратой им дееспособности, так как юридические лица всегда дееспособны. Ведь даже передача полномочий исполнительного органа другой коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю в соответствии п.2 ст.103 ГК осуществляется акционерным обществом не как форма выполнения утраченной дееспособности, а как форма ее практической реализации. Поэтому с материально-правовых позиций "переход" к арбитражному управляющему полномочий органов управления юридического лица означает фактическое прекращение правоспособности последнего, причем уже на стадии внешнего управления.

Такое утверждение в большей степени соответствует действительности, поэтому в силу объективности описанного явления оно стало легальной дефиницией в развитых системах законодательства. Так, в главе 42 "Юридические лица" Гражданского уложения Германии от 18 августа 1896 г. "союз утрачивает правоспособность в результате объявления его несостоятельным". В правовой системе США утрата правоспособности должником выражается в том, что в праве используется конструкция trustee - доверительного управляющего. При этом даже если в период проведения процедуры банкротства должник остается во владении имуществом, все равно "должник выпол-

няет обязанности гипотетического опекуна, т.е. обладает всеми особыми правами управляющего"[2]. Но так как смешение правоспособностей невозможно, то один из субъектов (должник) как субъект права выбывает из гражданского оборота и его место занимает другое лицо - доверительный управляющий.

Таким образом, "исчезновение" из гражданского оборота одного лица (должника) влечет появление другого лица (арбитражного управляющего), под власть которого переходит все имущество должника, за исключением отдельных прав, связанных непосредственно с личностью должника. Но сам по себе арбитражный управляющий не самостоятелен в управлении имуществом должника. Его поведение определяется как нормами Федерального закона 22.10.2002г., так и решениями собрания кредиторов. В результате формируется представление о некоем субъекте права, который в правоотношениях банкротства выступает в качестве должника, а арбитражный управляющий и собрание кредиторов есть его гипотетические органы управления. Сказанное подтверждает вывод о том, что при банкротстве на первый план выходит не защита правового состояния должника, а забота о его имуществе. Общество через публичную власть, с одной стороны, игнорирует как интересы должника, так и его самого, признавая его "плохим хозяином", а с другой - передает имущество должника другому субъекту, создаваемому в публичном порядке, для принятия особых мер.

Этим подтверждается, что задачи гражданского права при банкротстве сводятся к обеспечению доступа общества и кредиторов к имуществу несостоятельного должника посредством создания специального, в определенном смысле абстрактного, субъекта права, который выполнял бы функции должника и осуществлял управление имуществом таким образом, чтобы были выполнены задачи правового обеспечения, о которых сказано в начале статьи.

Представляется, что развитие отечественной экономики и в будущем будет во многом зависеть от эффективности правового регулирования отношений банкротства. При этом, на мой взгляд, должно быть уделено особое внимание "абстрактному субъекту", воля и правовые интересы которого формируются деятельностью арбитражного управляющего и собрания (комитета) кредиторов.

#### *Примечания*

1. Гегель Г. Философия права. М., 1990. С.67.
2. Степанов В.В. Несостоятельность (банкротство) в России, США, Франции, Англии, Германии. М., 1999. С.80.

### **ДОСУДЕБНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НОТАРИУСОМ В РАМКАХ ГПК РФ И АПК РФ**

**В. В. Смирнов**

Институт философии и права СО РАН

Обеспечение доказательств, как способ собирания доказательств, представляет собой совокупность действий, закрепленных в Основях законодательства Российской Федерации о нотариате, направленных на восприятие доказательственной информации, содержащейся в источниках, сохранение которых до начала рассмотрения дела по существу невозможно или затруднительно и их закрепление в установленной процессуальной форме. В качестве таких действий ст. 103 Основ законодательства РФ о нотариате указаны допрос свидетелей, осмотр письменных и вещественных доказательств, назначение экспертизы. Обеспечение доказательств - институт, потенциаль-

ные возможности которого используются на практике гораздо реже, чем они того заслуживают, хотя он является весьма действенным механизмом сохранения необходимой доказательственной информации.

Институт досудебного обеспечения доказательств нотариусом помимо главы XX Основ законодательства РФ о нотариате, ранее также был предусмотрен ст. 57-59 ГПК РСФСР. Введенный в действие в 2003 году Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, рассматривая вопрос обеспечения доказательств, прямо не предусматривает возможности досудебного обеспечения доказательств нотариусом, а Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (2002 год) закрепил порядок досудебного обеспечения доказательств по правилам ст. 99 АПК РФ в порядке, предусмотренном для применения предварительных обеспечительных мер, что является исключительной компетенцией арбитражного суда. Означает ли это, что нотариус не вправе обеспечивать доказательства до возникновения гражданского или арбитражного процесса?

Представляется, что ответ здесь может быть положительный. Нотариус вправе обеспечивать доказательства для последующего их предоставления заинтересованными лицами в порядке гражданского или административного судопроизводства в рамках гражданского или арбитражного процессов. Во-первых, поскольку это прямо предусмотрено Основами законодательства о нотариате. Во-вторых, в силу присущего российскому судебному процессу принципа свободной оценки доказательств (ст. 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ) суд общей юрисдикции либо арбитражный суд в любом случае будут оценивать обеспеченные нотариусом доказательства по общим правилам их относимости, допустимости, достаточности и достоверности, другим критериям.

Кроме того, следует учитывать, что согласно ч. 2 ст. 64 АПК РФ в качестве доказательств допускаются наряду с письменными и вещественными доказательствами, объяснениями лиц участвующих в деле, заключениями экспертов, показаниями свидетелей, аудио и видеозаписями и иные документы и материалы. Таким образом, АПК РФ содержит открытый перечень доказательств и в этом качестве вполне могут рассматриваться, например, протоколы осмотра вещественных доказательств, составленные нотариусом. Содержащийся в ст. 55 ГПК РФ перечень доказательств является закрытым, однако протоколы, составленные нотариусом в порядке обеспечения доказательств, представляется возможным отнести к письменным доказательствам, обладающим признаком допустимости. Поэтому суд при принятии решения по делу может дать оценку указанным доказательствам наряду с иными письменными доказательствами.

Проблематичным в современных условиях является проведение экспертизы в рамках нотариального обеспечения доказательств, поскольку в силу ст. 79 ГПК РФ она назначается только судом и доказательственное значение экспертного заключения приобретает в соответствии с гражданским процессуальным законодательством только то экспертное заключение, которое было проведено по инициативе суда. Аналогичное положение – о назначении экспертизы только арбитражным судом – содержится в ст. 82 АПК РФ.

Закрепленное в ГПК РФ положение о возможности обеспечения доказательств судом на наш взгляд является несовершенным. Из смысла статьи 65 ГПК РФ усматривается, что обеспечение доказательств судом возможно только после предъявления иска. Досудебное обеспечение доказательств нотариусом позволяет исключить недобросовестное поведение другой стороны, у которой могут находиться необходимые доказательства, предотвратить их порчу или уничтожение. Таким образом, учитывая, что действия по обеспечению доказательств преследуют только одну цель, а именно их сохранение, представляется целесообразным включить в ГПК РФ возможность досу-

дебного обеспечения доказательств нотариусом, что позволит разрешить возникшую коллизию гражданского процессуального законодательства и Основ законодательства РФ о нотариате.

На наш взгляд, обращение к нотариусу за обеспечением доказательств является вполне правомерным и законным способом обеспечения заинтересованных лиц доказательствами до возбуждения дела в суде, особенно в отношении судов общей юрисдикции. Досудебное обеспечение доказательств для арбитражного процесса является более проблематичным в связи с прямым указанием в АПК РФ на способ их закрепления. Поэтому немаловажным является то направление развития практики досудебного обеспечения доказательств, которое будет складываться в судебной практике.

## **ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**В. В. Смирнов**

Институт философии и права СО РАН

В спорах о гражданских правонарушениях, совершенных с помощью сети Интернет, самой сложной является проблема доказывания факта нарушения прав. Она включает в себя две составляющие: 1) правовые основания, порядок сбора и обеспечения доказательств; 2) допустимость таких доказательств с точки зрения процессуального права.

Многие отказываются от защиты своих нарушенных прав, полагая, что в отношении сведений, распространяемых в Интернете, не действует российское законодательство либо нет возможности доказать совершение правонарушения, поскольку информация на сайте может быть легко изменена или удалена с него в любой момент. Но при этом уже существующая судебная практика склоняется к тому, что в отношении правонарушений в Интернете должно применяться российское право и есть доказательства, допустимые с точки зрения процессуального закона.

Однако для его применения нужно доказать сам факт нарушения гражданских прав, то есть необходим набор фактов, имеющих юридическое значение и установленных в законодательстве, сделке, правовом обычае, другой норме права. Именно о обеспечении доказательств правонарушений в Интернете — «...фактических данных, на основе которых в определенном законом порядке суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, и иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела...» (ст. 55 ГПК РФ; ст. 64 АПК РФ) — и способах их получения пойдет речь далее.

Прежде чем обращаться в органы исполнительной власти или в суд по поводу правонарушения в Интернете, следует собрать и обеспечить доказательства, которые подтвердили бы наличие состава правонарушения. На данный момент оптимальный способ — заверение интернет-страниц у

нотариуса. Простая распечатка страницы, по справедливому замечанию А. Ивлева, скорее всего, не будет признана судом документом, а нотариально заверенная — будет [1]<sup>1</sup>.

Такого же мнения придерживается и судебная практика: арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области в решении от 06.04.2000 по делу № А56-8603/99 пришел к следующему выводу: «Доводы, что представленные документы не могут быть оценены как относимые и допустимые доказательства, неосновательны, поскольку: ...протокол, составленный нотариусом,

соответствует требованиям, предъявляемым к письменным доказательствам, т. е. содержит сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, а именно об информации, содержащейся на web-странице... Отсутствие в протоколе выраженного порядка действий нотариуса при работе в Сети... не может служить основанием для оценки содержащейся в нем информации как недостоверной»[2].

Данное решение свидетельствует о том, что доказательства, обеспеченные нотариусом, должны признаваться допустимыми, если они получены с соблюдением норм процессуального права.

Для получения указанного рода доказательств заинтересованное в заверении правонарушающей информации лицо составляет запрос на имя нотариуса, в котором просит удостоверить факт нахождения интересующей информации по определенному адресу в сети Интернет. В запросе обязательно должны быть указаны: цель обеспечения доказательств, адрес интернет-страницы, реквизиты документа, наличие заинтересованных лиц. Желательно указать заголовки текста или графической информации, ее месторасположение на интернет-странице, конкретные цитаты, которые предполагается положить в основу последующего иска, жалобы или заявления. Целесообразно изложить ход действий, которые должен совершить нотариус для получения экранного изображения интересующей страницы.

В арбитражной практике известен случай, когда ответчик ходатайствовал о признании документа недопустимым, поскольку нотариус составил протокол только осмотра интернет-страницы. Фактически же он совершил два действия — сначала получил изображение страницы на экране монитора и лишь потом произвел ее осмотр. В данном случае суд отверг довод ответчика. Но в дальнейшем представляется разумным отражать в протоколе, каким образом нотариус получил доступ к интернет-странице и ее изображение на экране монитора.

Для обеспечения доказательств нотариусу целесообразно совершить следующие действия: найти интернет-страницу по сообщенному адресу, распечатать ее, проверить наличие материала с указанными реквизитами. Если в запросе фигурировали определенные слова и выражения, то проверить их наличие в распечатанном экземпляре. Желательно, чтобы на распечатке в автоматическом режиме отразилась дата печати и адрес файла, а интернет-страница была распечатана полностью в той форме, в какой она предстает перед посетителем сайта.

Дискуссионным вопросом является то, как может быть расценена заверенная распечатка интернет-страницы. С одной стороны она является письменным доказательством потому, что изображение на экране монитора, так же как на бумажном носителе, сообщает пользователю одинаковые сведения вне зависимости от того, на каком носителе они отражены — люминесцентном слое экрана монитора или бумаге. Информация содержится в тексте или графическом изображении, а не на материальном носителе. В этом отличительная черта письменного доказательства (ст. 75 АПК РФ, ст. 71 ГПК РФ). Однако, по мнению Президента Нотариальной палаты Новосибирской области, действия нотариуса по распечатке интернет-страницы и по удостоверению ее тождества с изображением на мониторе близко по своей сути с нотариальными действиями по удостоверению времени предъявления документа, однако полученный документ не будет являться доказательством, так как получен не в порядке главы XX Основ законодательства РФ о нотариате.

В строгом смысле процессуального законодательства распечатка на бумаге окна браузера (программы, с помощью которой файлы из Интернета представляются в доступном для восприятия человека виде) не аутентична изображению на экране монитора (ч. 8 ст. 75 АПК РФ). В бумажной распечатке добавляются сведения

о времени печати и месторасположении файла в Интернете. Представляется, однако, что данное формальное соображение не должно быть преградой на пути правосудия, главными задачами которого являются защита прав, свобод и охраняемых законом интересов, укрепление законности и пресечение правонарушений, а также правильное и своевременное рассмотрение дела (ст. 2 ГПК РФ и ст. 2 АПК РФ).

Следует отметить, что заявитель может просить заверить только цитаты в неизменном виде. Оценочных суждений в запросе присутствовать не должно, так как оценка материалов — прерогатива суда (ст. 56 ГПК РФ и 71 АПК РФ).

Сверив адрес страницы и реквизиты текста или объекта, нотариус составляет протокол нотариального действия — обеспечения письменного доказательства путем доступа к интернет-странице и последующего ее осмотра в порядке п. 18 ст. 35 и ст. 102 и 103 Основ законодательства РФ о нотариате. Как уже отмечалось, в протоколе надо описать не только саму страницу, но и порядок доступа к ней, и все действия, которые производились для получения интересующей информации. Особого внимания требует тот факт, что обеспечивать доказательства нотариус имеет право лишь по спору, находящемуся на досудебной стадии (ст. 72 АПК РФ и ст. 57 ГПК РФ), или до рассмотрения дела в административном порядке (ст. 102 Основ законодательства РФ о нотариате).

Распечатанные страницы целесообразно сшить с протоколом, в котором расписывается нотариус и заинтересованное лицо, указываются паспортные данные и адрес постоянного места жительства последнего, ставится оттиск печати. Нотариальное действие оплачивается государственной пошлиной, заносится запись в реестр.

Указанная процедура обеспечения доказательств не регламентирована каким-либо нормативным актом (Приказ Минюста РФ от 15 марта 2000 г. N 91 "Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации" не содержит никаких рекомендаций до данному вопросу), в каждом конкретном случае нотариус совершает указанные действия руководствуясь своими интуитивными соображениями. Представляется полезным выработать и утвердить единый стандарт, учитывая, что споры о нарушении прав в сети Интернет перестают быть единичными случаями, но по-прежнему вызывают сложности с предоставлением надлежащих доказательств суду.

### *Примечания*

1. Ивлев А. Web-страница как источник доказательств в арбитражном процессе. — Опубликовано: [[www.netlaw.spb.ru/articles/paper05.htm](http://www.netlaw.spb.ru/articles/paper05.htm)].

2. Решение опубликовано в работе В. Б. Наумова «Право и Интернет. Очерки теории и практики». М., 2002. С. 388, а также в Интернет по адресу: [<http://www.vic.spb.ru/law/law.htm>].

## **ПРАВОВЫЕ ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ**

**А. К. Кусаннова**

Институт философии и права СО РАН

Идея есть продукт человеческого сознания, отражающий волевое отношение человека к окружающему его миру, к существующим общественным отношениям с учетом существующих у него потребностей. [1] Правовые идеи изначально пребыва-

ют в юридической материи (в законах, судебных решениях, иных реалиях). Они изначально «родились» в самой правовой материи и именно там «растворены», «спрятаны», являются неотъемлемыми, органическими элементами самого содержания права. Правовые идеи могут быть охарактеризованы в качестве самой сути, центрального правового материала – своего рода «стержня» юридических конструкций, «изюминки» того, что в юридической науке нередко обозначается в виде «принципов отрасли», «начал» данной отрасли права или даже особенностей «метода регулирования». Правовые идеи аккумулируют, переводят на язык правовых категорий и представляют в концентрированном виде материальные, духовные, нравственные начала данного общества, заложенные в его строе интеллектуально-ценностные установки и тенденции. Они также могут выражать узкоклассовые, групповые, этнические установки или даже узкодоктринерскую философскую концепцию, которая нацелена на то, чтобы попытаться подчинить себе всю правовую материю, а через нее и реальную действительность. [2]

Правовые идеи выступают в качестве определяющего фактора для других слоев правовой материи, прежде всего для правового содержания юридической системы, влияют на характер, состав и содержание субъективных прав, на их соотношение с обязанностями, запретами, ответственностью, на их место во всей правовой инфраструктуре, их реальность, обеспеченность, защищенность. Брешы в поле конкретизированных нормативных положений во многом заполняются правовыми идеями, в т.ч. идеями юридических конструкций, иных юридических форм, так или иначе выраженных в действительных юридических нормах. Правовые идеи образуют наиболее глубокий слой правовой материи: имеют существенное значение не только для толкования действующего права в отношении тех или иных жизненных ситуаций, но и для обоснования современного видения пробельности права, выражающего принципиально важные направления современного мирового правового развития. Беспробельность правопорядка характеризуется тем, что «тело» действующего права образует не только сами по себе конкретизирующие юридические нормы, но и лежащие в их основе и «пронизывающие» их правовые идеи. Наряду с тем, что правовые идеи могут заполнять «пустоты» писаного права, не менее значимо то, что известные правовые идеи могут прямо входить в правовую систему, в саму объективированную материю права, его догму.

Ни одна крупная область права не обходится без исходных идей, важных и необходимых для понимания ее сущности: места, роли, назначения в системе права, а также характеризующих процесс правоприменения. Содержание этих идей всегда образует наиболее значимые общесоциальные ценности: равенство, свобода, справедливость. Ни одно общество не живет без идей, это его духовная опора, система представлений о желаемом общественном устройстве и путях его достижения.

Идея рассматривается как начальная стадия формирования права. Идеи могут быть лишь категорией правосознания, но могут выходить и за его пределы. Как результат возникают новые самостоятельные общественные явления в виде норм права как практическая форма реализации идей и взглядов, организации общественных отношений. Ценность идей не только в логической формулировке и возможности их интерпретации, свое собственное значение они будут иметь лишь в способности решать научные и практические проблемы. Идеи «надо познать, выразить и определить какие ценности лежат в их основе». [3] Прежде чем воплотиться в нормах права, идеи проходят своеобразный фильтр: юридические знания – оценка – призма государственных интересов.

Идея, отражающая потребности юридического быта, не познанная, всего лишь взгляд, представление. Не все идеологические постулаты – суть правовые принципы,

их следует отличать от идей, не достигших юридического выражения, правовых деклараций, оценочных понятий в праве и других явлений правовой материи. Критериями для отбора идей являются их будущая способность определять организацию правового регулирования, их направленность, характер, основания и объем регулятивного воздействия, необходимость и достаточность для реализации функций права и выполнения задач правового регулирования. Объективное значимое выражение идеи способны получить в законодательстве, а точнее если, то в соответствующих юридических конструкциях. Идея, ставшая сутью конструкции, приобретает юридический характер (таковой она способна стать «лишь в случае своего отражения в правовых категориях»). Правовые идеи – особая разновидность общественно-политических идей, предметом отражения имеют правовую сферу общественной жизни, ту систему общественных отношений, которая должна быть закреплена в нормах права в качестве гарантированной государством модели определенного социального состояния.

Идея – неизменный атрибутивный признак правового принципа. Принципы права и гражданского, в частности, обретают свой статус лишь в результате познания, оценки и воплощения их в праве объективном. Показателем воплощения является текстуальное закрепление принципа.

В процессе формирования правовых принципов из правовых идей и их реализации прослеживается определенная последовательность. Можно выделить в нем 3 основных стадии: 1) правовая теория; 2) система правовых норм; 3) правопорядок. Это связано с тем, что построить систему норм права, не определившись с принципами, на которых она строится и функционирует, невозможно. На стадии правовой теории происходит первоначальная объективизация и разработка правовых идей и формирование их как принципов правового регулирования. Последние раскрываются в понятиях и категориях, обосновываются и доказываются. Далее правовые принципы получают общезначимое значение либо прямое закрепление в системе правовых норм. На стадиях реализации норм права и их применения правовые принципы преломляются и находят выражение в правопорядке как итоговом состоянии действия права.

Правовые принципы – это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закреплённые в закономерности общественной жизни. Как глубинные элементы они способны направлять развитие и функционирование всей правовой системы, определять судебную и иную юридическую практику, способствовать устранению пробелов в праве, отмене устаревших и принятию новых юридических норм. Они исходные ориентиры в правовом поведении, при применении и толковании права.

Существует два аспекта употребления понятия «правовые принципы»: 1) как явления общественного сознания (логическая структура, созданная учеными – в виде теории как способ теоретизации правового знания); 2) как явления нормативно-правовой действительности (начала права, выработанные правовой доктриной, оцененные и воспринятые законодателем).

Гражданско-правовые принципы – нормативные обобщения идеологических и нравственных начал, отражающие суть регулируемых отношений. В сфере гражданско-правового регулирования действует несколько групп принципов: 1) общеправовые принципы – нормативно-идеологические постулаты, предопределяющие содержание и сущность всего механизма правового регулирования общественных отношений; 2) принципы-начала – «выкристаллизовавшиеся» в процессе законотворчества основополагающие заглавные идеи, носящие характер фундаментальных и опорных для всего гражданско-правового регулирования и несущие в своем содержании информацию о способах, свойствах и признаках правового регулирования в сфере имущественных и личных неимущественных отношений; 3) принципы-аксиомы – мо-



рально-этические или нравственные принципы права: принцип гуманности (ст. 137 ГК РФ), добросовестности и разумности (ст. 602 ГК РФ), нравственные принципы общества (ст. 1064 ГК РФ). В заключение хотелось бы отметить, что правовые идеи и принципы права не могут рассматриваться как категории всегда тождественные. Принципы не идентичны идеям о праве, всякий принцип – это идея, но не всякая идея правовой принцип. Подобный подход позволит «отсечь» различные не юридические положения, которым присваивается статус правового принципа и обеспечит более продуктивный подход к исследованию всей проблемы принципов права.

### *Литература*

1. Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. – Тюмень, 2001. – с. 9.
2. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – с. 298.
3. Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб, 1999 – с. 223.

## **ДОГОВОР НОРМАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА**

**Д. А. Лабузов**

Сибирский университет потребительской кооперации

Введение. Прежде, чем охарактеризовать роль договора нормативного содержания в системе источников права, нам кажется важным еще раз вернуться к понятию источника права. Различия в определении источника права обусловлены тем, что в разных концепциях правопонимания в качестве правообразующих факторов понимаются различные части объективной реальности [1]. В частности, для сторонников естественной концепции правопонимания основными факторами, образующими право, являются окружающая среда человека. Следовательно, источниками права в рамках данной концепции являются некие объективные естественные факторы окружающей среды, которые оказывают влияние на образование права.

Доминирующей концепцией правопонимания в настоящее время является позитивистская концепция, в рамках которой право отождествляется с правовыми нормами. Следовательно, правообразующий фактор – сами нормы, их содержание и *форма*. Это подтверждают и те определения источника права, которые являются наиболее распространенными сейчас. В частности, С.Алексеев определяет источник права как «исходящие от государства или признаваемые им официально документальные способы выражения и закрепления норм права, придания им юридического, общеобязательного значения». В рамках данной концепции к источникам права, наряду с нормативным правовым актом, санкционированным обычаем, судебным прецедентом принадлежит и договор нормативного содержания. В рамках данного исследования мы попытаемся охарактеризовать значение договора нормативного содержания в правовой системы России *на примере договоров о разграничении полномочий и предметов ведения*, выявив, насколько значимым является данный вид договоров в процессе право- (нормо-) образования.

Соотношение договора нормативного содержания и Конституции РФ. Конституцией РФ (статьей 5) разграничение предметов ведения и полномочий определено в качестве одного из важнейших принципов федеративного устройства российского государства. В статье 11 закреплено, что наряду с Конституцией, разграничение полномочий и предметов ведения осуществляется *Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий*. Однако, многими исследователями в

области конституционного права высказывалась обеспокоенность тем фактом, что некоторые положения данных договоров пересматривают положения Конституции России, которая имеет верховенство и высшую юридическую силу. В частности, Договором с республикой Башкортостан этот субъекты Российской Федерации были объявлен *суверенным*, однако по смыслу статьи 4 Конституции, суверенной является только Российская Федерация. Подобная правовая позиция отражена и в Определениях Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года № 92-О и от 6 декабря 2001 года № 250-О. Очевидно, что понятие суверенитета субъекта может рассматриваться только с учетом статьи 73 Конституции, которая определяет, что субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти (т.е., по сути, суверенитетом) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения. Подобное положение закреплено и в Договоре с Башкортостаном.

Следовательно, никакого пересмотра закрепленных в Конституции положений нет и, следовательно, в вопросе определения суверенитета субъектов Российской Федерации договор нормативного содержания как источник права особого значения не имеет, т.к. этим договором не образуется каких-либо норм, отличных от закрепленных в актах, имеющих большую юридическую силу (Конституцией РФ). Также многие исследователи указывали на то, что договором о разграничении предметов ведения и полномочий перераспределялись закрепленные в Конституции предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в сторону больших полномочий субъектов. В частности, Договором с Татарстаном предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов переданы в исключительное ведение Татарстана (в частности, вопросы помилования, адвокатуры и нотариата и др.). Но данный Договор является скорее исключением, т.к. Договорами с другими субъектами РФ предметы ведения не перераспределяются, а *конкретизируются*. Наиболее общие положения Конституции, определяющие предметы ведения, в Договоре получают более конкретное воплощение с учетом особенностей того или иного субъекта.

Таким образом, в вопросе разграничения полномочий договор нормативного содержания выполняет конкретизирующую функцию, развивая общие положения Конституции для того или иного субъекта или конкретизируя его исключительные полномочия (с учетом статьи 73 Конституции РФ). Соотношение договора нормативного содержания с федеральным законодательством. Согласно действующему законодательству, Договоры о разграничении полномочий и предметов ведения имеют силу федерального закона. Однако, Конституция РФ предусматривает верховенство федерального законодательства. Большинство действующих договоров о разграничении предметов ведения и полномочий было заключено до закрепления за этими договорами силы федерального закона, следовательно в случае возможных противоречий между положениями договоров и федерального законодательства, могут возникнуть трудности в правоприменении, т.к. формально эти два источника права имеют эквивалентную юридическую силу.

Выводы: (а) в рамках правовой системы России договоры нормативного содержания в качестве источника права выполняют в основном функцию конкретизации конституционных норм; (б) в вопросе определения степени суверенитета субъектов Российской Федерации в качестве источника права договор нормативного содержания особой функции не выполняет, т.к. не образует норм, отличных от закрепленных в актах, имеющих большую юридическую силу; (в) договор нормативного содержания имеет силу федерального закона, что может теоретически привести к трудностям в правоприменении в случае противоречия между нормами федерального закона и договора.

1. Алексеев С.С. Право: опыт комплексного исследования. С.76. М, 1999.

## **ПРОБЛЕМЫ ОСПАРИВАНИЯ АКТОВ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА**

**М.Э.Морозов**

Новосибирский государственный университет

С развитием третейского разбирательства и соответственно более частым вынесением третейскими судами судебных актов, стала весьма актуальной проблема их оспаривания в государственном суде, поскольку стороны не всегда довольны вынесенным третейским судом решением. Особую актуальность эта проблема получила в связи с противоречиями нормативных актов регулирующих третейское разбирательство. На сегодняшний день можно говорить о возможности оспаривания двух видов актов третейского суда это определения о компетенции третейского суда в отношении рассматриваемого спора и решения третейского суда. Хотя, процедура оспаривания актов третейского суда в государственном суде является одной из гарантий недопустимости нарушения закона, именно эти права сторон и оказались урегулированы законодательством наихудшим образом. Итак, вот основные проблемы в этой области.

Закон "О третейских судах в РФ" (далее закон), в ст. 17 устанавливает, что если стороной третейского разбирательства будет сделано заявление о некомпетентности суда рассматривать спор, то он обязан рассмотреть это заявление и вынести определение. Возможность же его обжалования в законе не предусмотрена. Государственный суд, который должен контролировать правильность вывода о наличии у третейского суда компетенции рассмотреть спор, действует, руководствуясь соответствующими процессуальными нормами. Однако, процессуальное законодательство, регулирующее порядок рассмотрения этой категории дел в государственном суде, делает этот вид контроля чисто теоретическим, ввиду того, что ст. 235 АПК РФ предусматривает возможность обжалования определения о компетенции третейского суда, в случае если это предусмотрено законом, ГПК РФ вообще не содержит никаких норм относительно возможности оспаривания определения о компетенции третейского суда. Поэтому, можно прийти к выводу, что для внутренних третейских судов, возможности обжалования определений о компетенции законом не установлено. Возможность такого обжалования предусмотрена только в законе "О международном коммерческом арбитраже" для международного арбитража.

Несколько по иному обстоит дело с оспариванием решения третейского суда. Согласно ст. 40 закона решение третейского суда может быть оспорено, если в третейском соглашении не предусмотрено, что решение является окончательным. Однако, в силу п. 3 ст. 7 закона, правила постоянно действующего третейского суда рассматриваются в качестве неотъемлемой части третейского соглашения. Таким образом, оказывается, что значительная часть решений третейских судов не может быть оспорена в силу того, что стороны установили окончательность решения в третейском соглашении, или же такое правило содержится в регламенте третейского суда. Думается, что такое волеизъявление должно быть выражено сторонами непосредственно и явно ими предусмотрено, а не содержаться в регламенте суда, который охватывается волей сторон только опосредованно. Из этого должен бы следовать вывод, что эти решения исключены из сферы контроля государственных судов. Тем не менее, судебная практика свидетельствует об обратном. Многие суды рассматривают заявления об оспаривании решения, даже при наличии четкого соглашения об окончательности решения.

Это связано с тем, что процессуальное законодательство содержит закрытый перечень процессуальных оснований, по которым суд может избежать принятия такого заявления (оставив его без движения или возвратив), прекращение производства по делу или оставление заявления без рассмотрения после принятия заявления, вообще законом не предусмотрены. Таким образом, наличие оговорки об окончательности решения фактически не дает никаких гарантий того, что решение третейского суда действительно окончательно.

Подобные пробелы в праве являются аргументом в пользу точки зрения, что стороны должны иметь возможность обжалования или оспаривания любого акта третейского суда. Такая позиция наиболее аргументировано была высказана судьей Высшего арбитражного суда РФ Нешатаевой Т.Н. на межрегиональной конференции проведенной Омской Торгово-промышленной палатой 2-3 марта 2004г. Эта позиция базируется на положении ст. 46 Конституции о праве на судебную защиту и ст. 6 Европейской Конвенции "О защите прав человека и основных свобод" о праве на справедливое судебное разбирательство, которое с учетом толкования Европейского суда, включает в себя и право на доступ к правосудию (решение от 9.12.1994г. по делу "Стрэн" и Стратис Андреатис против Греции). По этой концепции, даже если российский закон содержит какие-либо положения ограничивающие право на обращение в государственный суд или не регулирует порядок рассмотрения таких обращений, то это не может служить препятствием для оспаривания актов третейского суда, исходя из общих принципов права.

Однако, помимо права на судебную защиту, есть еще и право граждан самостоятельно определять способы и формы защиты своих прав. И если они избрали особую частноправовую форму защиты своих прав, то государство обязано уважать такой выбор и не должно вмешиваться в частные дела сторон, за исключением самых явных случаев нарушения закона. Но, насколько в данном случае нарушается право на судебную защиту. Нельзя отрицать, что недопустим отказ от права на судебную защиту и если даже такое волеизъявление выражено, то оно будет ничтожно. Право на судебную защиту предполагает защиту нарушенных или оспоренных прав путем разрешения спора по существу. При наличии третейского соглашения государственный суд уже лишен возможности рассмотрения спора по существу, если хотя бы одна из сторон заявит об этом. Иной подход фактически бы означал, что решение третейского суда не обладает признаком окончательности, что лишает этот способ разрешения спора его главного преимущества, а делает его еще одной стадией государственного правосудия.

При оспаривании решения третейского суда, речь не идет о разрешении спора, поскольку он изначально исключен из сферы государственного судопроизводства. Поэтому, нельзя говорить об ущемлении права на судебную защиту, которая уже была реализована путем выбора органа защиты своих прав, а только о возможности реализации процессуального права стороны на государственный контроль, за актом третейского суда. Исключение процедуры оспаривания актов третейского суда в государственном суде вовсе не приводит к нарушению прав, поскольку любая из сторон третейского судопроизводства может не подчиниться вынесенному третейским судом акту, отказавшись от его добровольного исполнения. Принудительное исполнение такого акта всегда будет происходить через процедуру выдачи исполнительного листа в государственный суд. И именно на этой стадии сторона, против которой вынесено решение, сможет реализовать свое право на правосудие.

Из-за таких коллизий, судебная практика по этому вопросу не является устойчивой, и различные государственные суды используют разные подходы в вопросах оспаривания актов третейских судов. Поэтому, на мой взгляд, нет правовых оснований

для расширительного толкования правовых норм регулирующих ограничения права на обжалование актов третейского суда. Конституция РФ и Европейская конвенция гарантируют право на справедливое судебное разбирательство и недопустимость ущемления прав. В данном случае право на справедливый суд не нарушено, но напротив уже реализовано путем применения хоть и вне государственных, но легализованных государством способов защиты. Государство же может только проверить, был ли этот суд действительно справедливым и действовал ли он на законном основании. Но, такая проверка может быть осуществлена только в установленных законом случаях и установленных формах.

## **КАТЕГОРИИ «РАБОТА» И «УСЛУГА» В ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ**

**Д. В. Музюкин**

Алтайский государственный университет

Научная разработка гражданско-правовых категорий «работа» и «услуга» имеет собственную историю, получившую объективированное отражение в публикациях отечественных цивилистов. Но степень проникновения в глубь правового механизма, регулирующего отношения по выполнению работ и оказанию услуг, исследовательский процесс можно, условно, разделить на три этапа: первый представлен литературой дооктябрьского периода, второй – литературой советского периода, третий – литературой постсоветского периода развития общества.

Характерной особенностью первого этапа исследований анализируемой сферы является то, что он представлен преимущественно учебной литературой, в том числе работами: Анненков К.С. Система русского гражданского права. – СПб., 1901; Он же Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики и проекта гражданского уложения. – СПб., 1893; Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М., 1902; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1908. Труды дореволюционного этапа отождествляют понятия «работы» и «услуги», объединяя их термином «подряд», который трактуется в качестве договора, по которому одно лицо обязуется за известное вознаграждение, в течении известного времени оказать другому лицу какую-либо услугу, например, в сооружении здания, перевозке тяжести. Утверждается, что это услуга, возможно потому, что нанимающий подрядчик не обязывается сам производить работу, а имеется в виду, что она будет произведена посредством других лиц. Услугой являются, и отношения по поклаже и это объясняется обычаем в соответствии, с которым, очень редко лицо, принимающий имущество на сохранение, рассчитывает на какое-либо вознаграждение, однако услуга может быть платной. В литературе говорится и об услуге, опосредующей трудовые отношения, так называемом договоре личного найма, по которому одно лицо обязывается оказать за известное вознаграждение, в течении известного времени какие-либо определенные материальные услуги (наем сельскохозяйственный, фабричный, для домашних услуг) или нематериальные услуги (религиозные, умственные, нравственные услуги). Объектом таких отношений являются «услуги как таковые, безотносительно к конечному их результату, также объектом называется работа, должность и в самом широком смысле – действие. Таким образом, несмотря на отождествление работ с услугами научная мысль также как и сейчас, относит работы и услуги к категории действий (деятельности), то есть отличает их от категории вещей.

На втором этапе цивилистических исследований категорий «работа» и «услуга» изданы работы: Брауде И.Л. Договоры по капитальному строительству. – М., 1952;

Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Л., 1955; Очерки по гражданскому праву/ Под ред. О.С. Иоффе. – Л., 1957; Красавчиков О.А. Вопросы системы особенной части ГК РСФСР. – Свердловск, 1957; Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. – Минск, 1967; Лаптев В.В. Предмет и система гражданского права. – М., 1969; Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М., 1970; Ткач А.П. Договорно-правовые отношения социалистических организаций и хозяйственная реформа. – Киев, 1970; Актуальные вопросы по гражданскому праву/ Под ред. В.А. Рясенцева. – М., 1971; Верб С.А. Структурные особенности правоотношений по капитальному строительству. – Свердловск, 1974; Плеханов В.М. Объект гражданских правоотношений и объект стандартизации. – Свердловск, 1975; Брагинский М.И., Шапкина Г.С. Хозяйственные договоры в материально-техническом снабжении. – М., 1976; Гинцбург Л.Я. Наука советского гражданского права в 20-е годы. – М., 1976; Брагинский М.И. Экономическое стимулирование в материально-техническом снабжении. – м., 1977; Гражданское право, эффективность и качество/ Под ред. О.А. Красавчикова. – Свердловск, 1977; Кабалкин А.Ю. Гражданский закон об услугах населению. – М., 1980; Пугинский Б.И. правовые средства обеспечения эффективности производства. – М., 1980; Брагинский М.И. Совершенствование законодательства о капитальном строительстве. – М., 1982; Калмыков Ю.Х. Правовое регулирование хозяйственных отношений. – Саратов, 1982; Лаптев В.В. Хозяйственное право. – М., 1983; Фархтдинов Я.Ф. законодательство и судебная практика по некоторым видам бытового обслуживания. – Казань, 1983; Хохлов С.А. Правовое регулирование хозяйственных связей по выполнению работ. – Свердловск, 1983; Калмыков Ю.Х. Хозяйственный механизм гражданского права. – Саратов, 1986; Рыженков А.Я. Товарно-денежные отношения в советском гражданском праве. – Саратов, 1989; Кротов М.В. Обязательство по оказанию услуг в современном гражданском праве. – Л., 1990.

В этот период большое значение имели договоры по выполнению работ и оказанию услуг, особенно подряд на капитальное строительство, значительно была расширена сфера услуг. В 1931г. все хозяйственные органы должны были оформлять письменными договорами на производство работ, оказание услуг. В этот период особую роль приобрел плановый договор подряда в области капитального строительства. В качестве подрядчиков выступали только социалистические организации. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 11 февраля 1936г. предложило наркоматам СССР и СНК союзных республик сформировать постоянно действующие строительные организации: тресты и стройконторы. Заключение подрядных договоров на проектные и изыскательские работы с частными лицами было запрещено. Во второй половине XX в. получил разрешение спорный в одно время вопрос о самостоятельности договора подряда на капитальное строительство. В основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, в разделе III («Обязательственное право»), выделена глава «Подряд на капитальное строительство», которая следовала непосредственно за главой, посвященной подряду. Эти договоры отличались друг от друга по субъектному составу, предмету, содержанию, плановым предпосылкам, поскольку подряд на капитальное строительство был основан на обязательном для обеих сторон плановом акте. Также в этот период в литературе активно дискутируется вопрос о предмете договора подряда: насчитывалось шесть наиболее известных точек зрения. По мнению одной группы авторов (М.Я. Черняк, А.А. Каравайкин, Е.Д. Шешенин), договор подряда имеет унитарный предмет - законченный строительством и готовый к сдаче объект. Другие авторы (В.А. Романенко, М.П. Ринг) признают, что в договоре есть только один предмет, который состоит из 2 элементов – выполнения работ и их результата. Третьи (в частности, В.Ф. Чигир) говорят, что предметом является деятель-

ность подрядчика, выраженная в возведении и сдаче объекта. Четвертая, наиболее многочисленная группа юристов, признают наличие в договоре подряда на капитальное строительство одновременно двух объектов – собственно работ и их результата. Пятые (например, А.П. Ткач) признают предметом договора «не отдельные действия подрядных организаций, а сдачу готовых объектов строительства». И, наконец, шестые (например, С.А. Верб) считают возможным существование альтернативных объектов: либо «законченный строительством объект, либо комплекс общестроительных или специальных работ». На данном этапе по своей экономической значимости договоры на выполнение работ стоят на втором месте после договоров, опосредующих передачу имущества в собственность или оперативное управление. В то же время в юридической литературе рассматривался вопрос о соотношении понятий «сфера обслуживания» и «услуги», при этом говорится, что услуга, как экономическая категория имеет более общий характер по сравнению со сферой обслуживания, а понятие обслуживание связывается с непосредственным удовлетворением индивидуальных потребностей людей. Услуги объявляются предметом договоров перевозки, хранения, поручения, экспедиции, комиссии, т.е. выделяется особая группа договоров по оказанию услуг. Таким образом, из договора подряда выделился подряд на капитальное строительство, который является прообразом современного строительного подряда. Важно также отметить, что в литературе делаются попытки отделить работы от услуг, путем выделения особой группы договоров по оказанию услуг.

В постсоветский период следует выделить работы: Кабалкин А.Ю. Услуги в гражданском праве РФ. – М., 1995; Новый ГК РФ и отраслевое законодательство/ Под ред. Ю.П. Орловского. – М., 1995; Услуги. Правовой режим организации/ Под ред. Б.А. Борисова. – М., 1997; Гражданское право/ Под ред. Е.А. Суханова. – М., 1998; Актуальные проблемы гражданского права/ Под ред. М.И. Брагинского. – М., 1999; Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. – М., 1999; Проблемы современного гражданского права/ Под ред. В.Н. Литовкина. – М., 2000; Витушко В.А. Курс гражданского права. – Минск, 2001; Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. – СПб., 2002; Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг. – Екатеринбург, 2002. ГК РФ 1994г. выделил в статье, посвященной объектам гражданских прав – работы и услуги, тем самым, признав их самостоятельными объектами гражданских правоотношений. При этом понятия работ и услуг законодатель не дает, а лишь опосредует их через договоры на выполнение работ (глава 37) и оказание услуг (глава 39). На данном этапе проводится дискуссия по вопросу о соотношении понятий «объекты гражданских прав» и «объекты гражданских правоотношений», отмечается, что законодатель избегает единственного числа, поскольку соответствующее понятие призвано отражать весь спектр вне юридических реалий, по поводу которых в ст. 128 ГК образованы абстракции отождествления: имущество, вещи, ценные бумаги, работы, услуги и т.д.. «Объекты гражданских прав» от того лишены единственного числа, они подразумеваются законодателем как некая правовая абстракция, представленная теоретической идеей о системе имущественных и социальных благ, составляющих экономическую и духовную основу существования человека и общества. Эта абстракция – идея, однако, содержит в себе обобщения сущностных черт не наличных вне юридических реалий (благ), а отображающих их изолирующих абстракций отождествления, работы и услуги относятся к материальным благам. Однако, вещи, работы и услуги объединяет их экономическая природа как товаров объективно требующих для себя гражданско-правового оформления (режима). Но вещи, как имеющие товарную форму – предмет материального мира, надо отличать от «бестелесного» имущества, или чужих действий. Авторы, отпавляясь от соотносимости понятия объекта с интересами субъектов правоотноше-

ний, приводят традиционное разделение объектов, в котором работы и услуги, имеющие родовые обозначения как действия относятся к объектам обязательственных правоотношений. Под работами понимается деятельность, направленная на получение овеществленного, объективированного результата, т.е. плата осуществляется за результат. Под услугами видится деятельность, направленная на достижение нематериального результата, получение которого не может быть гарантировано, т.е. плата осуществляется за деятельность. Таким образом, современными авторами, в отличие от авторов двух предшествующих этапов анализа, разводятся понятия работ и услуг. Данное разделение обусловлено не только позицией законодателя, но и новыми разработками в научной литературе.

Подытоживая, следует отметить, что каждый из трех этапов научной разработки категорий «работа» и «услуга» нельзя рассматривать в отрыве от остальных этапов, т.к. предшествующий этап является продолжением последующего и, таким образом, дает подробный анализ научной литературе в целом.

## **ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ВИНЫ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**С. А. Туменбаев**

Институт философии и права СО РАН

Едва ли найдется другое понятие в юриспруденции, смысл которого так неоднозначно толковался различными представителями правовой науки. Проблемы вины оставались спорными в течение многих лет, не нашли они своего полного разрешения и сегодня. В гражданском законодательстве понятие «вина» хотя и упоминается, но не раскрывается, не сформулировано оно ни в рамках оснований ответственности за нарушения обязательств (ст.401 ГК РФ), ни в контексте общих оснований ответственности за причинение вреда (ст.1064 ГК). Ученые-цивилисты, исследующие вопросы вины, дают различные определения анализируемому понятию. В частности, вина определяется как психическое отношение правонарушителя к своему неправомерному поведению и последствиям, в силу которого правонарушение становится актом сознательного поведения, выражающим собой определенное отрицательное отношение со стороны лица, его совершившего, к интересам, получившим защиту в современном социальном обществе [1]. В данном случае, трудно согласиться с включением в понятие вины отрицательного отношения к интересам общества. Не исключено, что правонарушение будет сознательно совершено лицом в убеждении, что оно действует правомерно. Кроме того, такое отрицательное отношение может отсутствовать при совершении правонарушений по неосторожности. Нередко вина определяется от обратного: не как психическое отношение к своему противоправному поведению, а как отрицательное, негативное отношение к своему правомерному поведению [2]. Существуют также понятия, где вина определяется как непринятие правонарушителем всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий своей деятельности, которая требовалась от него по характеру лежащих на нем обязанностей [3], то есть, здесь используется абстрактная модель ожидаемого поведения в конкретной ситуации разумного и добросовестного участника гражданских правоотношений. Но в целом, несмотря на различные авторские трактовки, вина рассматривается как психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению и его результатам. При таком подходе, возможно, требуется выяснения самого понятия психического отношения человека, которое кладется в основу понятия вины. Вполне очевидно, что не существует «юридического» понятия психического отношения, так как это понятие изучается и определяется психологической наукой, из которой юрис-



пруденция заимствует определенные категории, понятия, законы. Встречающиеся в литературе дефиниции психического отношения как «отношения сознания и воли» являются правильными, но крайне неполными и недостаточными. Основными сторонами психической жизни человека выступают психические процессы (последовательность изменений психической деятельности при том или ином виде взаимодействия человека с внешним миром, начиная от деятельности мышления и кончая двигательными реакциями), психические отношения (избирательные, активные, положительные или отрицательные связи человека с действительностью), психические состояния, психические свойства личности (свойства отношений, состояний и деятельности). С этой точки зрения психологи так определяют вину: «Вина – эффективная и динамичная психическая система, которая способна управлять поведением, мышлением и чувствами в определенных пределах»[4]. Однако на современном уровне развития общества наука не может при решении вопроса об ответственности непосредственно исследовать психические процессы, происходившие в сознании человека в момент правонарушения. Судить об этих внутренних процессах можно только по поведению субъекта, в котором они находят свое внешнее выражение.

При определении понятия, сущности и значения вины экскурс в историю является не просто данью традиции научного исследования, а необходимым средством для понимания правовой природы данной категории. В глубокой древности, в эпоху господства кровной мести, когда карательная деятельность государства ограничивалась регулированием проявления мести со стороны потерпевшего или его родственников, внутренний момент вины не имел никакого значения. Обиженный мстил за нанесенный ему деянием виновного вред, независимо от того, желал или не желал виновник нанести этот вред [5]. Наказывался тот, кто был причинителем вреда, несмотря на то, что его действия могло быть случайным, либо лицо, причинившее вред, было по современным понятиям невменяемым. Иными словами, в этот период не существовало понятия о вине как субъективном отношении правонарушителя к своему поведению, поэтому ответственность фактически могла возлагаться на невиновного.

Развитию современного взгляда на ответственность способствовали римские правоведы, обратившие внимание на волю человека. Они считали, что вина не наличествует, если не было предвидено то, что, осмотрительный человек мог бы предвидеть, или если об опасности было сообщено тогда, когда ее уже нельзя избежать [6]. По этому поводу юрист Гай говорил, что нет вины, если не было сделано так, как поступил бы самый осмотрительный человек, другой представитель цивилистов, что большая небрежность – вина, а большая вина – злой умысел [7]. Начиная с этого периода, вина приобрела значение обязательного условия возложения гражданско-правовой ответственности, было признано, что «без вины нет ответственности».

Философскими предпосылками возможности постановки вопроса о вине являются объективные закономерности природы и способность человека к познанию, а также свобода воли как способность принимать решения и сознательно осуществлять выбор целей и действий, необходимых для их достижения. В субъективно-идеалистической философии ответственность приобрела индетерминистическое обоснование: «воля есть во всех поступках сама для себя закон...»[8]. Г.Гегель, рассматривая право с позиции объективного идеализма как идею свободы воли, полагал, что «наличное бытие вообще есть наличное бытие свободы воли»[9], а, воля есть не что иное, как мышление, превращающее себя в наличное бытие [10]. Наличность разума и воли, по мысли философа, является общим условием вменения. Вина «состоит в утверждении, что субъект в качестве мыслящего знал и хотел...»[11].

Впервые в сфере гражданских правоотношений принцип вины в общей форме был сформулирован в Основых гражданского законодательства Союза ССР и союзных

республик: лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет имущественную ответственность лишь при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, предусмотренных законом или договором, причем отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Следует заметить, что, определяя вину как умысел или неосторожность, законодатель не давал определение этих форм вины, что также представляется пробелом закона.

Рассматривая вопрос о вине юристы высказали интересные соображения, касающиеся методологии правовых определений: «Всякое определение должно содержать в себе указание на существенные признаки предмета. Чем сложнее и многограннее какое-либо правовое явление, тем больше количество определений может быть ему дано. Когда мы хотим дать понятие вины, для того, чтобы решить, что именно должен установить суд для признания лица виновным, то нам нужно в понятие вины внести именно те признаки этого явления, которые являются необходимыми для решения этого практического вопроса». Эти соображения являются правильными и весьма важными для определения вины.

Подытоживая, можно конкретизировать определение вины следующим образом: «Вина есть психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его результатам в форме умысла и неосторожности». Будучи впервые в советской литературе сформулированное еще в 1925 году, это определение с теми или иными редакционными изменениями дается многими авторами.

#### *Примечания*

1. См.: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Л., 1955. - С.124.
2. См.: Варул П. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. - Таллин, 1986. - С.47.
3. См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. - М., 1997. - С.582-613.
4. Орлов Ю.М. Вина. - М. 1997. - С.36.
5. См.: Сергеевич В. Лекции и исследование Древней истории русского права. - СПб, 1899. - С.18.
6. См.: Пиляева В.В. Римское частное право. - СПб, 2002. - С.208.
7. См.: Там же.
8. Кант И. Соч. Т.4. - М., 1965. - С.289.
9. Гегель Г. Философия права. - М., 1990. - С.89.
10. См.: Там же. - С.68.
11. Там же. - С.165.

Научное издание

## **ОБРАЗ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В XXI ВЕКЕ**

Материалы региональной научной конференции молодых ученых  
Сибири в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются  
в авторской редакции

Подписано в печать 18.05.2004  
Формат 60х84 1/16. Офсетная печать.  
Уч.-изд. л. 12,25. Тираж 105 экз.  
Заказ № 276

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998г.  
Редакционно-издательский центр НГУ  
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.